

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФГКОУ ВО
УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

Э. Д. ХАФИЗОВ

**НАУЧНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОГО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Монография

Уфа 2017

УДК [001.32+378.1]-054.72(470)“192/194”

ББК 72.3+74.58+63.3(2)613-362

X26

*Рекомендована к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты: доктор философских наук, доцент А. Л. Анисин (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России);
кандидат философских наук, доцент М. Н. Зинятова (Дальневосточный юридический институт МВД России)

Хафизов Э. Д.

X26 Научная и просветительская деятельность русского послереволюционного зарубежья [Текст] : монография / Э. Д. Хафизов. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2017. – 141 с.

ISBN 978-5-7247-0920-0

В монографии раскрывается процесс институционализации эмигрантских научных организаций и объединений, рассмотренный в неразрывной связи с функционированием русских высших образовательных и просветительских учреждений. В работе представлены оригинальные концепции ученых послереволюционного зарубежья в междисциплинарных областях социогуманитарных дисциплин, предопределивших направления их научного поиска в последующий период интеграции в науку страны пребывания.

Исследование адресовано курсантам, слушателям, адъюнктам, специалистам в области социально-правового и гуманитарного знания, а также всем, кто интересуется проблемами российской науки и культуры за рубежом.

УДК [001.32+378.1]-054.72(470)“192/194”

ББК 72.3+74.58+63.3(2)613-362

ISBN 978-5-7247-0920-0

© Хафизов Э. Д., 2017

© Уфимский ЮИ МВД России, 2017

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время за пределами Отчизны проживают от 35 до 45 млн россиян, из которых около 10 млн в дальнем зарубежье. Ядро российской диаспоры составляют 25 млн этнических русских¹. Миграционные процессы будут только усиливаться. На сегодня эмиграция из страны составляет 100–150 тысяч человек в год². Сохраняется тенденция выезда из страны представителей творческой и научной интеллигенции и продолжительная их деятельность вне пределов Отчизны. Специалисты, анализируя миграционные процессы в научной среде, оперируют разнородными и противоречивыми экспертными оценками³. В частности, цена эмиграции ученых России и стран СНГ в первое десятилетие постсоветского развития эксперты оценивают в 200 млрд долларов⁴. К концу 1990-х гг. в западных странах на постоянной основе работали 20–30 тыс. российских специалистов. Еще около 120 тысяч человек трудились временно, по контракту⁵. Только в США проживают более 16 тыс. докторов наук, выходцев из России. Свыше 3 тыс. специалистов, занятых в «силиконовой долине», являются нашими соотечественниками⁶. Налицо оформление феномена «массовой» эмиграции профессиональных и национальных групп, представляющей все более значимым фактором глобальной политики. Каждый пятый эмигрант из России обладал высшим образованием и преимущественно был занят в интеллектуальной сфере. Так, среди россиян, выехавших в Германию и Израиль, около 80 % были ранее заняты в сфере науки и образования⁷. В связи с этим особую значимость приобретает проблема не только сохранения научного потенциала страны, но и культурной идентичности и национального самосознания россиян за рубежом.

С утверждением в современном российском обществе западноевропейских ценностей, основанных на прагматизме и индивидуализме, сохранение и приумножение отечественных традиций, осознание роли и значения отечественных духовных ценностей способствуют обращению к опыту носителей культуры русского зарубежья, представители которой на протяжении десятилетий смогли привнести в инокультурную среду достижения отечественной науки и культуры. Однако разделение отечественной

¹ Справочник российского соотечественника. – М., 2004. – С. 3.

² Динесенко М. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики. Центр демографии и экологии человека института народнохозяйственного прогнозирования РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://old.polit.ru/documents/486218.html> – (Дата обращения: 12.05.2011).

³ Егерев С. В. Российская научная диаспора // Вестник РАН. – 1997. – Т. 67. – С. 15–20; Некипелова Е. Эмиграция и утечка умов в зеркале статистики // Вопросы статистики. – 1995. – С. 90–94.

⁴ Российская газета. – 1999. – 25 июня.

⁵ Егерев С. Диалоги с диаспорой // Отечественные записки. – 2002. – № 7. – С. 273–285.

⁶ Юревич А. В., Цапенко Ф. П. Фетишизм статистики: количественная оценка вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Социология науки и технологий. – 2012. – № 3 URL: <http://cyberleninka.ru> – (Дата обращения: 20.03.2015).

⁷ Ушкалов И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность // Миграция и безопасность в России. – М., 2000. – С. 128–130.

науки на советскую и белоэмигрантскую нанесло невосполнимый урон научной мысли. По существу, была нарушена преемственность в ее развитии. На сегодня как никогда актуальным является оформление единого российского социокультурного пространства. О необходимости углубления уровня сотрудничества и взаимодействия говорилось на втором Всемирном конгрессе соотечественников, на котором интересы россиян-эмигрантов представляли 600 делегатов из 103 стран мира. Значимость проблемы осознается в высших эшелонах власти. Так, Президент России В. В. Путин отметил, что понятие «соотечественник» – это не столько юридическая категория, сколько мера духовного самоопределения. От имени россиян он выразил надежду, что национальный успех России будет способствовать объединению носителей русской культуры и ее расцвету¹.

Новизна и значимость данной работы обусловлены необходимостью рассмотрения научного эмигрантского сообщества как самостоятельного феномена, сыгравшего значимую роль в образовательной и просветительской деятельности в послереволюционном зарубежье. Следует иметь в виду, что по мере интеграции в страну пребывания русские философы, правоведы, историки и иные представители социогуманитарной науки трансформировались в профессиональных социологов, политологов, советологов и т. д., утвердившись в зарубежной научной мысли, получив заслуженное признание своих коллег.

Таким образом, назрела настоятельная необходимость обобщения теоретического наследия русского зарубежья, которое продолжает сохранять свою значимость, представляя определенную ценность в решении широкого комплекса проблем, связанных с развитием современного российского общества и государства.

Материалы монографии можно использовать в учебном процессе для проведения учебных дисциплин по истории отечества, истории государства и права России, политологии, социологии, спецкурсов: «Научное наследие российского послереволюционного зарубежья», «Правовые учения русской эмиграции», «Социология русского зарубежья». Кроме того, изложенный материал можно использовать при подготовке научных изданий по социальным, правовым и политическим проблемам, культуре России и т. д.

---

¹ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. 11–12 октября 2001 г. Москва. Итоговые материалы. – М., 2001. – С. 3–7.

ГЛАВА I. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН РУССКОГО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

1.1. Русское зарубежье как единое социальное и духовное пространство

Культура русского зарубежья, сохраненная и развитая эмигрантами разных поколений в целом, и научное наследие россиян-эмигрантов в частности постепенно становятся достоянием современной отечественной духовной жизни.

Научное осмысление феномена российского послереволюционного зарубежья началось в работах представителей эмиграции и зарубежных исследователей, в которых получили отражение её различные аспекты¹. В отечественной науке можно условно выделить советский и постсоветский периоды изучения культурного наследия эмиграции, различающиеся по методологии и по содержанию. В 1920–80-е годы русское зарубежье рассматривалось как составная часть враждебного капиталистического окружения, чьи ценности чужды советскому обществу. Внимание советских исследователей акцентировалось на раскрытии негативной роли эмигрантов в годы гражданской войны и их антисоветской деятельности². В 1950–60-е годы были опубликованы воспоминания русских эмигрантов, вернувшихся в СССР после окончания Второй мировой войны³. В исследова-

---

¹ Абданк-Коссовский В. Русская эмиграция: итоги за 35 лет. – Париж, 1956; Балакшин П. П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. – Т. 1–2. – Сан-Франциско–Париж–Нью-Йорк, 1958–1959; Он же. Свет пламени. – Сан-Франциско–Нью-Йорк–Париж–Торонто, 1997; Деникин А. И. Международное положение. Россия и эмиграция. – Париж, 1934; Жаба С. П. Русские мыслители о России и человечестве. Антология русской общественной мысли. – Париж, 1954; Краинский Н. В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. – Белград, 1931; Маевский В. Русские в Югославии, 1920–1945 гг. Взаимоотношения России и Сербии. – Нью-Йорк, 1966; Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Paris, 1971; Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. – Париж, 1926; Прянишников Б. Незримая паутина: ВЧК-ГПУ-НКВД против эмиграции. – Нью-Йорк, 1979; Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. – Лондон, 1990; Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М., 1994; Русская эмиграция в Болгарии. – София, 1923; Русские в Германии. – Берлин, 1921; Русские в Праге. 1918–1928. – Прага, 1928; Русские во Франции. – Париж, 1937. Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923. – Париж, 1983; Флоровский А. В. Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда РАОЗГ в Софии 14–21 сентября 1932. Ч. 1. – Белград, 1932; Johnston R. New Mecca. New Babylon. Paris and the Russian Exiles 1920–1945. – Kingston and Montreal, 1988; Chapin Huntington W. Homesick Million. Russia-out-Russia. – Boston, 1933; Simpson J. The refugee problem. Report of a survey. – London–N.–Y, Toronto, 1939; Volkman H.–E. Die Russische Emigration in Deutschland 1919–1929. – Wьrzburg, 1966; Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigrants in Germany 1881–1941. – Ithaca–New-York–London, 1972.

² См.: Белов В. Белое похмелье. – М., 1923; Киржениц А. У порога Китая. – М., 1924; Лунченков И. За чужие грехи. – М., 1925; Бобрищев-Пушкин А. Война без перчаток. – М., 1925; Патриотизм без отечества. – Л., 1925; Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. – М., 1928; Аварин В. Империализм в Маньчжурии. – Т. 1: Этапы империалистической борьбы за Маньчжурию. М.-Л., 1934.

³ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. – М., 1961; Любимов Л. Д. На чужбине. – Ташкент, 1965; Мейснер Д. И. Исповедь старого эмигранта. – М., 1963, Миражи и действительность. Записки эмигранта. – М., 1966.

ниях 1970-х годов советскими учеными уже отстаивалась мысль о необходимости применения объективного подхода к изучению русского послереволюционного зарубежья, рассматривая ее достижения как составную часть отечественной культуры¹.

Авторским разнообразием, различием в уровнях анализа и обобщений характеризуются работы 1980-х годов². Попыткой создания обобщающей картины социального, политического и культурного мира русского послереволюционного зарубежья стала работа Л. К. Шкаренкова³, в которой, несмотря на идеологические установки советской действительности, были проанализированы процессы оформления и эволюции российской послереволюционной эмиграции. Современные исследователи российского зарубежья считают, что именно она явилась наиболее «классической» работой, в которой отразились все достижения и недостатки научного изучения⁴.

В постсоветское время культура русского зарубежья стала рассматриваться в качестве национального достояния⁵. В фундаментальных работах Ю. А. Полякова и Г. Я. Тарле получили отражение проблемы адаптации россиян-эмигрантов в XIX и XX веках⁶. Правовое положение, социальная адаптация россиян в первое десятилетие послереволюционного зарубежья были проанализированы в работах З. С. Бочаровой⁷. Неоценимый вклад в развитие современного эмигрантоведения внесли работы Е. И. Пивовара⁸. Значительно увеличилось количество научных работ, имевших междисциплинарный характер⁹. Так, в монографии И. В. Сабенниковой был осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ основных диаспор русской эмиграции, оказавших влияние на раз-

¹ Барихновский Г. В. Крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции в 1921–1924-е гг. – Л., 1978; Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. – М., 1977.

² Афанасьев. А. Полюнь в чужих краях. – М., 1987; Осадчая А. П., Афанасьев А. Л., Баранов Ю. К. Почему мы вернулись на Родину: свидетельства реэмигрантов. – М., 1987.

³ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. – М., 1981.

⁴ Пушкарева Н. А. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 53.

⁵ Костиков В. Не будем проклинать изгнание ... (Пути и судьбы русской эмиграции). – М., 1990; Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. – Ставрополь, 1992; Тайна России. – М., 1999; Квакин А. В. Российская интеллигенция и «первая волна» эмиграции. – Тверь, 1994.

⁶ Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.): сб. ст. – М., 1999; Национальные диаспоры российских эмигрантов в XIX–XX веках: сб. ст. – М., 2001.

⁷ Бочарова З. С. Роль эмигрантских общественных организаций в Германии в адаптации российского беженства (начало 1920-х гг.). // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.): сб. ст. – М., 1999; Она же. «... Не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2005.

⁸ Пивовар Е. И. Россия в изгнании. Судьба российских эмигрантов за рубежом. – М., 1999; Он же. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008.

⁹ Соколов А. Г. Судьба русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М., 1991; Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992; Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. – М., 1993; История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. – М., 1996; Бочарова З. С. Судьбы российской эмиграции: 1917–1930-е годы: учебное пособие. – Уфа, 1998; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): сб. ст. – М., 1998 и др.

вите стран-реципиентов, правовое положение, проблемы адаптации, динамику численности россиян за рубежом¹. Значительный интерес представляет коллективный труд «Русские без Отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции», основанный на архивных данных и мемуарной литературе, раскрывавший повседневную жизнь различных слоев эмигрантского общества².

В постсоветское время бурными темпами стали изучаться региональные аспекты российского послереволюционного зарубежья. В монографии Э. Л. Нитобурга был осуществлен анализ оформления и становления русской диаспоры в США, сложившейся за столетие в процессе трех волн массовой иммиграции из России³. В последнее двадцатилетие были изданы научные работы, посвященные эмиграции россиян в Северо-Восточной Азии⁴. Так, в трудах Г. В. Мелихова, прожившего четверть века в Северо-Восточном Китае, представлены его личные впечатления и воспоминания отца и деда⁵. Обширный фактологический материал содержится в работах Е. Таскиной и Ван Чжичэна⁶. На обширном теоретическом и историческом материале Д. Ю. Алексеев и В. Ф. Печерица рассмотрели проблематику российского солидаризма⁷. В работах А. А. Хисамутдинова получили отражение различные аспекты эмигрантской жизни дальневосточной ветви русского зарубежья⁸. Комплексный обобщающий характер феномена российской эмиграции в Китае имеют работы Е. Е. Аурилене, которая на основе анализа материалов и малоизвестных источников, впервые введенных в научный оборот, осуществила системный анализ процесса адаптации россиян-эмигрантов и региональных особенностей формирования российской диаспоры в Дальневосточном регионе⁹.

¹ Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование: монография. – Тверь, 2002.

² См.: Русские без Отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М., 2000.

³ Нитобург Э. Л. Русские в США: история и судьбы, 1870–1970: этноисторический очерк. – М., 2005.

⁴ Российская эмиграция на Дальнем Востоке. – Владивосток, 2000.

⁵ Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. – М., 1994. Он же. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Ин-т рос. истории РАН. – М., 1997.

⁶ Таскина Е. Неизвестный Харбин. – М., 1994; Чжичэн Ван. Русская эмиграция в Шанхае. – М., 2008.

⁷ Алексеев Д. Ю., Печерица В. Ф. Российский солидаризм: история и современность. – Уссурийск, 2000.

⁸ См.: Хисамутдинов А. А. Бахметевский архив Колумбийского университета: материалы дальневосточной эмиграции // Отечественные архивы. – 1999. – № 6; Он же. Гуверский институт войны, революции и мира: материалы дальневосточной эмиграции // Отечественные архивы. – 1999. – № 4; Он же. Музей русской культуры в Сан-Франциско: материалы дальневосточной эмиграции // Отечественные архивы. – 1999. – № 5; Он же. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библ. словарь. – Владивосток, 2000; Он же. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь. – Владивосток, 2000; Он же. По странам рассеяния (в 2-х частях). Владивосток, 2000; Он же. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. – Владивосток, 2002.

⁹ Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2003; Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». – Хабаровск, 2004.

В последнее десятилетие появилось множество исследований, в которых раскрываются различные аспекты становления, оформления и функционирования российского зарубежья¹. Осмыслению духовного аспекта русской эмиграции первого послевоенного десятилетия посвящено исследование А. В. Кохановой и А. Н. Гнедаш². В поле зрения исследователей попали отдельные персоналии российского послереволюционного зарубежья³. На основе новых архивных источников и материалов В.Ф. Печерица воссоздал неизвестные и малоизвестные страницы духовной жизни русских беженцев в Китае в 1920–1940-е гг.⁴

Различные аспекты российского послереволюционного зарубежья получили отражение в работах китайских исследователей, в которых высоко оценивается вклад русской интеллигенции в приобщение китайских граждан к русской и мировой культуре, становление и развитие образования и науки в Китае⁵.

В исследовании феномена российского послереволюционного зарубежья находят применение количественные методы анализа. Так, был систематизирован и обработан массив источников, характеризующий количественный и качественный состав русских диаспор в Югославии (около 10 тыс. анкет эмигрантов, собранных Державной комиссией Королевства сербов, хорватов и словенцев в 20-е гг.)⁶.

Во второй половине 1990-х годов определились научные центры по изучению истории русского зарубежья: Институт российской истории, Институт всеобщей истории, Институт славяноведения, Институт мировой литературы. Большую работу проделал под руководством Ю. А. Полякова Центр изучения территории и населения России ИРИ РАН. В научных сборниках исследователи проанализировали проблемы интеграции русской диаспоры в странах-реципиентах⁷. Мероприятия научного характера, по-

¹ Обухова О. В. Русская эмиграция «первой волны» в Китае как политическое явление: автореф. дис. ... к.полит.н. – Усурийск, 2007; Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М., 2006;

² Коханова А. В. Нравственный опыт русской эмиграции первой волны (Аспект свободы): автореф. дис. ... к.филос.н. – СПб., 2003; Гнедаш А. Н. Идеино-нравственная эволюция российской эмиграции в 1920-е годы: автореф. дис. к.и.н. – Краснодар, 2003..

³ Романовский В. К. Николай Васильевич Устрялов: деятельность и эволюция идейно-политических воззрений: 1890–1937 гг.: автореф. дис. ... к.и.н. – Н. Новгород, 2007; Судоргина И. Н. «Государство», «власть», «личность» в государственно-правовой концепции Н. Н. Алексева: автореф. дис. ... к.ю.н. – Саратов, 2008.

⁴ Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. – Владивосток, 1999.

⁵ Ряска под ветрами и дождями: русские эмигранты в Китае (1917–1945 гг.). – Пекин, 1997; Ши Фан, Гао Лан, Лю Шуан и др. История российской эмиграции в Харбине. Харбин, 1998.

⁶ Алдюхова Е. М. Социальный состав российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев: (по материалам анкетного обследования 1921–1923-х гг.): автореф. дис. ... к.и.н. – М., 1996.

⁷ История российского зарубежья. Проблемы адаптации российских мигрантов в XIX–XX веках. – М., 1996; История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв.: сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова. – М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.: сб. ст. – М., 1997; Социально-экономическая адаптация российских мигрантов в XIX–XX вв.: сб. ст. – М., 1998.

священные проблематике российской эмиграции в Германии, Франции, Чехословакии и т. д., были организованы РГПУ им. А. И. Герцена¹.

В последнее время усиливается интерес исследователей к изучению особенностей становления и развития российской эмиграции. Так, в серии «Русский мир в XX веке» были опубликованы работы З. С. Бочаровой и М. Н. Мозейкиной, в которых акцентировано внимание на специфике послереволюционного русского зарубежья². Несмотря на наличие значительного количества публикаций, охвативших широкий спектр проблем русского послереволюционного зарубежья, следует отметить, что на сегодня еще не в полном объеме изучены ее количественные и качественные характеристики, отсутствует системный анализ научного наследия русского зарубежья, оценка роли и вклада русских ученых-эмигрантов в общецивилизационный процесс.

Научное наследие русской эмиграции сложно представить в полном объеме вне контекста феномена русского зарубежья, которое начало формироваться в пореволюционные и послереволюционные годы, представляя собой уникальное социально-культурное явление. «Быть в эмиграции есть большое несчастье для человека, – подчеркнул Н. А. Бердяев. Человек может быть эмигрантом по своему внешнему положению и иногда достоинство человека требует, чтобы он стал эмигрантом. Но человек не должен делаться эмигрантом внутренне, по духовной своей настроенности и направленности, не должен противопоставлять себя внутренней России, судьбе русского народа, не должен ставить себя нравственно выше тех, которые живут в России»³. В истории нашей страны эта волна эмиграции стала самой массовой и значительной. Россию покинула «не маленькая кучка людей, ушел цвет страны, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью»⁴. В литературе присутствуют различные оценки количественного состава русского послереволюционного зарубежья. После революционных событий за границей оказались, по данным А. Ахиезера, около 2–3 млн россиян⁵. По мнению другого исследователя, В. М. Кабузана, только в 1918–1924 гг. Россию покинули не менее 5 млн

¹ Русские в Германии (1914-1933): сборник научных статей. – СПб., 1995; Русская эмиграция во Франции (вторая половина XIX-середина XX века) // Тезисы республиканской научной конференции. – СПб., 1995; Российская эмиграция в Чехословакии (1918-1945): сборник научных статей. – СПб., 1996.

² Мозейкина М. Н. У истоков формирования Русского мира. XIX– начало XX века // Русский мир в XX веке / под ред. Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева, пред. А. М. Рыбакова: в 6-ти т. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – Т. 1; Бочарова З. С. Феномен зарубежной России 1920-х гг. // Там же. – Т. 2; Она же. Русский мир 1930-х гг.: от расцвета к упадку зарубежной России // Там же. – Т. 3.

³ Бердяев Н. Письма к молодежи // Студенческий бюллетень. – Париж, 1930. – № 10. – С. 7.

⁴ Фрейнкман-Хрусталева Н. С., Новиков А. И. Эмиграция и эмигранты: история и психология / научн. ред. проф. Г. А. Тишкин. – СПб., 1995. – С. 68.

⁵ Ахиезер А. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. – М., 1993. – № 7. – С. 70–78; «Русская эмиграция» URL:<http://chss.irex.ru/db/zarub/view> – (Дата обращения: 09.06.2011).

человек¹. Согласно переписи, проведенной под эгидой Лиги наций, общая численность русской диаспоры за рубежом насчитывала 10 млн человек².

Специфика русского послереволюционного зарубежья проявилась не столько в количественных параметрах, сколько в количественных характеристиках. «Русские на чужбине – не разрозненные толпы, но некоторое единство, символически представляющее весь русский народ и образующее государство без территории: Зарубежье <...> Представление о Зарубежье, как подобии государства, в котором продолжают действовать не только прежние религиозно-нравственные начала жизни (естественно всюду уносимые людьми с собою), но и совокупность прежних социальных норм, определяющих общественное положение людей, иерархические градации, взаимоотношения и т. п. – такое представление установилось, конечно потому что оно было духовной потребностью для огромного числа эмигрантов», – писал Ю. К. Рапопорт³. В русском послереволюционном зарубежье были представлены практически все слои императорской России: дворянство, духовенство, купечество, рабочие, крестьянство, казачество, военные и т. д. Их социально-экономическое положение было очень тяжелым. Из числа учтенных эмигрантов промышленные рабочие и ремесленники составляли – 23 %, лица, занятые сельскохозяйственным трудом – 41 %. Из представителей умственного труда (31 %) были заняты на неквалифицированных работах, из них только 5 % смогли устроиться по специальности. Для русского послереволюционного зарубежья был характерен высокий образовательный уровень. Почти все эмигранты имели начальное образование, примерно две трети взрослых беженцев обладали средним образованием, а каждый седьмой располагал университетским дипломом. Среди них преобладали квалифицированные специалисты, представители науки и искусства⁴. В то же время в громадном большинстве эмигрантская интеллигенция была вынуждена заниматься физическим трудом.

В определенном смысле русское зарубежье, оформившееся к 1922 году, в политическом, социальном и культурном смысле олицетворяла собой дореволюционную Россию. В пореволюционные годы уже проявилась своеобразная географическая «специализация» эмиграции: в Италию уехали представители аристократии, во Францию стремились состоятельные люди различной политической ориентации, в приграничных государствах и на Балканах сосредоточились беженцы, не обладавшие значительными средствами⁵. Воспроизводство социальной и культурной жизни прояви-

¹ Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. – СПб., 1996. – С. 228–230.

² Костиков В. Указ. раб. – С. 37.

³ Рапопорт Ю. К. Конец Зарубежья // Современные записки. – Париж, 1939. – Кн. LXIX. – С. 374, 376.

⁴ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. – С. 12.

⁵ Русский исход / отв. ред. Е. М. Миронова. – СПб., 2004. – С. 6.

лось даже в складывании за рубежом отношений центров и провинции: Санкт-Петербург и Париж; Москва и Берлин; европейская Россия и Прага, Белград, София; Дальний Восток и Харбин. «В Берлине и Париже, – отмечал В. В. Набоков, – двух столицах эмиграции, русские образовали компактные колонии, в которых коэффициент культуры значительно превосходил среднее арифметическое более разбавленной окружающей национальной среды. В этих колониях русские крепко держались друг за друга. Я имею в виду, конечно, русских интеллигентов, принадлежавших в основном к демократическим слоям <...> Жизнь в русской колонии была так заполнена и насыщена, что у интеллигенции не было ни повода, ни времени для создания других связей вне этого круга»¹. Россияне, оказавшись в эмиграции, сознательно и целенаправленно стремились не раствориться в инокультурном пространстве, сохраняя формы организации культурной жизни и воссоздавая привычные условия жизни и творчества, систему нравственных ценностей и социальных отношений. В одной старейшей газете эмигрантов США «Русская жизнь» отмечалось следующее: «В те же самые беспросветные для русской культуры времена русские эмигранты, все потерявшие, рассеянные по всему миру, унесли в своих сердцах и мыслях духовное творение – единственное наследие Обездоленной Родины. И не было странным, если в их пустых, дырявых карманах вместе с залежавшимися крошками солдатских сухарей находились бережно сохраненные томики Пушкина, Блока или других любимых поэтов. И, едва успев осесть в непрочных местах их скитаний, едва успев заработать тяжелым трудом первый кусок хлеба, они начинают восстанавливать по кусочкам духовные ценности, которыми жили они на Родине. Создаются литературные и театральные кружки, культурные объединения, уже звучат первые стихи зарубежных поэтов, открываются выставки русского искусства, издаются первые, еще тоненькие книжечки, звучит русская музыка, ставятся в подвалах, в сараях и на чистом воздухе русские пьесы, пишутся ученые труды высокой ценности, вырастают на чужих, иноверческих землях православные храмы»².

Уникальность истории послереволюционной волны эмиграции состояла в способности россиян к адаптации в стране пребывания, с одной стороны, и в противостоянии процессу ассимиляции, с другой. Многие беженцы, даже став полноправными гражданами страны пребывания, продолжали ассоциировать себя «подданными» России. О себе эмигранты писали: «Российская эмиграция. Без собственной территории, без своего правительства, даже без единого представительства, разбросанная по всей земле, по всем пяти континентам. Российская эмиграция, в активной части своей разделенная на политические течения и группы, в неактивной – ча-

¹ Набоков В. В. Другие берега: собр. соч. – М., 1990. – Т. 4. – С. 284.

² Правление. Праздник сорокалетней деятельности литературно-художественного кружка в Сан-Франциско // Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1962. – 21 апреля.

стично ушедшая в быт, частично ассимилирующаяся в странах рассеяния. Признаем, что есть эмигранты, оторвавшиеся от эмиграции почти целиком, ушедшие в чужую жизнь, забывшие или забывающие родной язык, но я не верю, что из душ их начисто выметена наша русскость»¹. Процесс языковой и культурной ассимиляции россиян-эмигрантов происходил постепенно. Некоторые представители стремились ассимилироваться в стране пребывания. Так, бывший министр финансов колчаковского правительства И. А. Михайлов, ставший в изгнании главным советником японской администрации в Харбине по русским делам, полностью перенял китайские манеры: от кухни до жизненной философии². В первое десятилетие вынужденного пребывания в странах-реципиентах, согласно исследованию З. С. Бочаровой, репатриировались только около 10 % россиян-эмигрантов³. Следует отметить, что принятие беженцем гражданства страны пребывания в некоторой степени было невыгодным в материальном и финансовом отношении, т. к. вело к автоматическому его исключению из всех эмигрантских организаций.

Особенность российского зарубежья состояла в том, что она развивалась вне национальных границ. Россияне за рубежом пытались создать единое духовное и культурное пространство. Причем каждый из них по своему видел будущее России и, несмотря на политические взгляды и предпочтения, стремился внести посильный вклад в дело служения Родине. Ярким примером беззаветного служения покинутой Родине является судьба Н. А. Реймерса (1894–1964), который, эмигрировав из России, обосновавшись во Франции, вынужденный зарабатывать на жизнь таксистом, издавал на свои скудные средства научные работы по логике, философии, эстетике и этике.

Политико-правовое положение российских эмигрантов в стране пребывания осложнялось неопределенностью их юридического статуса. Советское правительство исключило эмигрантов из числа советских граждан. За ними не было защиты государства. Они не могли рассчитывать на социальную и правовую защиту. Получение гражданства представляло достаточно сложную процедуру, требовало много времени и приложения значительных усилий. Из-за отсутствия гражданства эмигранты не могли претендовать на административную, судебную, адвокатскую, медицинскую или военную карьеру. Так, в послевоенной Франции была достаточно сильно распространена профессиональная корпоративность. Частная практика была сопряжена рядом ограничений для врачей, юристов и иных профессий. Даже коренному французу довольно сложным было войти в состав престижной профессиональной группы. Во Франции из многочисленных

¹ Самарин В. Нравственное осмысление 60-ти лет эмиграции // Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1981. – 27 марта.

² Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М., 2007. – С. 124.

³ Бочарова З. С. «... Не принявший иного подданства». – С. 119.

русских юристов, осуществлявших широкую консультативную практику по правовым вопросам и непосредственно участвовавших в судебных процессах, только немногие смогли стать членами Французской коллегии адвокатов¹. Получить достойную и высокооплачиваемую работу эмигранту было практически невозможно. Особенно это касалось представителей научной интеллигенции. В стране действовали жесткие ограничения. В частности, не признавались российские дипломы, звания, ученые степени и иные регалии. Т. Н. Бобринская отмечала в своих воспоминаниях: «Надо было сдавать экзамены, начиная с бакалавра, кстати, профессор Гурвич это сделал, выхода не было. Гурвич стал во Франции известным профессором социологии в Сорбонне. Но какой унижительный путь для настоящего ученого!»².

Для россиян-эмигрантов весьма острой была проблема их правового и социального статуса. На межправительственном уровне происходило решение данного вопроса. С 1921 г. действовала Комиссия по расселению беженцев (Refugees Settlement Commission), созданная под эгидой Лиги Наций, которую возглавил Ф. Нансен. На ее основе в 1931 г. возникло «Ведомство Нансена» (Nansen-Amt). Только в 1933 г. стала действовать конвенция о беженцах. «Нансеновские паспорта» постепенно получили признание в 39 странах мира. В изгнании лица, не имевшие сертификат Нансена, могли рассчитывать только на содействие эмигрантских учреждений и организаций, представлявших интересы беженцев. Тысячи легитимных «русских» организаций на всей территории эмигрантского рассеяния оказывали поддержку малоимущим, нетрудоустроенным, дискриминируемым россиянам. Тяжелое материальное положение эмигрантов из России, обстановка чужой культуры, незнание языка и законов, неопределенность правового статуса и иные проблемы обуславливали необходимость проведения широкого спектра форм деятельности по их правовой защите.

Несмотря на чрезвычайно сложные условия, в русском послереволюционном зарубежье оформились философское, социально-гуманитарное, эстетическое и литературно-художественное направления культурной жизни, воспроизводившие духовный потенциал дореволюционной России, не признававшие официальную советскую политику, идеологию и искусство. «Русские философы и ученые, оказавшиеся за границей, – подчеркнул Б. П. Вышеславцев, – продолжали здесь свою научно-философскую деятельность и здесь, в сущности, создали свои наиболее ученые и зрелые труды»³. Зарубежье противопоставило Советской России

¹ Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. – С. 86.

² Интервью Марины Адамович с графиней Татьяной Николаевной Бобринской «...И как мне радостно, что в Божьей воле на Божьей ниве я смиренный жнец» // *Континент*. – 2004. – № 120 URL: <http://magazines.russ.ru> (Дата обращения: 22.01.2012).

³ Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. *Этика преображенного эроса*. – М., 1994. – С. 158.

собственный контркультурный потенциал. Присуждение И. А. Бунину в 1933 г. Нобелевской премии эмигранты расценили как признание достижений и триумф эмигрантской культуры.

Непринятие советской власти и коммунистических идей эмигрантами проявлялось во всем. «Придет время, – писал Н. Н. Зворыкин, – когда измученный произволом большевиков терпеливый русский народ соберется с силами и стряхнет их иго: тогда насажденные большевиками социальные иллюзии исчезнут, как кошмарный сон»¹. На уровне обыденного сознания присутствовало стремление к сохранению дореволюционных традиций и обычаев, приумножению духовной культуры. В частности, эмигранты долго не воспринимали советскую орфографию, переход к которой еще иницирован в свое время императорской академией наук. Так, И. А. Бунин отказывался читать даже интересующие его журналы, напечатанные с применением «заборной» печати. Только в 1930–е гг. книжная культура эмиграции постепенно отказывается от буквы «ять». К середине 1920-х гг. российскую эмиграцию представляли лица, пострадавшие от смены власти, и основу их единства составил антибольшевизм. Не случайно эмиграция была непримиримым противником Советской власти. «Революцию я пережил трагически, – отметил С. Н. Булгаков, – как гибель того, что было для меня самым дорогим, сладким, радостным в русской жизни, как гибель любви. Да, для меня революция именно и была катастрофой любви, унесшей из мира предмет и опустошивший душу, ограбившей ее»².

Самой известной и мощной антисоветской эмигрантской военной организацией стал Российский общевоинский союз (РОВС), развернувший в 1920–30-е гг. свои отделы и отделения во многих странах Европы, США и даже на Дальнем Востоке. При всем при этом следует иметь в виду, что из миллионов российских изгнанников только около 150 тыс. деятельно участвовали в антибольшевистском противостоянии. В подавляющем большинстве российская послереволюционная эмиграция, осуждая власть Советов, не принимала активного участия в Белом движении. Во многом их консолидации препятствовала политическая разобщенность иммигрантов. Так, китайский ученый Ван Чжичэн, исследуя историю русского Китая, образно отметил, что если в Шанхае встречались трое русских, то у них уже было две партии³.

В формировании русского зарубежья принято выделять несколько этапов. Первый период связан с эмиграцией во время революции, гражданской войны и послереволюционных лет. Второй этап оформления приходится на пору Второй мировой войны и послевоенные годы. Российская эмиграция пополнилась бывшими советскими военнопленными, «перемещенными лицами» (*displaced persons* – «ди-пи») и другими категориями

¹ Зворыкин Н. Н. К возрождению России. – Париж, 1929. – С. 272.

² Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. – Париж, 1946. – С. 73.

³ См.: Чжичэн Ван. Указ. раб.

граждан. Третья волна эмиграции из России связана с деятельностью диссидентов в 1970–80-е гг. и политикой советского правительства, разрешившей 200 тыс. русским евреям выехать в Израиль. Ряд специалистов указывают на формирование нового этапа эмиграционных процессов, начавшегося в постперестроечное время (90-е годы), хотя большая часть специалистов рассматривают его как продолжение предыдущей волны.

В пореволюционные и послереволюционные годы основная масса россиян в надежде на скорое возвращение первоначально расселялись в сопредельных с Россией государствах: Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, Польше, Турции, Китае и т. д. С середины 1920-х гг. миграционные потоки были направлены в основном в западноевропейские страны, практически прекратившись и утратив свою интенсивность к концу 1920-х гг.

С упрочением Советской власти и утратой иллюзий на восстановление старых порядков наши соотечественники стали интегрироваться в разные сферы общественной, культурной, научной жизни страны пребывания, сосредоточив внимание на объединении усилий по сохранению традиций отечественной культуры. Феномен русского послереволюционного зарубежья был скоротечен, достигнув пика своего развития к рубежу 1920–30-х гг. Уже в преддверии Второй мировой войны первоначально в Европе, а затем и на Дальнем Востоке в «классическом виде» русское послереволюционное зарубежье как целостное единство сошло на нет. В то же время в отдельных странах, где продолжали действовать крупные эмигрантские диаспоры, еще сохранялись культурные традиции дореволюционной России. Наличие различных эмигрантских общественных объединений, издательств, периодической печати и т. д., по мнению А. С. Федотова, позволяет говорить о том, что русское зарубежье, в качестве целостного культурного пространства прекратило свое существование только в 1960-е гг.¹

На протяжении первых лет эмиграции в зарубежных странах происходил процесс институционализации русских диаспор. Основными центрами стали Берлин, Париж, Прага, Харбин. В меньшей степени и в течение короткого времени – Белград, Рига, София. Первоначально оформился феномен «Русского Берлина». Так, если в 1919–1921 гг. в Германии проживало 250–300 тыс. русских эмигрантов, а в 1922–1923 гг. – около 600 тыс., то из них только в Берлине – 360 тысяч. Беженский поток был весьма интенсивным. По данным немецкого исследователя Х. Э. Фолькмана, русских в Германии на 1 марта 1921 г. насчитывалось около 50–80 тыс. человек. К декабрю 1922 г. численность русской диаспоры увеличилась до 600 тыс.² Беженцы Берлин нередко называли «второй русской столицей», который в начале 1920-х гг. был самым дешевым городом послевоенной Европы. Привлекательными факторами являлись условия жизни в побежденной

¹ Федотов А. С. Российская эмиграция и российское зарубежье (К вопросу о дефинициях) // Роль российского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. – М., 1993. – С. 8.

² Volkman H. E. Die Russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. – Würzburg, 1966. – S. 5, 94.

Германии, хорошие отношения с Советской Россией, установившиеся после заключения Рапвальского договора 1922 г., знание большинством эмигрантов немецкого языка и культуры. Большинство из эмигрантов сохраняли надежду на скорое возвращение и жили в буквальном смысле «на чемоданах». «Не знаю, – отмечал И. Г. Эренбург, – сколько русских было в те годы в Берлине; наверное, очень много – на каждом шагу можно было услышать русскую речь. Открылись десятки русских ресторанов – с бала-лайками, с зурной, с цыганами, с блинами, с шашлыками и, разумеется, с обязательным надрывом. Имелся театр миниатюр»¹. Западная часть немецкой столицы стала центром сосредоточения российских беженцев: здесь действовали шесть русских банков и 87 издательств, открыты 20 книжных лавок, выпускались три ежедневные газеты. В то же время большая часть беженцев рассматривали Германию в качестве перевалочной базы. Так, в изданном Земгором «Информационном листке» № 27 от 16 октября 1923 года, отмечалось: «Политическое состояние Германии таково, что побуждает русских, имеющих средства и надежду на заработок вне Германии, уезжать отсюда. Почти все состоятельные люди уехали или уезжают во Францию, а менее обеспеченные в Висбаден, в Баварию и в Чехословакию. В последнее время замечается и отъезд в Италию, где жизнь считается дешевле, чем во Франции»².

К середине 1920-х гг. центр русской культурной жизни постепенно переместился во Францию, в которой на начало 1922 г. насчитывалось от 67 до 75 тысяч россиян-эмигрантов. Их количество неуклонно увеличивалось. В начале 1930 г. в стране проживали от 150 до 200 тысяч русских эмигрантов³. В отличие от других эмигрантских центров здесь бурлила политическая и литературная жизнь. Материальный, культурный и психологический факторы способствовали притяжению русской интеллигенции, которая традиционно рассматривала Париж как близкий по ментальности город. Кроме того, здесь действовала нансеновская комиссия по делам русских беженцев, выдававшая справки для официальных органов, подтверждавшие прежнее место службы, профессиональную квалификацию, университетские и академические звания и т. д., что значительно облегчало изгнаннику трудоустройство и даже получение определенного гражданского статуса. «Внутри столицы Франции образовался русский городок. Его жители могли почти не соприкасаться с французами. По воскресеньям и праздникам они ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали провизию в русских лавочках и там узнавали интересовавшие их новости; закусывали они в русских ресторанах и дешевых столовых, посылали детей в русские школы; по вечерам они могли ходить на русские концерты, слушать лекции и доклады или участвовать в собраниях

¹ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь // Собр. соч. в 9 т. – М., 1966. – Т. 8. – С. 407.

² ГАРФ. Ф. 5764. – Оп. 1. – Д. 152. – Л. 19.

³ Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. – С. 261.

всевозможных обществ и объединений <...> В эти годы в Париже было более трехсот организаций. Все эти общества устраивали заседания, обе-ды, “чашки чая”, служили молебны и панихиды. Приходя на эти собрания, шоферы такси или рабочие завода снова становились полковниками или мичманами флота, портнихи – институтками, скромные служащие – сенато-рами или прокурорами»¹.

Во Франции действовали многочисленные русские организации и объединения, такие как Торгово-промышленный и финансовый союз, Со-юз писателей и журналистов, Академический союз, Федерация инженеров, Общество химиков, Союз адвокатов, Объединение врачей, Русский госпи-таль, Красный Крест, Земско-городской союз, Союз русских инвалидов, Казачий союз, Русское студенческое христианское движение и т. д.

Писатели, философы, ученые, общественные деятели, творческая ин-теллигенция создали новую культурную столицу – «Русский Париж», ставший новым домом для представителей творческой интеллигенции эмиграции: М. А. Алданова, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, А. И. Куприна, Д. С. Мережковского, И. С. Шмелева, М. А. Осоргина, А. М. Ремизова и др. Из числа поэтов, живших на берегах Сены, следует отметить, прежде всего, К. Д. Бальмонта, З. Н. Гиппиус, Г. В. Иванова, Г. В. Адамовича, Д. М. Кнута, Б. Ю. Поплавского, М. И. Цветаеву. Колония россиян распо-лагалась в основном в районе Пасси г. Парижа. Здесь действовали высшие учебные заведения, русские школы и гимназии, бесчисленные общества, кружки и союзы.

В Юго-Восточной Европе в 1920-е крупным центром российского зарубежья стала Прага, куда первые эмигранты прибыли вместе с чешски-ми легионами, покинувшими Россию. Большая часть беженцев состояла из профессоров, учителей, врачей, инженеров и учащейся молодежи. Эми-грантами были открыты детские сады, гимназия, школа шоферов-механиков, училище железнодорожных техников, народный университет и высшие учебные заведения. Большой популярностью среди эмигрантов пользовался учрежденный гр. С. В. Паниной «Русский Очаг», имевший библиотеку, читальню и столовую. Здесь устраивалось ежегодное праздни-вание Дня русской культуры. В г. Праге успешно выступали группа арти-стов Московского художественного театра и студенческий хор им. А. А. Архангельского.

Значительная роль в сохранении культурного наследия и приумно-жении духовного потенциала принадлежала белой эмиграции на Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии. Русская колония в Северной Маньчжурии была весьма значительной и исчислялась сотнями тысяч людей. Большая часть эмигрантов покинули Россию без средств к существованию. Много-тысячная масса беженцев могла рассчитывать только на неквалифициро-

---

¹ Зернов Н. За рубежом. – Париж, 1973. – С. 123, 125.

ванный труд, но даже и здесь они не выдерживали конкуренции с неприхотливыми и выносливыми китайцами, готовыми выполнять тяжелую работу при мизерной оплате труда¹. Своеобразным культурным, научным и образовательным центром стал г. Харбин. Здесь и в других районах полосы отчуждения вплоть до японской оккупации культивировался дореволюционный духовный порядок и быт. Русский язык был официально признан. «Можно сказать с уверенностью, что на всем земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла чувствовать себя в такой степени дома, как в Харбине», – описала ситуацию тех лет Н. С. Резникова, поэтесса русского послереволюционного зарубежья².

Весьма интенсивной была культурная жизнь. Активно функционировали научные организации (Общество русских ориенталистов, Маньчжурское сельскохозяйственное общество, клуб естествознания и географии, общество естествоиспытателей и этнографов, Национальная организация исследователей-прежевальцев, секция археологов, натуралистов и этнографов, кружок востоковедения), общественные объединения («Александровцев», монархистов), литературные и художественные кружки.

Эмигранты проводили публичные лекции и собеседования, заслушивали доклады и рефераты, организовывали выставки картин, научные поездки и экскурсии по Маньчжурии. В театрах ставились оперы, оперетты и драматические спектакли. Кроме рождественских, проводились ежегодные балы, ставшие традиционными: «Белые» (выпускники харбинских средних школ), «Инвалидов» (8 декабря), «Георгиевских кавалеров» (9 декабря – День Св. Георгия), «Журбалины» (Харбинский союз журналистов), «Розовые» (Христианский союз молодых людей), «Белых косынок» (Мариинская община российского общества Красного Креста), «Господа Польска» (Польская диаспора), «Мушкетеров» («Союз мушкетеров») и т. д.³

Во многих средних учебных заведениях были собственные оркестры, составленные из учащихся. Воссоздание и приумножение в зарубежье достижений русской культуры, сохранение преемственности и непрерывности ее развития представители харбинского послереволюционного зарубежья рассматривали как свой гражданский долг перед Родиной. Русские эмигранты отстаивали необходимость сохранения отечественной духовности и ментальности, образуемых из совокупности эмигрантской и советской культуры. «Мы, кто выросли (а многие родились) в Харбине, получили образование и начинали там нашу сознательную зрелую жизнь, – подчеркнула другая поэтесса русского зарубежья О. С. Коренева-Кулинич, – впитали в себя этот русский дух, который не вытравить никогда»⁴.

¹ Аурилене Е. Е. Особенности адаптации эмигрантов в 1920–1950-е годы // Дальневосточное отделение Российской академии наук URL: <http://eps.dvo.ru>. (Дата обращения: 15.03.2012).

² Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1988. – № 172–173. – С. 385.

³ Мелихов Г. В. Белый Харбин: середина 20-х. – М., 2003. – С. 281; Русское слово. – Харбин, 1926. – 7 марта.

⁴ Коренева О.С. Наш город // Политехник. – Сидней, 1967. – № 10. – С. 110.

Среди многочисленных эмигрантских организаций доминирующую роль играл Харбинский комитет помощи русским беженцам, созданный в качестве общественной аполитичной эмигрантской структуры с целью «улучшения материального и правового положения русской эмиграции в Северной Маньчжурии и удовлетворения ее культурных нужд»¹. Устав Беженского комитета в марте 1924 г. был утвержден генералом Чжу Цинь Лань, Главнотначальствующим отдельного района Восточных провинций Китая. Однако, ради справедливости, следует отметить, что в программных документах комитета содержались положения, имевшие антикоммунистический и антисоветский характер. Возглавил правление первоначально П. П. Васильев, а затем В. И. Колокольников. В 1924 г. комитет объединил на правах членов 71 общественную организацию эмигрантов. Основной целью Беженского комитета являлось оказание содействия в трудоустройстве эмигрантов и бесплатного лечения и обучения. Кроме того, комитет, стремясь сохранить и приумножить традиции русской духовной жизни, оказывал помощь в открытии школ и библиотек, организации и проведении различных акций (День русской культуры, День русского ребенка), праздновании национальных праздников и юбилейных дат².

Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), созданное 28 декабря 1934 г. в Харбине по инициативе прояпонской администрации, имело своей целью установление связей между эмигрантами и их организациями и правительственными и административными органами маньчжурских властей и японского правительства, оказание содействия японской администрации в решении эмигрантских вопросов. Политические, общественные, благотворительные, профессиональные, научные, молодежные и иные русские организации подлежали обязательной регистрации в Бюро, которое расширяя свои функции, постепенно охватило все стороны жизни россиян-эмигрантов практически на всей территории Маньчжурии. В 1940 г. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи было переименовано в Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Этот орган просуществовал до сентября 1945 г.

Значительная роль в решении насущных проблем принадлежала различным общественным объединениям и организациям, в состав которых включались россияне-эмигранты. Так, Харбинское общественное управление состояло из собрания уполномоченных и городского совета. Собрание имело ряд постоянных комиссий: ревизионная (председатель Н. Л. Гондатти), оценочно-налоговая (председатель Д. П. Качесов), бюджетная (председатель П. И. Кузнецов), инициативно-финансовая (председатель Я. Р. Кабалкин), школьная (председатель Н. В. Борзов), врачебно-ветеринарно-санитарная (председатель И. Я. Оксанов), строительная,

¹ Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1988. – № 172–173. – С. 385.

² Хейфец А. Н. Советская дипломатия и народы Востока, 1921–1927. – М., 1968. – С. 298.

трамвайно-попудная (председатель Ю. П. Жданов) и благотворительная (председатель И. Я. Яппо). В состав Муниципалитета входили также преподаватели юридического факультета. Например, профессор Г. К. Гинс возглавлял собрание уполномоченных и комиссию по составлению положений и наказов, его заместителем был Н. В. Борзов – крупный русский педагог, начальник учебного отдела КВЖД¹. Созданные эмигрантами многочисленные объединения и организации преимущественно были заняты вопросами трудоустройства, решения материальных и финансовых проблем беженцев. Так, объединение русских журналистов под руководством профессора Н. И. Никифорова было занято защитой профессиональных, экономических и правовых интересов русских журналистов².

Подавляющая часть эмигрантских органов и организаций имели антибольшевистскую окраску. Особую антисоветскую деятельность проявляла созданная в 1924 г. в Харбине организация «национально мыслящей молодежи» – «Союз мушкетеров», основная цель которой сводилась к «свержению советского правительства и установлению законной национальной власти на территории России»³.

В целом, несмотря на бездействие китайской власти и давление, оказываемое представителями оккупационных органов на русских харбинцев, в совокупности определенная терпимость со стороны местного населения и деятельность различных эмигрантских организаций способствовали защите прав и интересов эмигрантов, положение которых было более благоприятным, чем в западноевропейских странах.

В 1930-е годы происходит оформление центров русских эмигрантов в США, куда из Европы и Дальнего Востока постоянно прибывали беженцы. Только за межвоенные годы в США приехали около 20 тыс. русских беженцев, из которых примерно 6 тыс. устроились в Нью-Йорке⁴. Миграция в США была весьма значительной. В свое время Президент Джон Ф. Кеннеди особо отметил, что американцы представляют собой «нацию иммигрантов», каждая волна которой «оставила в американском обществе свой собственный отпечаток, каждая внесла свой характерный «вклад» в становление нации и эволюцию американского образа жизни»⁵. Внесли свой вклад и россияне, сыграв существенную роль в истории страны. Они составили 10 % европейской и около 5 % – общемировой иммиграции на западный континент⁶. Численность «русских» в 1920–40-е гг. оценивается цифрой в 360–400 тыс. человек⁷, которые, находясь на 17-м месте по про-

¹ Мелихов Г. В. Белый Харбин: середина 20-х. – М., 2003. – С. 199–200.

² Великая Маньчжурская империя (10-му юбилею). – Харбин, 1942. – С. 307–308.

³ Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае, 1917–1924 гг. – М., 1997. – С. 58.

⁴ Simpson John. The refugee problem. – L., 1939. – P. 468.

⁵ Kennedy J. Nation of Immigrants. – N.-Y., 1959. – P. 14.

⁶ Неймер Ю. Л. Иммиграция в США, русская и иная // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 121–137.

⁷ Govorchin G. From Russia to America with Love: A study of the Russian Immigrants in the United States. – Kingston, 1990. – P. 70.

должительности пребывания в стране, занимали десятое место по уровню натурализации и принадлежали к числу наиболее урбанизированных групп иммигрантов. Если в 1920 г. 88,6 % россиян проживало в городах, то к 1930 г. уже – 90,3 %¹. «История всей русской эмиграции в США, насчитывающей миллион сто пятьдесят тысяч, – писал в 1936 г. Б. Миклашевский, – есть история упорного труда, настойчивости, успеха. Этот миллион не рассосался бесследно в ста десяти других миллионах; представляя собой крепкое национальное ядро, он не остается в стороне от общей жизни страны и ее развития». Согласно С. И. Метальникову, уже к 1935 г. в университетах и других научных учреждениях США работали около 200 русских ученых².

В динамике соотношения поколений русского зарубежья постепенно усиливался процесс старения эмиграции. Если в 1920 г. средний возраст выходцев из России составлял 34 года, то в дальнейшем этот показатель неуклонно возрастал: 51 год в 1940 и 56 лет в 1950 гг.³ Следует подчеркнуть, что жизнь для россиян в США представлялась отчаянной борьбой за существование, пронизанной, по словам В. Сухомлина, «странным и беспоконным ощущением не своей земли, чужого континента, как будто схожей с нашей, но далекой от нас цивилизации»⁴.

На протяжении 1920-х гг. русские эмигранты создали в США многочисленные общественные объединения, включавшие профессиональные союзы, национальные ассоциации, благотворительные организации, призванные сохранить чувство единства и национальные традиции, содействовать взаимопомощи и выработать общность взглядов на события, происходящие в России и США. Объединения россиян решали в основном задачи, связанные с социально-экономической адаптацией эмигрантов. Так, на протяжении порядка двух десятилетий Союз русской присяжной адвокатуры в США успешно осуществлял социально правовую защиту россиян-эмигрантов.

Среди россиян-эмигрантов наряду с общественными, культурными и благотворительными организациями большой популярностью пользовались различные объединения по интересам. Общества и кружки «Самообразование», «Луч» и «Знание» специализировались в области культурно-просветительской деятельности. Представители общества «Наука» занимались решением вопросов улучшения экономического и социального положения россиян.

¹ Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века: автореф. ... д.и.н. – М., 2007. – С. 23–24.

² Зарубежная Россия: архив Русской Академической группы в США // Русская газета. – Сан-Франциско, 2005. – № 40 URL: <http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/russian-in-usa> – (Дата обращения: 09.06.2011).

³ Hutchinson E. P. Immigrants and Their Children: 1850–1950. – N.-Y., 1956. – P. 15.

⁴ Новоселье. – Нью-Йорк, 1945. – № 22–23. – С. 76.

Большей долговечностью характеризовались культурные и научные организации. Например, в 1936 г. в составе объединенного комитета русских национальных организаций насчитывалось 19 национальных организаций, причем не менее 85 % русских иммигрантов-членов были американскими гражданами. В 1944 г. Русское объединенное общество взаимопомощи Америки и Русское независимое общество взаимопомощи состояли из 150 отделений, объединив 21 248 человек¹. Создание Русского центра способствовало консолидации российского послереволюционного зарубежья.

Одним из самых «русскоязычных» городов западного побережья США стал Сан-Франциско, где уже весной 1926 г. действовали самые различные самостоятельные организации эмигрантов: Русское трудовое объединение, Русский отдел Интернационального Института, Прогрессивное общество взаимопомощи, Союз русских рабочих, Спортивный клуб, Русское общество взаимопомощи, Русское церковное общество, Русский драматический кружок, Товарищество артистов русской драмы, Русское национальное студенческое общество, Общество ветеранов Великой войны, Общество покровительства и просвещения русских детей дошкольного возраста, Союз русских инженеров и техников, Кают-компания чинов бывшего российского флота, Литературно-художественный кружок, Общество русских художников и т. д.

В целом многочисленные общественные объединения, созданные для отстаивания и защиты профессиональных, экономических и правовых интересов ученых-эмигрантов, способствовали объединению творческих сил гуманитариев и технической интеллигенции. К отличительным чертам, предопределившим в дальнейшем их сближение, относятся: «национально-русский характер, национальная гордость, любовь ко всему русскому, стремление развивать и удовлетворять дремавшие в изгнании культурные потребности»².

Во многом объединяющими началами для россиян-эмигрантов становились различные культурные мероприятия и благотворительные акции. На протяжении нескольких десятилетий проводились общеэмигрантские культурно-просветительские мероприятия: День непримиримости (7 ноября), День русского просвещения (Татьянин день) и т. д. Например, профессор В. Н. Ренненкампф следующим образом описал свое впечатление от участия в памятном вечере, посвященном русской науке: «Все слились в одном порыве – славянство, в одной мысли – Россия, с ее наукой и просвещением, университетами и академиями, с ее оригинальной и глубокой художественной литературой, с ее мистическим стремлением к высшим идеалам человеческого духа, с ее широкими полями, звонкой песней, со

¹ One America. The History, Contribution and Present Problems of our Racial and National Minorities. – N.-Y., 1946. – P. 125.

² Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1945. – 8 декабря.

звучной гармонией ее стихотворения, с ее кровавым и грозным настоящим, с ее будущим возрождением и с ее будущей мощью – силой всего славянства».¹

Среди культурно-массовых мероприятий наиболее значимыми являлись День русского ребенка и День русской культуры. Например, в 1925 г. День русской культуры отпраздновали в 13 странах. «День русской культуры нужен не для пропаганды русской культуры, которая так победоносно пропагандирует сама себя. Он нужен для духовного объединения нашей эмиграции. Мы, «в рассеянии сущие», друг от друга оторванные, еще более обостряем нашу разбросанность добровольным, партийным, кружковым и тому подобным разделением < ... > Пусть же хотя бы один день в год наши сердца бьются в унисон, сливаются в общем чувстве, возносятся над всевозможными кружковыми и партийными перегородками на высоту общенационального сознания. Один такой день, проведенный с осмысленным одушевлением, может дать духовный заряд на многие месяцы будничного существования», – отметил профессор А. А. Кизеветтер². Для координации деятельности местных комитетов в 1927 г. был создан Центральный комитет по проведению Дней русской культуры. С 1925 г. россияне в изгнании стали отмечать годовщину рождения А. С. Пушкина, в преддверии которой устраивались научные конференции, проводились литературные вечера, издавались альманахи, специальные выпуски журналов и газет. Годом раньше эмигранты в Эстонии провели День русского просвещения, посвященный 125-летию со дня рождения поэта. Впоследствии акция стала рассматриваться как День русской культуры.

В 1935 г. был создан специальный «Пушкинский комитет», в составе самых известных представителей культуры зарубежья и наиболее влиятельных общественных деятелей (А. В. Карташев, В. Л. Бурцев, П. Б. Струве, князь П. В. Долгоруков и др.). Возглавил комитет В. А. Маклаков, его заместителями стали видный деятель русской эмиграции, лидер кадетов П. Н. Милюков и писатель И. А. Бунин, Нобелевский лауреат. Комитет выпустил особое воззвание ко всей эмиграции с призывом консолидации всех россиян-эмигрантов. Во всех центрах русской эмиграции были созданы Пушкинские комитеты. В ходе торжеств устраивались выставки, концерты, собрания, издавались произведения поэта³.

В рамках празднования Дней русской культуры в 1937 г. была организована беспрецедентная культурная акция, посвященная 100-летию па-

¹ Ренненкампф Вл. Моята първата среща съ С.С. Бобчевъ и моите първи впечатления въ София // Юбилеен сборник издаденъ по инициативата на юридическия факултет при Софийския университетъ въ честь на С.С. Бобчев по случай петдесетгодишната му научна, публицистична и обществена дейность. – София, 1921. – С. 11.

² Кизеветтер А. А. Итоги «Дня Русской культуры // День русской культуры. Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 году / сост. Н. А. Цуриков. – Прага, 1925. – С. 98–99.

³ См.: Кизеветтер А. А. Московский университет и его традиции. Роль Московского университета в культурной жизни России. «День русской культуры». – Прага, 1927.

мяти А. С. Пушкина, проведенная в 42-х государствах и в 231-м городе мира. К мероприятию начали готовиться заранее.

Центром празднования юбилейной даты стал Париж. В некоторых парижских театрах прошли отрывки из оперных и балетных спектаклей на пушкинские сюжеты. Самым впечатляющим событием стала выставка «Пушкин и его эпоха», на которой были представлены экспонаты, иллюстрировавшие быт и культуру прошлого столетия, художественные картины начала века, реликвии А. С. Пушкина (одиннадцать собственноручных писем к Наталье Гончаровой) из собрания С. М. Лифаря, возвращенные в Россию в 1989 г., личная печать, дуэльный пистолет и несколько рукописей поэта, а также портрет поэта, написанный художником В. А. Тропининым. Выставка включала интерьеры, моду, фарфор пушкинской эпохи. Лучшие музыканты исполняли произведения Ф. Глинки и П. Чайковского. На открытии экспозиции 16 марта 1937 г. присутствовали министры, дипломаты, литераторы (министр просвещения Франции Жан Зэя, профессор Коллеж де Франс А. Мазон, полномочный представитель СССР во Франции В. П. Потемкин), потомки Дантеса, Керн, Давыдова, Дельвига, Пуцина, внук самого поэта. В «Золотой книге» почетных гостей оставили свои автографы следующие представители «русского Парижа»: Алданов, Бунин, Бердяев, Гиппиус, Вертинский, Керенский, Мережковский, Зайцев, Шмелев, Фокин, Тэффи, Шаляпин. Данное мероприятие стало едва ли не последней попыткой объединения русского послереволюционного зарубежья.

В далеком Харбине русская диаспора деятельно участвовала в праздновании Дня русской культуры, рассматривая мероприятие не столько как память о прошлой жизни, но, прежде всего, в качестве смотра «всех достижений русского меньшинства в области науки, искусства, литературы, просветительской работы <...> критического обзора всех крупных событий эмигрантской жизни ...»¹. В преддверии 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина в Русском Харбине был создан Центральный Пушкинский комитет общественных организаций при Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. Еще в 1926 г. русские харбинцы в рамках мероприятия отслужили торжественный молебен в Свято-Николаевском соборе, выпустили однодневный журнал, опубликовали статьи и заметки в русскоязычной прессе, провели торжественные заседания и концерты, заслушали доклады и лекции и т. д. Особое внимание придавалось печатному слову. По подсчетам профессора О. А. Бузуева, только за первые три месяца 1937 г. в ведущих русскоязычных периодических изданиях на «пушкинскую» тему были размещены в газетах «Заря» – 60, «Гун-Бао» – 75, «Рупоре» – около 35 публикаций. Весь выпуск журнала «Рубеж» № 6 от 6 февраля 1937 г. был целиком посвящен жизни и творчеству вели-

¹ «День русской культуры». Однодневный выпуск. – Харбин, 1930.

кого русского поэта¹. В большом зале Железнодорожного собрания прошла выставка репродукций картин, гравюр и рисунков, дополненных цитатами из его произведений, различные произведения самого поэта и литература о нём. Выставку посетили около 3 тыс. человек. Русские харбинцы издали роскошный альбом «Пушкин и его время» с сопроводительным текстом, множеством рисунков и иллюстраций, публикациями документов и фрагментов работ о А. С. Пушкине. Альбом был пронизан чувством ностальгии, светлой боли и живой памяти. Тираж альбома составил свыше одной тысячи экземпляров, из которых 16 были именными, а 44 – пронумерованными. Руководил работой профессор К. И. Зайцев (архимандрит Константин). Роскошный альбом завершил поминальный пушкинский год в русском зарубежье. Торжественный вечер памяти А. С. Пушкина состоялся 12 февраля 1937 г.

В условиях разобщенности именно духовная сфера являлась консолидирующим началом объединения россиян-эмигрантов. «Можно вспомнить, что многие граждане СССР, – подчеркнул Президент России В. В. Путин, – оказавшиеся за рубежом, называли себя русскими. Причем сами считали себя таковыми независимо от этнической принадлежности. Интересен и тот факт, что этнические русские нигде и никогда, ни в какой эмиграции не составляли устойчивых национальных диаспор, хотя и численно и качественно были представлены весьма значительно. Потому что в нашей идентичности – другой культурный код»². Основу самоидентификации изгнанников с культурными и духовными ценностями Отечества составили патриотизм, русскость и православие.

Во многом определяющим фактором, позволившим нашим соотечественникам не раствориться в стране пребывания, стала православная вера. «Неправославный может быть верным русским патриотом и доблестным русским гражданином; но человек, враждебный Православию, не найдёт доступа к священным тайникам русского духа и русского миропонимания, он останется чужеродным в стране своего рода внутренним «неприятелем», – писал И. А. Ильин³.

Наряду с общественными организациями и образовательными учреждениями православная церковь стала своеобразным центром притяжения россиян за рубежом. Например, в Маньчжурии Харбинская епархия охватывала более 60 православных храмов, из них только харбинцами была возведена 21 церковь. «Русский Харбин» стал единственным городом послереволюционного зарубежья, в котором было отпраздновано 950-летие крещения Руси.

¹ См.: Бузуев О.А. Пушкинская тема в периодике русского Дальневосточного зарубежья // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – Комсомольск-на-Амуре, 2015. – № 1–2.

² Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.

³ Ильин И. О национальном воспитании // PORTAL 21 URL: <http://portal21.ru> – (Дата обращения: 13.10.2016).

В послереволюционные годы богослужения совершались в храмах, построенных еще до революции при российских посольствах или в местах с традиционно многочисленными русскими диаспорами. Руководимые верой и надеждой, наши соотечественники возводили православные храмы. В столице Франции в 1920-е гг. в районе Пасси действовали несколько десятков православных церквей. Главным среди них являлся храм Александра Невского, в котором был лучший церковный хор. Даже в Африке основывались православные приходы. Так, в Алжире были воздвигнуты храмы в честь Святой Троицы и апостола Андрея Первозванного, в столице Марокко возведена церковь в честь Воскресения Христова. До сих пор авторитет Русской православной церкви здесь настолько высок, что на официальные торжества приглашают посла России и настоятеля прихода¹.

В чрезвычайно тяжелых условиях не прекращалась церковная жизнь. Храмы, воздвигаемые в соответствии с православными канонами, с одной стороны становились центрами духовной жизни русского зарубежья, а с другой – являлись архитектурными памятниками православного вероучения, материальным выражением национального самосознания. Россияне за рубежом весьма болезненно воспринимали факты посягательства и уничтожения религиозных храмов в Советской России. В ответ на разрушение Иверской часовни на Красной площади в Москве эмигранты в складчину выстроили ее копию в г. Белграде.

В послереволюционном русском зарубежье сохранилась иконническая традиция. Продолжалось иноческое подвижничество в древнем русском Пантелеймоновом монастыре на Афоне (Греция) и русских обителях на Святой земле. Долгое время в Праге функционировал научный семинар видного специалиста византийского и древнерусского искусства Н. П. Кондакова. Византийские и древнерусские мотивы получили отражение в росписи стен и иконостаса церкви Сергеева подворья в Париже. Весьма значимым направлением стала подвижническая деятельность. Прицерковные организации были заняты оказанием социальной помощи обездоленным. В качестве примера следует отметить деятельность Православного дела во главе с Е. Ю. Скобцовой (в монашестве мать Мария).

Приумножению христианских ценностей способствовали молодежные организации, среди которых особенно выделялось «Русское студенческое христианское движение», основанное в 1920-х гг. и на сегодня объединяющее уже четвертое поколение эмигрантов. Основу движения составили студенты, обучавшиеся еще в дореволюционной России. В работе конференции Всемирной христианской студенческой федерации 1922 г.

---

¹ Хафизов Э. Д. Православие как фактор этнокультурной идентификации в российском пореволюционном зарубежье // Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей: материалы Международной научно-практической конференции. – Минск, 2010. – С. 135.

(Пекин) приняли участие Л. А. Зандер, Л. Н. Липеровский, В. Крылатов, А. Н. Никитин.

Среди русской харбинской молодежи долгое время действовал Христианский союз молодых людей. Уже на начальном этапе просветительской деятельности организация создала библиотеку, открыла читальные залы и комнату для самостоятельных занятий, организовала публичные выступления и курсы лекций по гуманитарным наукам, литературе и праву, способствовавшие расширению кругозора и повышению образовательного уровня молодого поколения. К проведению занятий привлекались лучшие специалисты и преподаватели города. В просветительской деятельности большое внимание уделялось правовому воспитанию молодежи. Так, в рамках публичных лекций юноши и девушки прослушали следующие учебные курсы: «Учение о праве и его общественное значение» (Г. К. Гинс), «Учение о преступлении и наказании» (Н. И. Миролюбов), «Популярные беседы по экономике» (П. И. Петров), «Сибиреведение» (И. И. Серебренников), «История русской литературы и общественности XIX в.» (А. В. Соловьев), «Гигиена детей школьного возраста» (А. М. Спасский), «Американский философ Джемс» (Н. А. Стрелков), «Основные проблемы науки о государстве» (Н. В. Устрялов)¹.

Следует отметить, что православная составляющая в жизни второго поколения русских эмигрантов стала занимать менее существенную роль. Не обладая церковно-славянским языком, русская молодежь, воспитанная по большей части в иностранных учебных заведениях, в подавляющей своей массе была далека от духовного мира старшего поколения. «Мы не можем явить образ соборного церковного православного общества, – с горечью отмечалось в одной из публикаций. Его не существует в русской эмиграции. Отцы не могут раскрыть детям существа своей веры, показать её значение, её роль в истории России, в создании русской культуры»². На протяжении двух десятилетий значительно изменился облик русской эмиграции. В эмигрантской публицистике признавалось, что существенно стали различаться нравы, привычки, интересы, взгляды и даже язык³. С упрочением Советской власти в эмигрантской среде постепенно иссякала надежда на возвращение в Россию. «Годы идут, и наша физическая оторванность от родины дает себя знать, – отмечалось в воззвании Союза Русских Академических организаций, – особенно это сказывается на подрастающем поколении. Само понятие родины делается все отвлеченнее, а чувство родины слабеет, и есть основание опасаться, что это явление с каждым годом будет прогрессировать. Люди старшего поколения, прожившие большую часть своей жизни на родине и имевшие счастье непо-

¹ Мелихов Г. В. Белый Харбин. – С. 160.

² Никитин А. Отцы и дети в русской эмиграции // Вестник РСХД. – Париж, 1932. – № 5. – С. 18.

³ Старк Б. Россия и эмиграция // Вестник РСХД. – Париж, 1928. – № 7. – С. 10.

средственно ее ощущать, постепенно сходят со сцены»¹. В то же время в своем громадном большинстве русская эмиграция продолжала рассматривать духовное наследие православия в качестве залога и гарантии сохранения отечественных культурных традиций. Судьба русского послереволюционного зарубежья как социокультурного феномена была предрешена. Постепенно основную массу эмиграции составили лица в возрасте 40–60 лет и немногочисленная заграничная поросль, которая стала адаптироваться к стране пребывания. «Откровенно говоря, – отмечалось в прессе, – нам трудно будет в РТем не менее следует подчеркнуть, что жизнь русских диаспор была весьма наполненной и имела творческий характер. Многим россиянам-эмигрантам удалось не только реализовать свой творческий, научный и культурный потенциал, но и сохранить свою культурную идентичность.

1.2. Русскоязычное печатное слово эмиграции в культурно-просветительской деятельности

В социальном и культурном единении русского послереволюционного зарубежья значительная роль принадлежала периодической печати, во многом позволявшей беженцам сохранять идентичность и осознавать свое социокультурное единство. Подавляющее большинство эмигрантов только через прессу находились в курсе событий, происходящих в мире и на оставленной Родине. Для большей части научной интеллигенции, вынужденной прилагать значительные усилия к обеспечению довольно сносного существования, при отсутствии финансовых средств, времени и возможностей, публицистика и журналистика стали почти единственными способами фиксации и обмена достижениям эмигрантской научной мысли и духовной культуры. Как правило, значительная часть публицистики, предназначенная для широкого круга читателей, носила агитационный и полемический характер. Объемные исследования ушли в прошлое. Тем не менее публикации научного характера первого десятилетия эмиграции были весьма высокого уровня и в последующие годы послужили основой для формирования целых научных направлений и были признаны в академических кругах. Нередко в анализе социальных процессов мыслители зарубежья предвосхищали предстоящие события. Многие ученые впоследствии на основе публицистики выпускали обобщающие монографические работы. Так, в Трудах русских ученых за границей Н. С. Тимашев опубликовал работу «Право как коллективно-

¹ Алексинская Т. Эмиграция и ее молодое поколение // Возрождение. – Париж, 1957. – № 65. – С. 27.

² Федоров Н. Ф. Современное юношество // Вестник РСХД. – Париж, 1928. – № 8. – С. 21.

³ Ипполитов С. С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. – М., 2004. – С. 332.

психологическая реальность», которая составила основу его «Введения в социологию права», изданной в 1939 г. в США.

Крупными издательскими центрами стали Берлин, Париж, Прага, Харбин. Только в 1930-е гг. на русском языке издавалось свыше тысячи наименований газет и журналов по истории, праву, философии и культуре. За период с 1918 г. по 1932 г. увидели свет 1005 наименований русских эмигрантских журналов¹. Даже малочисленные русские диаспоры издавали собственную периодику: в Египте – «Вестник», в Парагвае – «Парагвай», в Абиссинии – «Наш отдых», на Филиппинах – «Бюллетень русского благотворительного общества». За 1919–1952 гг. на русском языке выходило 571 печатное издание, на украинском языке – 438, на белорусском – 84, на других языках народов России – 35. Всего за пределами Отчизны было выпущено 2230 эмигрантских журналов и газет².

В начальный период становления российского послереволюционного зарубежья в Германии действовали около 40 русских издательств, из которых наиболее крупными были: З. И. Гржебина, А. С. Яценко, «Скифы», «Слово», «Эпоха», «Геликон», «Грани», «Русское творчество», «Универсальное издательство», «Знание», «Манфред», «Мысль», «Нева» и т. д. В Берлине в течение 15 лет (1923–1938) успешно функционировало издательство «Петрополис». Его архивы были изъяты органами полиции нацистской Германии и не найдены до сих пор. В столице Германии печатались популярные в эмиграционной среде газеты и журналы: «Руль», «Голос России», «Дни», «Время», «Новый мир» и «Накануне». Активное сотрудничество с газетой «Руль», выражавшей взгляды русской зарубежной интеллигенции, занимавшей позицию «правого центра», выходившей в Берлине в 1920 – начале 1930-х гг., известных российских представителей научной и творческой интеллигенции – Б. Д. Бруцкуса, А. С. Изгоева, Н. С. Тимашева и др. способствовало ее популярности. Публикации на страницах газеты содержали глубокий и всесторонний анализ политических и социально-экономических процессов действительности.

Крупнейшим полиграфическим центром послереволюционной эмиграции со второй половины 1920-х гг. стала Франция, с действовавшими (около 200) русскими издательствами, некоторые из которых существовали только на бумаге, другие успевали выпустить только несколько наименований печатной продукции. В Париже выпускались самые долговечные газеты и журналы эмиграции: «Последние новости», «Возрождение», «Современные записки», «Иллюстрированная Россия» и «Числа». Самыми крупными и «живучими» оказались издательства Поволоцкого, «Русская земля» и «ИМКА-пресс». Последнее из них, основанное еще П. Б. Струве, действует до сих пор.

¹ Современные записки. – Париж, 1936. – Т. LXI. – С. 404.

² Ковалевский П. Е. Зарубежная история. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. – Т. I. – С. 309.

Следует подчеркнуть, что печатное слово, имеющее внеполитический характер, эмигрантами рассматривалось как средство служения интересам Родины и объединения русских в зарубежье и советских граждан, полагающих, что «всякая русская (неполитическая) деятельность, русская культурная работа, где бы она не производилась, должна быть рассматриваема, как общерусское дело»¹.

В юго-восточной Европе весьма успешно функционировали издательские центры в Чехословакии, Болгарии и Югославии. Традиционное лояльное отношение к русским в Сербии и Болгарии позволяло открывать издательства и выпускать значительное количество русских газет и журналов. Например, только в Праге с 1919 по 1928 гг. печаталось около 80 видов периодики, из которых не менее 45 газет. В юго-восточной Азии центрами печатного слова стали Харбин и Шанхай.

В пропаганде политико-правовых и социологических исследований ученых послереволюционного зарубежья значительная роль принадлежала русским печатным органам. В частности, в издательстве «Пламя» были напечатаны труды М. А. Циммермана «Вмешательство и признание в международном праве» и «Очерки нового международного права». Кроме того, в 1925 г. под редакцией Н. Н. Алексева, С. В. Завадского, А. В. Маклецова и Н. С. Тимашева было издано двухтомное исследование «Право Советской России», переизданное год спустя на немецком языке. В издательстве «Воля России» вышел «Конструктивный социализм» В. М. Чернова и «Пути революции» Е. Сталинского. В издательстве «Хутор», действовавшем в 1922–1949 гг. под руководством А. Г. Винничука, был издан ряд научных исследований, в том числе «Система социологии» и «Идеология аграризма» П. А. Сорокина, «Новая Советская Конституция» и «Сталинский парламент» С. И. Варшавского.

В различных русскоязычных издательствах увидели свет исследования правовой и социологической направленности: «Начала науки о государстве и обществе» Е. В. Спекторского, «Теория государства» Н. Н. Алексева, «Революция и право» М. М. Лазерсона, «Проблема преступления и психоанализ» А. В. Маклецова, «Философия власти в свете христианской социологии» и «Международное общение и положение в нем человеческой личности: социологический очерк» М. В. Зызыкина, «На великом историческом перепутье: пять глав по социологии международных отношений» Ю. В. Ключникова, «Новое учение о социологии: опыт методологического построения новой теории социальных отношений» А. М. Терне, «Наука о войне: о социологическом изучении войны» Н. Н. Головина.

В Европе среди эмигрантской прессы наиболее авторитетной и «долгожительницей» стала газета «Последние новости», издававшаяся с 27 апреля 1920 г. по 11 июня 1940 г., вплоть до фашистской оккупации Фран-

¹ Ященко А. Ненужные препятствия // Новая русская книга. – Берлин, 1923. – № 5–6. – С. 1.

ции, тираж которой достигал почти 23 тыс. экземпляров. Помимо предоставления ежедневной информации из советской России, Парижа и других центров русского рассеяния, в газете было много материала о культурной жизни эмиграции. Еженедельно на страницах «Последних новостей» печатались стихи, художественная проза, статьи по литературоведческим и философским проблемам.

На деньги миллионера А. О. Гукасова в Париже в 1925–1940 гг. издавалась ежедневная газета «Возрождение» правого толка, которая с 1930 года вследствие финансовых затруднений, в том числе и потери значительной части читателей, стала еженедельной. Эта газета стремилась отражать интересы значительной части русского офицерства и «наиболее разумной» правой эмиграции, проделавшей сложный путь от либерализма к консерватизму. С газетой сотрудничали видные ученые русского зарубежья. В частности, правовед и социолог Н. С. Тимашев работал помощником редактора, возглавляя русский раздел. Ему было поручено анализировать в своих публикациях вопросы внутренней политики СССР. Только в 1928–1936 гг. он опубликовал на страницах газеты свыше 100 статей по самой различной проблематике. С января 1949 г. издание приобрело формат литературно-политического журнала, в котором печатали свои статьи многие деятели науки и культуры зарубежья. В возобновленном издании, в первом номере был опубликован перевод рукописи барона Б. Э. Нольде, профессора и председателя института международного права «Имперские судьбы России», в которой раскрывалось русское имперское единство как «замечательнейшее» историческое явление. В публикациях авторов отражались актуальные проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России: весьма прозорливая статья Г. К. Гинса «Единая или расчлененная Россия» (№ 18); исследования аналитического характера Н. С. Тимашева «Советская империя» (№ 11) и «Неразбериха на правом фронте» (№ 23), В. Н. Ильина «Социология и социологизм» (№ 191), Ю. П. Денике «Императорское Училище Правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты» (№ 206), П. Е. Ковалевского «Русские социологи» (№ 227). Особый интерес представляла статья В. Нерсесяна (№ 176), в которой подчеркивалось, что «многонациональность России приобретает особое значение, она составляет особое богатство. Западная Европа придет к тому же лет через пятьдесят, а может быть через сто, – тогда, когда западноевропейский ученый, или инженер, или учитель приобретет способность думать, творить и учить, имея в виду не только общее количество населения, но и его многонациональный состав»¹.

Из журналов самым популярным и долговечным стали «Современные записки», выпускавшиеся в 1920–1940 гг. сначала в Праге, затем в Париже. Первый номер журнала вышел в ноябре 1920 г. тиражом 2 тыс. эк-

¹ Нерсесян В. Многонациональное единство Российского государства // Возрождение. – Париж, 1966. – № 176. – С. 122.

земляров. На протяжении почти двух десятилетий были изданы 70 выпусков журнала, в которых были опубликованы многочисленные научно-популярные статьи, отражавшие правовые и социальные аспекты. В частности, читатели смогли ознакомиться с работами А. Н. Мандельштама «Постоянный международный суд и начало равенства государств» (кн. 2), С. А. Корфа «Возможна ли в России федерация» (кн. 3), М. И. Ростовцева «Идея прогресса и ее историческое обоснование» (кн. 6), П. Г. Виноградова «Перспективы исторического правоведения» (кн. 7), В. Лихницкого «Влияние голода и холода на душевный строй населения советской России» (кн. 11), Ф. А. Степуна «Мысли о России» (кн. 14–15, 17, 19–23), С. И. Гессена «Проблема правового социализма» (кн. 22, 23), М. В. Вишняка «Русский социализм и государство» (кн. 23) и «Социалистическое государство или социальное право» (кн. 25), Г. Д. Гурвича «Государство и социализм» (кн. 25), И. М. Хераскова социологические очерки «Революция» (кн. 24) и «Прогресс» (кн. 19), Н. С. Тимашева «Проблема независимого суда» (кн. 27), «В. Б. Ельяшевича «Законодатель и жизнь в советском правотворчестве» (кн. 40), С. В. Завадского «Устои правового государства» (кн. 47). С началом немецкой оккупации Франции издание возобновилось в Нью-Йорке под названием «Новый журнал». На его страницах были опубликованы статьи П. А. Сорокина «Причины войны и условия мира» (№ 7), Н. С. Тимашева «Плановое хозяйство и демократия» (№ 13), «Советское право в американском освещении» (№ 26), «Реформы в советском уголовном праве» (№ 56), «О сущности советского государства» (№ 76), «Как я стал социологом» (№ 85), «Научное наследство П. А. Сорокина» (№ 92), Г. К. Гинса «Мир перестраивается» (№ 3), «Россия и Америка (причины промышленной отсталости России» (№ 8), «О возможностях предвидения и будущем России» (№ 63), Ф. Степуна «Москва–Третий Рим» (№ 60), Ю. П. Денике «Революция без термидора» (№ 7), «Защита цивилизации» (№ 12) и других видных представителей эмигрантской научной мысли.

Журналы «Воля России» и «Иллюстрированная Россия» конкурировали с «Современными записками». Журнал «Воля России» (1922–1932 гг.) издавался группой эсеровских деятелей и имел народническую окраску. Первоначально журнал выходил раз в две недели, а позже ежемесячно. В 1921–1927 гг. журнал издавался в Праге, а затем в Париже. Редакция объявила о своей демократической направленности и стремлении предоставить читателям новинки не только эмигрантской, но и советской литературы. Так, были опубликованы рассказы И. Э. Бабеля, Б. А. Пильняка, К. А. Тренева, О. Д. Форш, «Синие гусары» Н. Н. Асеева, «Мы» Е. И. Замятина, «Лейтенант Шмидт» Б. Л. Пастернака и др. В журнале размещались весьма обстоятельные обзоры советской литературы. В публикациях И. А. Ильина, Е. А. Сталинского, В. В. Сухомлина акцентировалось внимание на политико-

правовых проблемах современной России¹. Здесь по приезду из России П. А. Сорокин публиковал свои многочисленные статьи, в которых анализировалась социальная ситуация, сложившаяся в покинутой стране².

В ежемесячнике «Русская мысль» печатались не только политические статьи, но и многочисленные мемуары видных политических деятелей России. «Мы должны, прежде всего, осознать и осмыслить для себя обрушившиеся на нашу родину несчастья и катастрофы. Эта, возложенная историей на нас, задача требует полной правдивости, как бы сурова и жестока ни была искомая и отысканная правда. Мы должны иметь смелость взглянуть в лицо действительности и, как бы ни кипела в нас патриотическая страсть, холодной ясностью все учесть, все взвесить, не останавливаясь ни перед какой правдой, не страшась никаких выводов», – указывалось в редакционном обращении к читателям³. В историческом и литературном отношении выделились воспоминания монархиста В. В. Шульгина. Литературный отдел журнала представляли не только известные в эмигрантских кругах поэты и писатели З. Н. Гиппиус, И. А. Бунин, А. М. Ремизов, М. И. Цветаева, но и менее популярные литературные критики К. В. Мочульский и Ю. А. Никольский. Исходя из финансовых соображений в 1922 г. журнал стал издаваться в Праге, затем в Берлине. Спасти журнал тем не менее не удалось. П. Б. Струве на посту редактора ежедневной парижской газеты «Возрождение» в 1927 г. предпринял попытку его реанимации. Однако новому журналу было сложно конкурировать с «Современными записками» и «Волей России». Хотя в нем свои научные и публицистические статьи публиковали известные правоведы, государственоведы и социологи: П. Б. Струве, П. Н. Савицкий, А. Д. Билимович, С. С. Ольденбург, Н. С. Тимашев и др.⁴

Непродолжительное время издавался общественно-политический и литературный журнал «Русские записки» (1937–1939). Редакция нового издания подчеркивала надпартийный характер и стремление служения интересам России: «Мы не защищаем какой-либо определенной программы, однако хотим сохранить единство некоторых основных линий, верность вечным «заветам», при полной свободе исканий в их реализации»⁵. Социолого-правовая проблематика получила отражение, прежде всего, в статьях

¹ Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России // Воля России. – 1922. – № 8–12; Сталинский Е. А. Пути революции // Там же. – 1922. – №№ 14, 15, 18, 20; Сухомлин В. В. Русская революция и Европа // Там же. – 1927. – № 11/12; Он же. Государство и класс // Там же. – 1929. – № 1.

² Сорокин П. А. Нравственное и умственное состояние современной России // Воля России. – 1922. – № 4, – № 5; Он же. Еще раз о моральном состоянии России. (Ответ Е. Д. Кусковой) // Там же. – 1923. – № 1.

³ К старым и новым читателям «Русской мысли» // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. 1–2. – С. 3.

⁴ Струве П. Размышления о русской революции // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. 1–2; Савицкий П. Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество» // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. 1–2; Билимович А. Собственность и крестьянское движение // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. 3–4; Ольденбург С. С. Экономическое положение и общественные классы советской России // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. 5–7.

⁵ От редакции // Русские записки. 1937. – № 1. – С. 6–7.

социологов и правоведов Г. Д. Гурвича, М. М. Лазерсона, П. Берлина, Е. Юрьевского, Л. Торопецкого¹.

Для россиян в США источником информации служили ежедневные и еженедельные газеты, ежемесячные и ежеквартальные журналы: «Новое русское слово», «Новая заря», «Русский голос», «Русское дело», «Русское обозрение», «Россия», «Новоселье», «Новый журнал», «Социалистический вестник», «За свободу», «Последние новости», «Русский инвалид» и др. Многие общественные объединения печатали собственные бюллетени, отражавшие особенности повседневной деятельности². Например, объединение выпускников харбинских коммерческих училищ, созданное в 1953 г. в Сан-Франциско, выпускало собственный журнал, редактировавшийся Н. П. Автономовым³.

В старейшей русской газете «Новое русское слово», издававшейся в Нью-Йорке с 1910 г., работали несколько поколений русской эмиграции. С редакцией сотрудничали многие представители научной и творческой интеллигенции, в т. ч. правоведы и социологи⁴.

Общественная газета «Русская жизнь» в статусе ежедневной была создана 5 декабря 1941 г. В Сан-Франциско на торжественном открытии газеты присутствовали не только русские эмигранты, но и местные жители. В первых выпусках газеты были размещены поздравления от губернатора и мэра города. Новое издание было инкорпорировано 1 июня 1942 г. Первым редактором газеты стал профессор Г. К. Гинс, которому приходилось самому писать многочисленные статьи, осуществлять корректуру, часто выполнять функции переводчика. Иногда почти половина содержания номера газеты выходила под его авторством⁵. По свидетельству очевидцев, он был «всегда спокоен, вежлив, приветлив со всеми. Его олимпийское

¹ Гурвич Г. Д. Социологическое наследие Л. Леви-Брюля // Русские записки. – Париж-Шанхай, 1939. – № 18; Лазерсон М. Революция или эволюция в СССР // Там же. – 1938. – № 11; Он же. Временное правительство и права национальностей // Там же. – 1939. – № 16; Берлин П. «Дорогое правительство» // Там же. – 1938. – № 6; Он же. Каутский и русская революция // Там же. – 1938. – № 12; Он же. Тоталитарная экономика // Там же. – 1939. – № 16; Юрьевский Е. О классовом и демографическом составе СССР // Там же. – 1938. – № 7; Он же. Изменения социальной структуры СССР // Там же. – 1938. – № 4; Он же. Народный доход Советского Союза // Там же. – 1938. – № 12; Он же. Черты социальной эволюции советской деревни // Там же. – 1939. – № 14; Он же. О третьей пятилетке // Там же. – 1939. – № 16; Он же. Крестьянин, колхоз и государство // Там же. – 1939. – № 19; Он же. От национального хозяйства к мировому // Там же. – 1939. – № 20–21; Торопецкий Л. Советская конституция в теории и на практике // Там же. – 1938. – № 5; Он же. От диктатуры к единодержавию // Там же. – 1939. – № 17.

² Ассоциация русских рабочих, Русско-американское историческое общество, Русская академическая группа в США, Русское студенческое общество при Калифорнийском университете в Беркли, Общество бывших русских морских офицеров в Америке, Общество русских инженеров в США, Общество защиты русских детей, Объединение русских шоферов, Общество юристов и др.

³ Харбинские коммерческие училища Китайской Восточной железной дороги. – Сан-Франциско, 1956–1973. – Вып. 1–12.

⁴ Гинс Г. Н. С. Тимашев. Общие воспоминания и встречи // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1970. – 17 марта; Тимашев Н. С. Судебные уставы в будущей России. Речь на собрании, посвященном 90-летию Судебных уставов // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1954. (Без даты).

⁵ Guins G. K. Professor and Government Official: Russia, China and California. Interview conducted by Boris Raymond-Romanoff. – The Bancroft Library, 1966. – P. 362.

спокойствие – единственная крепкая опора, особенно в первые дни хаотической суматохи»¹. Гинс стремился привлечь к сотрудничеству видных представителей российской диаспоры. Например, в письме к профессору П. А. Сорокину от 3 декабря 1941 года содержалось предложение о публикации его статей на страницах «Русской жизни»².

Весьма интенсивной была полиграфическая деятельность россиян в Китае. В первое десятилетие эмиграции преимущественно в Шанхае и Харбине издавалось русскоязычных 189 газет и 305 журналов³. По каталогу уроженки Харбина, профессора Торонтского университета О. М. Бакич, из общего количества 4261 печатного документа были изданы: 182 газеты, 338 журналов и 201 однодневный выпуск⁴. «Приезжая публика только руками разводила: “До революции в обоих Питере и Москве столько не было газет, как у вас!!!” Харбинцы ухмылялись, они знали, что это очередная – “очередь”, поветрие, оттепель на газетном фронте», – отмечалось в русскоязычной периодике⁵. Больше всего, до 60-ти наименований ежегодно, издавалось в 1921–1925 гг.⁶

В городе распространялось русскоязычных 58 ежедневных газет и 36 еженедельных журналов. Многие издания не выдерживали конкуренции, почти треть просуществовала менее года⁷. Большой популярностью пользовались газеты «Заря», «Харбинское время», «Луч Азии» (Харбинское управление по делам русской эмиграции в Маньчжурии), «Рупор», «Русское слово» (Всеобщий союз военных), в которых печатались популярные поэты А.А. Ачаир (Грызов), С. Петров-Скиталец, С. Гусев-Оренбургский. Русскоязычное население зачитывалось журналами «Рубеж» (1927–1945 гг.), «Вестник Маньчжурии» (1925–1934), «Наш путь» (1933–1938), «Понедельник» (1930–1931 гг.), «Врата» (середина 30-х гг.), «Луч Азии» (1934–1945), «Друг полиции» (1938–1945). Некоторые редакции газет, в частности, «Молва» (1924–1929), «Новости жизни» (1914–1929), «Трибуна» (1922–1925) были настроены прокоммунистически и призывали к примирению с советской властью. Весьма энергично, по мемуарным свидетельствам, действовал студенческий кружок «Чураевка», выпускавший одноименный журнал, в котором печатали свои первые литературные и публицистические опыты молодые авторы.

Весьма скоротечной оказалась судьба ежемесячника «Русское обозрение» (1920–1921), одного из первых литературных эмигрантских журналов в Северной Маньчжурии, который, по представлению редакции, дол-

¹ Градова З. К истории газеты «Русская жизнь» // Новый журнал (Нью-Йорк). 2012. № 267. URL: <http://magazines.russ.ru>. – (Дата обращения: 29.04.2014).

² University of Saskatchewan. University Library / Pitirim Sorokin Collection. URL: <http://cdm16134.contentdm.oclc.org>. – (Дата обращения: 12.04.2014).

³ См.: Ли Сингэн. Русские эмигранты в Китае (1917–1945). – Пекин, 1997. Приложение 1.

⁴ Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1949). – Хабаровск, 2003. – С. 56.

⁵ Шанхайская Заря. – Шанхай, 1929. – 2 июля. – С. 5.

⁶ Шаохуа Дяо. Литература русского зарубежья в Китае. – Харбин, 2001. – С. 191.

⁷ Кузнецова Т. В. Указ. соч. – С. 56.

жен был стать подобием парижских «Современных записок»¹. В редакционной колонке предназначение журнала определялось следующим образом: «Приоткрыть перед глазами читателя обширный мир со всем разнообразием богатств его душевной жизни, вновь приобщить его к культуре потерянной и забытой, а вместе с тем извлечь из этой культуры все то, что нужно будет возрождающейся России – вот главная задача «Русского обозрения». Мы не будем тенденциозны. Гостеприимно откроем мы страницы журнала представителям разнообразных теоретических идей и авторам различных практических предложений, но мы будем всегда руководствоваться трезвою непреувеличенной оценкою скудных русских возможностей, демократическими идеалами свободы и равенства и отрицанием всего, что противоречит этим идеалам. Мы будем охотно помещать в нашем журнале данные о жизни в советской России: декреты, статистику, наблюдения, обзоры ее прессы. То, что происходит там, за чертою современного мира, в коммунистическом аду, предопределяет многое в будущем»². Среди россиян-эмигрантов издание пользовалось популярностью. Лев Арнольд следующим образом представил свое восприятие журнала: «Русское обозрение» – милый старый друг, в меру (где полагается) солидный, глубокомысленный и серьезный, достаточно простой и, что самое трогательное в нём, не ведающий соблазнов интеллектуального жеманства, позы, словесных “мушек” на припудренном лице»³.

В первом номере журнала, кроме обзоров политической ситуации в регионе, содержалась статья Г. К. Гинса «Идеальный и реальный человек в гражданском праве». Во втором номере было размещено его исследование творчества Л. Н. Толстого. В следующий сдвоенный номер (№ 3–4) были включены материалы, посвященные политической экономике. Пятый номер журнала был представлен большой исследовательской работой «Семья и брак в советской России». В последующем сдвоенном издании (№ 6–7) была опубликована статья аналитического характера «Русская революция в плане мировой истории»⁴. В двух номерах журнала профессор В. В. Энгельфельд разместил и прокомментировал Веймарскую Конституцию 1919 г. В октябре 1921 г. из печати вышел последний, 10-й номер. Издание журнала было прекращено по причинам нехватки финансовых

¹ Русское обозрение: ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – Пекин-Харбин, 1920–1921. – № 1–10.

² Носач-Носков В. В., Гинс Г. К. От редакции // Русское обозрение. – Пекин, 1920. – С. IX.

³ Арнольд Л. Нечаянная радость // Их дальний путь лежал в изгнание ... : антология-хрестоматия произведений литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока. – Хабаровск, 2011. – С. 56.

⁴ Гинс Г. К. Идеальный и реальный человек в гражданском праве // Русское обозрение. – Пекин, 1920. – № 1; Он же. На Дальнем Востоке (политический обзор) // Там же; Он же. Русские интересы в Китае // Там же; Он же. Рецепты спасения // Там же. – 1921. – № 2; Он же. Характерная черта мировоззрения Л. Н. Толстого // Там же; Он же. Контурсы мировой политики // Там же. – 1921. – № 3; Он же. Семья и брак в советской России // Там же. – 1921. – № 5; Он же. Русская революция в плане мировой истории // Там же. – 1921. – № 6–7.

средств и обострения конкуренции с многочисленными русскими эмигрантскими периодическими изданиями.

В целом светская пресса и журналистика русского послереволюционного зарубежья пропагандировали либеральные и демократические воззрения, присущие большинству представителей эмигрантской научной общественности.

Помимо светской печати, действенным способом сохранения культурных достижений императорской России и передачи религиозных ценностей являлось православное печатное слово. Среди периодических изданий выделялись журналы религиозно-философской академии «Путь» (1925–1940), Православно-богословского института «Православная мысль» (1928–1971), «Новый град», издаваемые первоначально под редакцией И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова.

Н. А. Бердяев, бессменный редактор и издатель журнала «Путь», предназначение издания усматривал в отражении духовных и религиозных задач русской эмиграции, духовной культуры и религиозной жизни, содействии повышению религиозной сознательности. «Путь мысли входит в путь жизни, как один из ее определяющих моментов. Познанию принадлежит творческая роль в жизни. Русским в эпоху всеобщего смешения нужно повышение умственной и духовной культуры. Иначе они останутся безоружными в борьбе, которая происходит в мире. Для борьбы в современном мире нужно усовершенствованное умственное и духовное вооружение. И мы хотели бы способствовать выработке этого вооружения», – отмечалось в редакционном обращении к читателям¹. С журналом сотрудничали Н. Н. Алексеев, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, Ю. П. Иваск, Н. А. Реймерс, Ф. А. Степун, Н. С. Тимашев².

Идеалы христианской веры также неизменно отстаивались на страницах «Нового града» (1931–1938). «Современное развитие «позитивной» мысли, консервативной, либеральной и социалистической разбивает единство христианской правды в осколки. Каждый из них становится кривым зеркалом мира и односторонне-опасным орудием действия. Лишь христианство не эклектически, а целостно утверждает равенство целого и части, личности и мира, Церкви и человеческой души», – подчеркивалось в редакционной статье³. На страницах журнала в публикациях Ф. Степуна,

¹ Духовные задачи русской эмиграции (от редакции) // Путь. – Париж, 1925. – № 1. – С. 8.

² Алексеев Н. Н. Русский народ и государство // Путь. – Париж, 1927. – № 8; Бердяев Н. А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Там же. – 1933. – № 38; Вышеславцев Б. П. Проблема власти и ее религиозный смысл // Там же. – 1934. – № 42; Иваск Ю. П. Новейшие течения католической социальной мысли во Франции // Там же. – 1939. – № 60; Реймерс Н. А. Свобода и равенство (Эскиз к системе философии права) // Там же. – 1933. – № 41; Степун Ф. А. Религиозный социализм и христианство // Там же. – 1931. – № 29; Тимашев Н. С. Церковь и советское государство // Там же. – 1928. – № 10; Он же. Кодификация советского церковного права // Там же. – 1929. – № 17.

³ Редакция. Новый Град // Новый Град. – Париж, 1931. – № 1. – С. 7.

С. Гессена, П. Бицилли, Б. Ижболдина, Н. Алексеева¹ были рассмотрены различные аспекты социальной действительности, проблемы соотношения права и власти.

В единственном выпуске журнала «Православное дело» была размещена статья Г. П. Федотова «Любовь и социология»².

Русское зарубежье оставило после себя широкий пласт мемуарно-автобиографической литературы. Практически каждый эмигрант стремился написать собственные мемуары, которые рассматривались как способ сохранения исторической памяти. Эпистолярное наследие (переписка, мемуары, дневниковые записи) раскрывало мировоззренческие установки, ценностные ориентации и политические воззрения эмигрантов.

Значительную роль в духовной жизни эмиграции играла научная печать. Оказавшись в изгнании, ученые-эмигранты стремились зафиксировать результаты научных изысканий в открытой печати. Так, «Экономический кабинет» С. Н. Прокоповича выпустил 12 томов «Русского экономического сборника» (1925–1928), в которых осуществлялся критический анализ социально-экономической и политической ситуации в СССР и отдельных отраслей народного хозяйства³.

Материалы каждого сборника основывались на тщательно обработанном и проверенном эмпирическом материале, почерпнутом из официальных советских источников, представленном читателю в обозримом и удобном виде, без навязывания авторской позиции. Большой интерес для читателей составляли постоянные обзоры: статистический – В. А. Розенберга, экономический – С. С. Кона и советского права – Н. С. Тимашева. Так, в большинстве публикаций Тимашева на страницах «Русского экономического сборника» содержался обзор правовой действительности советского общества⁴. После 12-го выпуска сборника Экономический кабинет в силу материальных затруднений впоследствии стал изда-

¹ Степун Ф. Путь творческой революции // Новый град. – Париж, 1931. – № 1; Он же. О некоторых культурно-философских и общественно-политических исканиях в современной Германии // Там же. – 1932. – № 2; Он же. «Третья Россия» // Там же. – 1932. – № 3; Он же. Идея России и формы ее раскрытия // Там же. – 1934. – № 8; Он же. Чаемая Россия // Там же. – 1936. – № 11; О свободе // Там же. – 1938. – № 13; Гессен С. Современный кризис и перерождение капитализма // Там же. – 1932. – № 3, – № 4; Он же. О пятилетке и хозяйственной автократии // Там же. – 1932. – № 5; Бицилли П. К вопросу о природе русской государственности в дореволюционный период // Там же. – 1932. – № 4; Он же. К проблеме возрождения культуры // Там же. – 1934. – № 8; Он же. Проблема свободы в наше время // Там же. – 1934. – № 9; Ижболдин Б. Корпоративный строй в учениях Отмара Шпака // Там же. – 1936. – № 11; Он же. Теория социального кредита // Там же. – 1937. – № 12; Алексеев Н. О будущем государственном строе России // Там же. – 1938. – № 13.

² Федотов Г. П. Любовь и социология // Православное дело. – Париж, 1939. – № 1. – С. 62–83.

³ Тимашев Н. С. Право собственности на промышленные предприятия по действующему советскому праву // Русский экономический сборник. – Прага, 1927. – Т. 8; Советский строй и демократия // Там же. – Т. 11.

⁴ Тимашев Н. С. Советская юстиция в 1924 г. // Русский экономический сборник. – Прага, 1925. – Т. 2; Советское избирательное право в его прошлом и настоящем: обзор судебного права Советской России за 1924 г. (юридическая хроника) // Там же. 1925. – Т. 3; Новая конституция РСФСР; Революционная законность (юридическая хроника) // Там же. 1925. – Т. 4; Обзор развития судебного права за 1926 год // Там же. 1927. – Т. 11; Национализация банков и ее юридические последствия за границей // Там же. – 1928. – Т. 12.

вать ежемесячный Бюллетень, имевший чисто прикладной характер. Теоретическая часть в выпусках Бюллетеня, занимавшая значительную часть в Сборнике, практически отсутствовала¹. Кроме того, Экономический кабинет содействовал изданию отдельных работ, посвященных злободневным проблемам русской эмиграции².

Популяризации русской научной мысли способствовали периодические печатные издания русскоязычных высших учебных заведений, научных и общественных организаций. В типографии Русского юридического факультета в Праге были изданы конспект лекций «Введение в общую теорию международного права» Г. Д. Гурвича, «Пособие к лекциям по истории философии права» Е. В. Спекторского, курс лекций «Общая теория государства» и конспект лекций «Русское государственное право» Н. Н. Алексеева, «История международного права с древнейших времен до 1918 года» и «Международное право» М. А. Циммермана, «Краткий конспект лекций по уголовному процессу» и «Введение в изучение уголовно-судебного права» Н. С. Тимашева и др. В работах С. Н. Булгакова, Д. Д. Гримма, А. Н. Фатеева и М. А. Циммермана, опубликованных в III выпуске I тома «Ученых записок русской учебной коллегии в Праге», раскрывались различные аспекты социальных и правовых проблем.

Благодаря содействию Русской юридической секции в Праге были опубликованы лекции С. В. Завадского «Гражданское право» в трех частях и Г. В. Вернадского по истории русского права. В типографии Комитета по обеспечению образования русских студентов в ЧСР вышли лекции «Гражданское судопроизводство» С. В. Завадского, «Догма римского права» и пособие к лекциям «Торгово-промышленное право» в двух частях М. М. Каткова, «Русское гражданское право» В. И. Синайского.

Существенное значение для исследовательской практики имели научные сборники. В 1928–1942 гг. вышли из печати 16 томов «Научных трудов Русского народного университета в Праге» под редакцией профессора Н. М. Новикова³. В «Сборнике Русского института в Праге» социально-правовая проблематика раскрывалась в статьях П. Б. Струве, Г. Д. Гурвича, А. В. Маклецова и др.⁴ В выпусках «Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией» вопросы правосознания, правовой культуры, задачи социальных наук были рассмотрены в работах

¹ См.: Экономический кабинет проф. С. Н. Прокоповича. Пять лет работы // Русский экономический сборник. – Прага, 1928. – Т. 12.

² См.: Николаев С. О правовом положении русских беженцев и о мерах к его улучшению // Экономический кабинет проф. С. Н. Прокоповича. – Прага, 1928.

³ Научные труды Русского народного университета в Праге. – Прага, 1928–1942. – Вып. I–XVI.

⁴ Струве П. Б. Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права Древней Руси // Сборник Русского института в Праге. – Прага, 1929. – № 1; Гурвич Г. Д. Философия права Гуго Гроция и современная теория международного права // Там же; Маклецов А. В. Проблема преступления и психоанализ // Там же. – 1931. – № 2.

Н. С. Булгакова, Д. Д. Гримма, А. Н. Фатеева и др.¹ Д. Н. Иванцов в статье, опубликованной в сборнике научных трудов «Записки Русского научно-исследовательского объединения в Праге», рассмотрел социологические аспекты революционного процесса².

Определенный интерес представляли сборники научных статей, посвященные видным представителям русского зарубежья.³ В частности, в сборнике, изданном к семидесятилетию юбилею П. Н. Милюкова, следует отметить статьи Л. М. Ому и М. А. Циммермана, в которых акцентировалось внимание на актуальных социально-правовых проблемах⁴.

Русский научный институт в Белграде в 1930–1941 гг. издал 17 выпусков «Записок Русского научного института в Белграде», содержащих научно-исследовательские и критико-библиографические статьи и материалы русских ученых-эмигрантов. Последние два выпуска, 16-ый и 17-ый, были составлены в одном томе. Нечетные выпуски (95 работ в 9 выпусках) представляли научные исследования по гуманитарным наукам, а четные (95 работ в 9 выпусках) – по естественно-математическим и техническим наукам. В контексте развития отечественной социально-правовой мысли выделяются статьи П. Б. Струве, Г. В. Демченко, В. В. Розенберга и др.⁵

Опубликованные в Записках 189 трудов 87 авторов, в подавляющем большинстве представляли собой публикации докладов, сообщений или лекций, являвшихся обстоятельными научными работами, прочитанными на заседаниях института. Следует указать на некоторую неравномерность представленной научной продукции. В отличие от А. Л. Погодина, имевшего 10 публикаций, В. В. Фармаковского – 8 публикаций, В. Э. Мартино, Е. В. Спекторского, П. Б. Струве – по 6 публикаций, В. В. Розенберга, А. И. Косицкого, Н. П. Абакумова, Н. О. Лосского и А. В. Соловьева – по 5 публикаций, В. Х. Даватца, Г. Н. Пио-Ульского, В. С. Жардецкого, М. Н. Лапинского, Н. В. Краинского, Т. В. Локоть – по 4 публикации, 48 ученых опубликовали только одну статью. Институт выпустил также двухтомные «Труды IV Съезда русских академических организаций заграницей» (1929 г.) и библиографию работ русских ученых в эмиграции «Мате-

¹ Булгаков С. Н. Церковное право и кризис православия // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. – Прага, 1924. – Т. 1. – Вып. 3: Общественные знания; Гримм Д. Д. Основные предположения и задачи социальных наук // Там же; Фатеев А. Н. Правовое явление // Там же; Он же. К истории юридической образованности на Руси // Там же.

² Иванцов Д. Н. (Ivantzoff D. N.) Essai de Sociologie sur l'Optimisme Revolutionnaire // Записки Русского научно-исследовательского объединения в Праге. – Прага, 1937. – Vol. VI (XI). – № 39. – P. 227–263.

³ Сб. статей, посвященных П. Б. Струве (ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности (1890–30 янв. 1925)). – Прага, 1925.

⁴ Ому Л. М. Социологическая природа революции: сб. статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову (1859–1929). – Прага, 1929. – С. 30–55; Циммерман М. А. Лига Наций и Союз Советских Социалистических Республик // Там же. – С. 513–527.

⁵ Струве П. Б. Ф. В. Тарановский как историк западного и русского права // Записки Русского научно-исследовательского института в Белграде. – Белград, 1936. – Вып. 13; Демченко Г. В. Качество юридической нормы и природа императивов права // Там же. – 1941. – Вып. 17; Розенберг В. В. Правовые и экономические идеи до и после войны // Там же. – 1931. – Вып. 3; Он же. Научная собственность // Там же. – 1933. – Вып. 9.

риалы для библиографии русских научных трудов за рубежом». Первый выпуск охватил научные труды, опубликованные русскими учеными в период с 1921 по 1930 гг., а второй – с 1931 по 1940 гг.

В пропаганде достижений научной мысли русского зарубежья важное место занимал журнал «Новая русская книга», в котором отслеживались перемещения, судьбы, достижения деятелей культуры, в том числе научной интеллигенции как эмигрантской, так и оставшейся в Советской России. В оценке профессора В. В. Костикова данное издание «до сих пор остается одним из наиболее авторитетных и полных источников информации о русской и советской литературно и культурной жизни»¹.

До настоящего времени в США издаются «Записки Русской академической группы в США», на страницах которых были опубликованы работы Н. О. Лосского, П. А. Сорокина, Е. В. Спекторского, П. Б. Струве, Н. С. Тимашева, Г. В. Вернадского, Г. К. Гинса, С. И. Гессена и других видных представителей социально-гуманитарной и правовой мысли русского зарубежья².

Значительная роль в распространении научных знаний в области философии, юриспруденции, экономики, социальной психологии, педагогики и востоковедения в Северной Маньчжурии принадлежала журналу «Известия Юридического факультета в Харбине». Редакционная коллегия стремилась объединить усилия научной и творческой интеллигенции по сохранению и приумножению отечественных академических традиций. Библиографические разделы журнала отражали информацию не только о книжных новинках, изданных в центрах российского послереволюционного зарубежья, но и о работах ведущих иностранных специалистов. Редакторами журнала были профессора Юридического факультета в Харбине Г. К. Гинс (№№ 1, 3–6, 9 и 11), Н. В. Устрялов (№ 7), В. В. Энгельфельд (№ 10). В данном печатном органе, по подсчетам М. А. Дорофеевой, публикации содержали более 3800 страниц, из которых на долю научных исследований приходилось подавляющее большинство, не менее 3500 страниц. Всего было опубликовано 81 работа, из которой одна в трех томах. Более 40 % публикаций были посвящены различным проблемам востоковедения, в том числе 27 – Китаю и 5 – Монголии³.

Совместно с представителями администрации Китая, при непосредственном участии преподавателей факультета и под редакцией профессора

¹ Костиков В. Указ. раб. С. 66.

² Лосский Н. О. Идеал-реализм против материализма // Записки Русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1967. – № 1; Спекторский Е. В. Свобода и детерминизм // Там же. – 1967. – № 1; Струве П. Б. Англичане, как основатели крупной тканепечатной промышленности в России, и судьбы русской текстильной промышленности // Там же. 1969. – № 3; Тимашев Н. С. Профессор Спекторский // Там же. 1970. – № 4; Вернадский Г. В. Очерки по истории науки в России в 1725–1920 гг. // Там же. – 1971. – № 5; Гинс Г. К. Коммунизм и сверхкапитализм в зеркале права // Там же. – 1971. – № 5; Гессен С. Трагедия зла // Там же. – 1981. – № 14.

³ См.: Дорофеева М. А. Юридический факультет в Харбине как форпост русского образования в Китае // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. – Вып. 9. – СПб., 2008.

Г. К. Гинса издавался «Вестник китайского права», в котором рассматривались вопросы законодательства Китая и особенности развития монгольского права¹.

Довольно часто социолого-правовая проблематика получала отражение в изданиях других русских высших учебных заведений. На протяжении первого десятилетия послереволюционной эмиграции Харбинский политехнический институт, располагая собственной издательской базой, выпускал «Известия и труды Харбинского политехнического института» (1923–1934). В годы подготовки первого выпуска инженеров были напечатаны литографическим способом около 60 лекций. Неоднократно на страницах периодического издания размещались публикации, отражающие теоретические и практические аспекты социально-правовой действительности. Так, были изданы лекции «Уголовное право: очерк основных начал науки уголовного права» военного юриста, полковника И. В. Мусий-Мусиенко (1880–1940), прочитанные в Харбинском институте ориентальных и коммерческих наук.

На протяжении первого десятилетия послереволюционной эмиграции Харбинский политехнический институт, располагая собственной издательской базой, выпускал «Известия и труды Харбинского политехнического института» (1923–1934). В годы подготовки первого выпуска инженеров были напечатаны литографическим способом около 60 лекций. Неоднократно на страницах периодического издания размещались публикации, отражающие теоретические и практические аспекты социально-правовой действительности.

Высокий уровень научной публицистики демонстрировали издания эмигрантских научных организаций. Например, участники Общества изучения Маньчжурского края с 1922 по 1928 гг. опубликовали 10 выпусков одноименного издания, 9 сборников научных трудов», 12 работ по экономике Маньчжурии, 33 научно-популярные работы по краеведению, 16 бюллетеней и 7 изданий разной тематики². Всего за время существования было выпущено 87 изданий, около 70 тыс. книг³. Русские ученые-эмигранты весьма успешно проводили научные исследования по 13 направлениям, в том числе в секции «Право». За шесть лет они провели 385 собраний и прочитали 508 докладов и сообщений. Участники данной секции акцентировали свое внимание на анализе современных социальных проблем и правовой действительности Китая. Общество постоянно обменивалось книгами с академиями наук, университетами, центральными

¹ Гинс Г. К. Гражданский кодекс Китая и торговое право // Вестник китайского права. – Харбин, 1931. – Сб. I; Он же. Об обратной силе сроков давности, установленных гражданским кодексом Китая // Там же. – Сб. II; Монгольская государственность и право в их историческом развитии // Там же. – 1931. – Сб. III; Голицын В. В. Начало новой эры в международных отношениях Китая // Там же. – Сб. I.

² Известия Харбинского краеведческого музея. – 1946. – № 1. – С. 54–55.

³ Лазарева С. И., Шпилева А. Н. Русские школы и вузы в Маньчжурии 20-30- гг. // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2011. – № 4. – С. 20; Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1949). – Хабаровск, 2003. – С. 19.

научными учреждениями и краеведческими организациями различных стран, в том числе СССР, Америки, Англии, Китая, Японии, Польши, Германии, Чехословакии и др. За шесть лет было отправлено 12 700 экземпляров и получено в обмен 7 850 томов различной научной литературы¹.

Общество Русских ориенталистов в Харбине издавало свой научный журнал «Вестник Азии» (1909–1927). В 55 томах содержался огромный объем научных работ. На страницах журнала размещались научные статьи по социально-правовой проблематике В. В. Энгельфельда, И. Г. Баранова, Г. Г. Авенариуса, которые сами редактировали соответствующие выпуски. В данном журнале В. А. Рязановский опубликовал свое монографическое исследование обычного права монгольских племен².

Распространению социолого-правовых знаний среди русской эмиграции Дальневосточного региона способствовали публикации на страницах журнала «Экономический вестник Маньчжурии», издававшегося управлением Китайско-Восточной железной дороги», переименованного в 1925 г. в «Вестник Маньчжурии». В 106 номерах ежемесячника, ставшего популярным изданием в Маньчжурии, увидели свет более 5 тыс. статей. На его страницах опубликовали свои работы ведущие русские правоведы и преподаватели высших учебных заведений Северной Маньчжурии: М. Я. Пергамент, В. В. Энгельфельд, В. А. Рязановский, М. Н. Ершов, М. В. Абросимов, М. Я. Гильчер³. В поле зрения исследователей находились проблемы, характерные и для советской России, которые были рассмотрены в работах Г. К. Гинса, А. А. Камкова и др.⁴

Определенную нишу в пропаганде научных знаний занимала студенческая пресса. В частности, в газете «Жизнь студентов», однодневных выпусках «День юриста» и «Татьянин день», издаваемых Старостатом общества студентов юридического факультета в Харбине, размещали свои статьи и

¹ Известия Харбинского краеведческого музея. – Харбин, 1946. – № 1. – С. 56.

² Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен. Обычное право монгол // Вестник Азии – Харбин, 1923. – № 51; Он же. Обычное право монгольских племен // Там же. – 1924. – № 52.

³ Пергамент М. Я. Новейший обмен мнений по вопросу об экстерриториальности в Китае // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8–10; Он же. Об юридической природе так называемого Дипломатического Квартала в Пекине. Там же. – 1926. – № 6, № 7; Энгельфельд В. В. Проблема таможенной автономии в Китае // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 3–4; Он же. Народное образование в Японии // Там же. – 1927. – № 1; Он же. Конституционные акты Гоминдана // Там же. – 1928. – № 11–12. Он же. К вопросу о сношениях России с Китаем в XVII и XVIII вв. // Там же. – 1929. – № 3; Рязановский В. А. Основные институты китайского гражданского права // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 5, № 6; Он же. Два памятника обычного права монгольских племен // Там же. – 1929. – № 11; Ершов М. Н. К характеристике женского вопроса в современном Китае // Вестник Маньчжурии. – 1927. – № 11; Он же. Женщина и труд в современном Китае // Там же. – 1928. – № 2; Он же. Индустриализация Китая и запросы технического образования // Там же. – 1928. – № 7; Абросимов М. В. Стабилизация денежной единицы. Проект реформы золотого монометаллизма, предложенный Ирвином Фишером // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 5–7; Он же. Скорость обращения денег и их ценность // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 10; Он же. Мировая денежная проблема серебра // Там же. – 1932. – № 10, 11–12; Гильчер М. Я. К вопросу о применении советских законов в китайских судах // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 8–10;

⁴ Гинс Г. К. Водное и лесное право в СССР // Вестник Маньчжурии. – Харбин, 1927. – № 7; Камков А. А. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР // Там же. 1926. – № 10.

преподаватели¹, к примеру, профессор Н. И. Миролубов в своих публикациях рассмотрел проблемы и коллизии в осуществлении правосудия².

В целом публицистика, журналистика и работы научного характера во многом определяли направления и содержание культурно-просветительской работы научной общественности среди эмигрантов. Примечательно, что издания русской эмиграции доходили до советских читателей. Стремясь ограничить распространение печатного слова зарубежья, органы власти в 1927 г. запретили подписку на эмигрантскую прессу.

Таким образом, воссоздание и приумножение в зарубежье достижения русской культуры, сохранение преемственности и непрерывности ее развития эмиграция рассматривала как свой гражданский долг перед Отечеством. Конкретным научным наследием российского послереволюционного зарубежья стали академические и научные публикации ученых-эмигрантов. В течение полутора десятка лет ими были изданы 7038 научно-исследовательских работ³. М. Раев в своем исследовании русского зарубежья отметил значительную роль представителей социогуманитарной науки в сохранении и приумножении отечественных научных традиций, их несомненный вклад в развитие европейской и американской научной мысли⁴. Уделяя пристальное внимание социальным и культурным процессам, происходившим на Родине, изгнанники в печати поддерживали достижения советской литературы, поэзии, искусства и других областях духовной жизни, отстаивая необходимость единства русского культурного пространства. Несмотря на существенное снижение интереса русскоязычной аудитории к эмигрантским изданиям в предвоенные годы и постепенную ее ассимиляцию в инокультурную среду, печатное слово русского зарубежья еще многие десятилетия способствовало сохранению социокультурного единства россиян. Представители старшего поколения послереволюционного российского зарубежья на протяжении десятилетий считали своим гражданским долгом печатать свои статьи, отклики на значимые события, воспоминания в русскоязычных изданиях. Во многом материалы периодических изданий позволяют проследить эволюцию зарубежной русской социогуманитарной и правовой мысли, ее постепенную интеграцию и ассимиляцию в научную культуру страны пребывания.

¹ Устрялов Н. В. Две веры. (Социально-философский фрагмент) // День юриста. – Харбин, 1929.

² Миролубов Н. И. К вопросу о независимости суда // День юриста. – Харбин, 1923; Он же. К вопросу о достоверности свидетельских показаний // Там же. – 1924; К вопросу о правильной организации суда // Татьянин день. – Харбин, 1923.

³ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. – С. 133.

⁴ Raeff M. *Russia abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1919–1939.* – Oxford, 1990. – P. 59.

ГЛАВА II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ В РУССКОМ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Российская научная диаспора русского послереволюционного зарубежья представляет собой культурное явление международного масштаба. В эмигрантской литературе получили освещение ряд аспектов научного наследия российского послереволюционного зарубежья¹. Работы В. С. Варшавского, М. В. Вишняка, Р. Б. Гуля, В. В. Зеньковского, Т. Е. Ковалевского, Д. И. Мейснера, Н. П. Полторацкого, В. С. Франка и др. свидетельствовали о значительном потенциале эмигрантской научной мысли. В перестроечное время и в первое десятилетие постсоветского периода развития страны отечественными учеными были составлены хроники научной и культурной жизни эмиграции в странах Европы², стали изучаться процессы институционализации научных сообществ и формы их жизнедеятельности³. В ряде исследований творческий путь ученых-эмигрантов был рассмотрен в контексте их семейной жизни⁴.

В постсоветское время увидели свет справочные издания по русской эмиграции, включавшие персоналии видных ученых-эмигрантов и библиографические сведения о творческом наследии⁵. В сфере научных интересов российских исследователей оказались философские, социологические и правовые аспекты анализа русскими учеными-эмигрантами феноменов

¹ Автономов Н. П. Юридический факультет в Харбине (исторический очерк) // Известия юридического факультета в Харбине. – Харбин, 1938. – Т. 12; Адамович Г. Вклад российской эмиграции в мировую культуру. – Париж, 1961; Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры и европейской мысли. – Париж, 1926; Ковалевский П. Е. Наши достижения (Роль русской эмиграции в мировой науке). – Мюнхен, 1960; Новиков М. М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. – Прага, 1935; Пию-Ульский Б. Г. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других стран. – Белград, 1939. Постников С. П. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1923–1937. – Прага, 1957 и др.

² Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. XX века: Хроника. – М., 1998; Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940. Франция: в 4 т. – М., 1995–1997; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике: в 2 т. – Прага, 2000 и др.

³ Русские без Отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов / под ред. С. В. Карпенко. – М. 2000; Тимонин Е. И. Национальная культура русского зарубежья. – Омск, 1997; Борисов В. П., Волков В. А., Куликова М. В. Формирование научного центра российской эмиграции в Чехословакии // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований: в сб. докладов: в 2 ч. – Прага, 1995. – Ч. 1; Оноприенко В. И. Русская наука в изгнании // Вестник АН СССР. – 1990. – № 5; Горяинов А. Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Культура российского зарубежья: сб. ст. – М., 1995; Миленкович Т. Общество русских ученых в Югославии 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии: сб. ст. – М., 1996; Волошина В. Ю. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. ... д.и.н. – Омск, 2012.

⁴ Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и в эмиграции. – М., 1998; Российская научная эмиграция: двадцать портретов. – М., 2001; Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, Т. М. Флоринский) и становление русистики в США. – М., 2005; Корзун В. П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. – СПб., 2011.

⁵ Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции: первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997; Сухарев Ю. И. Материалы к истории русского научного зарубежья: в 2 кн. – М., 2002; Общественная мысль русского зарубежья: энциклопедия. – М., 2009; Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь: в 3 т. – М., 2008–2010.

права и власти¹. В отечественной науке усиливается интерес специалистов к анализу экономической мысли российской эмиграции². Особенности общественно-политической мысли русского зарубежья нашли отражение в работах Н. А. Омельченко³. В последнее время в поле зрения исследователей все более оказываются проблемы развития правовой мысли россиян-эмигрантов⁴. Процесс становления международно-правовой науки российской эмиграции был проанализирован Г. С. Стародубцевым⁵.

В целом наблюдается количественный рост исследований, посвященных отдельным представителям научной интеллигенции русского зарубежья⁶, проблемам научной и просветительской деятельности в послереволюционном зарубежье не только в европейских и восточноевропейских странах, но и в юго-восточной Азии⁷.

Проводимые мероприятия научного характера свидетельствуют об усилении внимания научного сообщества к проблематике послереволюционного зарубежья⁸. В подавляющем большинстве проблемы формирования

¹ Прибыткова Е. А. *Философия права Владимира Сергеевич Соловьева*: автореф. дис. ... к.ю.н. – М., 2007; Образцов И. В. *Концепция «Социология войны» в трудах Н. Н. Головина*: автореф. дис. ... к.социол.н. – М., 1992.

² Пшеунов М. Х. *Либеральное течение экономической мысли русского зарубежья 20–50-х годов*: автореф. дис. ... к.э.н. – СПб., 1999; Иванов М. В. *Социально-демократическое течение экономической мысли российской эмиграции 20–50-х гг.*: автореф. дис. ... к.э.н. – СПб., 2004; Нинциева Г. В. *Основные течения экономической мысли русской эмиграции 20–50-х годов XX столетия*: автореф. дис. ... д.э.н. – СПб., 2004; Кузнецова Т. *Возвращение научного наследия: социально-экономическая мысль русского зарубежья // Вопросы экономики.* – 2008. – № 6.

³ Омельченко Н. А. *Политическая мысль русского зарубежья: очерки истории (1920–начало 1930-х годов)*: учебное пособие. – М., 1997; *Русский опыт: революция 1917 г. в России и политическая практика большевизма в общественно-политической мысли русского зарубежья (1917–нач. 1930-х гг.)*. – М., 1995.

⁴ Атмачев С. И. *Сущность и организация верховной власти в консервативной мысли русской эмиграции*: автореф. дис. ... к.ю.н. – Ставрополь, 1999; Иванников И. А. *Проблема эволюции формы в истории русской политико-правовой мысли второй половины XIX – середины XX веков*: автореф. дис. ... д.ю.н. – Ростов н/Д, 2000; Горячева Е. М. *Государство и общество в воззрениях мыслителей русского зарубежья*: автореф. дис. ... к.ю.н. – Тула, 2006; Побегайло Э. Ф. *О зарубежном российском правовом наследии // Российский криминологический взгляд.* – 2009. – № 1; Магуза А. О. *Проблемы криминологии и теории уголовного права в свете научных воззрений представителей российской эмиграции первой половины XX столетия*: автореф. дис. ... к.ю.н. – Рязань, 2012; Пономарева В. П. *Профессор Г. Г. Тельберг как представитель русской зарубежной юридической мысли // История государства и права.* – 2013. – № 5.

⁵ Стародубцев Г. С. *Международно-правовая наука российской эмиграции 1918–1939 гг.* – М., 2000.

⁶ Романовский В. К. *Николай Васильевич Устрялов: деятельность и эволюция идейно-политических воззрений: 1890–1937 гг.*: автореф. дис. ... д.и.н. – Н.Новгород, 2007; Рыженков В. Ю. *Николай Николаевич Евреинов в культурной жизни России и зарубежья*: автореф. дис. ... к.и.н. – СПб., 2011.

⁷ Фомин В. Н. *Русско-китайское сотрудничество в постановке высшего образования в Китае в 20-е гг. // Проблемы исторического образования в Восточной Азии: диалог преподавателей и ученых: материалы Международной научной конференции – Владивосток, 1999; Василенко Н. А. *Первые русские учебные заведения в Маньчжурии // Вестник ДВО РАН.* – 2000. – № 2; Стародубцев Г. *Русское юридическое образование в Харбине (1919–1937) // Проблемы Дальнего Востока.* – 2000. – № 6; Горкавенко Н. Л., Гридина Н. П. *Русская интеллигенция в изгнании в Маньчжурии. 1917–1946 гг.* – Владивосток, 2002.*

⁸ *Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: тезисы докладов научной конференции.* – М., 1993; *История российской интеллигенции: материалы и тезисы научной*

и развития научной мысли эмиграции послереволюционной волны преимущественно исследовались в контексте культурного наследия русского зарубежья. Только в постсоветское время получили отражение история отдельных отраслей эмигрантской науки, научных сообществ¹, региональные особенности², научные портреты русских ученых-эмигрантов. Достаточно полно изучена историческая наука зарубежья³. В области правовых дисциплин преимущественно исследованы только отдельные аспекты достижений ученых-эмигрантов.

Несмотря на наличие многочисленных публикаций⁴, еще недостаточно изучена социально-гуманитарная и правовая мысль русского послереволюционного зарубежья⁵. Отсутствуют комплексные монографические работы, посвященные специфике формирования русского послереволюционного зарубежного научного сообщества, роли ученых-эмигрантов в становлении и развитии высшего юридического образования, просветительской деятельности, сохранении и приумножении отечественной научной традиции, их вкладу в научную мысль и культуру страны пребывания.

конференции – М., 1995; Интеллигенция России: традиции и новации: тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции – Иваново, 1997; Российская интеллигенция на историческом переломе: первая треть XX века: тезисы докладов и сообщений научной конференции – СПб., 1996; Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи»: тезисы докладов и научной конференции – Екатеринбург, 1998; Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной памяти проф. В. Г. Чуфарова. – Екатеринбург, 1998; Наука, культура и политика русской эмиграции: материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2004.

¹ Кудрякова Е. Б. Российская эмиграция в Великобритании между двумя войнами. – М., 1995; Русская эмиграция в Югославии: сб. статей. – М., 1996; Савицкий И. П. Прага и зарубежная Россия. – Прага, 2002 и др.

² Борисов В. П., Волков В. А., Куликова М. В. Указ. раб.; Оноприенко В. И. Указ. раб.; Тесемников В. А. Белград как один из научных центров зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. – Кн. 1. – М., 1994; Горяинов А. Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Культура русского зарубежья: сб. ст. – М., 1995; Миленкович Т. Общество русских ученых в Югославии 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии: сб. ст. – М., 1996.

³ Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». – М., 1997; Емельянов Ю. Н. История в изгнании: историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). – М., 2008; Ковалев М. В. Научный быт русских историков-эмигрантов в Праге в 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... к.и.н. – Саратов, 2009.

⁴ Борисов В. П. Истоки и формирование русского научного зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 гг. – Кн. 1. – М., 1994; Кеппен А. Научные достижения российской эмиграции в Северной Америке // Культурная миссия русского зарубежья. – М., 1995; Квакин А. В. Россия–интеллигенция–эмиграция: (о соотношении амбивалентности русского архетипа и российской эмиграционной системы) // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции. – Иваново, 1997; Российская интеллигенция «первая волна» эмиграции: учебно-методическое пособие для преподавателей истории. – Тверь, 1994; Борисов В. П. Владимир Козьмич Зворыкин. 1889–1982. – М., 2002; Любина Г. И. Русская научная эмиграция XIX века в Париже: общий взгляд и уроки // Вопросы истории, естествознания и техники. – 2002. – № 2; Российские ученые и инженеры в эмиграции: сб. ст. / Под ред. В. П. Борисова. – М., 1993; Михеев В. Р. Русская авиационная эмиграция в Америке // Вопросы истории. – 1997. – № 5; Буяков А. Русские морские офицеры в США // Морской сборник. – 1998. – № 11.

⁵ Корнилов С. В. Философия русского зарубежья в проблемном поле европейской культуры XX века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2004. – № 3; Назарова Е. В. Эмиграция российской интеллигенции: её причины и трансформация образа жизни: (ретроспект. анализ): автореф. дис. ... к.социол.н. – Улан-Удэ, 2003.

В наследии российского послереволюционного зарубежья отразились итоги полувековой работы наших соотечественников, вынужденных трудиться вне пределов Родины, содержатся основы и принципы отечественной научной культуры, которые к настоящему времени во многом утрачены. «Историческая творческая роль русской эмиграции, – подчеркивал П. А. Сорокин, – состояла и состоит не в политических действиях того или иного направления, даже не в бесконечной критике советского режима и еще меньше в содействии и поджигании военного и "крестового похода" против советской власти, а в ознакомлении человечества с бессмертными ценностями нашей Культуры, основами русской социальной жизни и общественных учреждений, а также с новыми достижениями эмигрантов, продолжающих пути русского культурного и социального <...> В итоге этой работы русской эмиграции мир обогатился огромными ценностями доселе неизвестными и народы России проявили себя творцами, равными наиболее творческим народам истории человечества»¹.

Значительную часть послереволюционного зарубежья составила интеллигенция. «Русская интеллигенция – это класс или круг, или слой (все слова не точны). Слой, по сравнению со всей толщей громадой России, очень тонкий, – писала З. Н. Гиппиус, – но лишь в нем совершалась кое-какая культурная работа. И он сыграл свою, очень серьезную историческую роль»². Многие российские ученые оказались в вынужденной или добровольной эмиграции. В условиях гражданской войны, разрухи и нищеты население советской России находилось на грани выживания. Особенно удручающим было положение представителей научной интеллигенции, испытывавших крайнюю нужду. Т. Н. Тимашева, поэтесса русской эмиграции, следующим образом описала свое восприятие того сурового времени: «Вспоминается мне 19-ый год в Петрограде. Зима ясная и суровая. Мороз стоит ниже 20 гр. В квартирах давно не топлено. Промерзли стены, замерзает вода. Темно, электричество не действует, керосина нет. Живем с лучиной. В комнатах не снимаем шубы, валенок <...> Рынки и лавки закрыты; купить что-либо можно лишь тайком, и то рискуешь, что на улице остановят, обыщут, отнимут пакет, арестуют <...> Чем все питаются, как живут – не понять»³.

В годы гражданской войны погибли во время многочисленных погромов, были расстреляны, умерли от истощения и болезни или покончили жизнь самоубийством 109 представителей русского научного сообщества⁴. Значительная часть научной интеллигенции не восприняла Советскую

¹ Сорокин П. А. В чем состоит творческая роль русской эмиграции // Хранилища памятников культуры и истории зарубежной Руси. – Сан-Франциско, 1966. – С. 7–8.

² Гиппиус З. История моего дневника // Русская мысль. – Прага, 1922. – Т. 3. – Кн. 4. – С. 140.

³ Тимашева Т. Воспоминания // Вестник российского христианского студенческого движения. – Париж, 1929. – Вып. I. – С. 30.

⁴ Первый и второй съезды русских академических организаций за границей. – Прага, 1923. – С. 85–91.

власть. Многие из них участвовали в Белом движении и с завершением гражданской войны были вынуждены эмигрировать из страны. Большинство ученых, не видя перспектив и в тревоге за собственную судьбу и жизнь близких, не испытывая судьбы бежали за границу или становились невозвращенцами. Только в 1919–1920 учебном году, не выдержав голода и страданий, умерли 12 профессоров Московского университета, среди которых – профессор римского права В. М. Хвостов, профессор философии Л. М. Лопатин¹.

Можно согласиться с мнением М. Ю. Сорокиной, предложившей рассматривать эмигрантское научное зарубежье «как совокупность всех специалистов, имевших печатные научные труды и принимавших участие в деятельности российского научного сообщества, – граждан Российской империи / Российской республики / СССР / Российской Федерации, по различным причинам покинувших страну и / или работавших длительное время за рубежом»².

2.1. Институционализация русской науки в эмиграции

Интеллектуальный потенциал русского послереволюционного зарубежья был необычайно высоким. Основной контингент научных кадров составили лица среднего возраста. По данным анкетирования, проведенного в 1931 г. сотрудниками Русского научного института в Белграде, было зафиксировано 1612 ученых и преподавателей университетов и высших технических школ, проживавших в эмиграции. Согласно данным Министерства народного просвещения на начало 1917 г. в списке профессоров и доцентов насчитывалось 1500 человек, в том числе 947 профессоров³. До 1925 г. из России / СССР выехали 7 действительных членов, 18 членов-корреспондентов и 7 почетных членов РАН / АН СССР⁴. Научную мысль эмиграции составили около 500 крупных ученых, впоследствии возглавившие кафедры и целые направления (С. Н. Виноградский, Г. Д. Гурвич, К. Н. Давыдов, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев и др.). Следует отметить, что только во Франции нашли убежище около 200 деятелей науки⁵. В Пастеровском институте в Париже успешно работали 18 соотечественников. В Парижском университете в разные годы преподавали свыше 60 русских

¹ Новиков М. М. Московский университет в первый период большевистского режима // Московский университет, 1875–1930. – Париж, 1930. – С. 182.

² Сорокина М. Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Русский путь URL: <http://www.rp-net.ru/store/element> – (Дата обращения: 13.07.2015).

³ Сухарев Ю. М. Материалы к истории русского научного зарубежья: в 2-х книгах. – М., 2002. – Т. 2. Образование и наука русского зарубежья. – С. 387.

⁴ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. 1920–1930. – Вып. 1. – Белград, 1931; Иванов А. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX столетий // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1974. – Кн. 116. – С. 283–297.

⁵ Оноприенко В. И. Указ. раб. – С. 72.

профессоров. В Брюссельском университете профессорскую должность занял историк средневековья А. Экку. Кафедру славянской филологии Венского университета возглавил профессор Н. С. Трубецкой. Невосполнимыми были потери как социогуманитарных дисциплин, так и правовой науки. Практически многие научные школы оказались за рубежом. В оценке Э. И. Колчинского, с первой волной послереволюционной эмиграции из России выехали около четверти ученых и представителей профессорско-преподавательского корпуса¹. По данным Г. С. Стародубцева, из-за опасности физического устранения, под влиянием вынесенных лишений и голода и т. д., примерно 90 % из общего числа профессоров, доцентов и специалистов-правоведов эмигрировали из России². В 1922 г. страну покинули все специалисты в области международного права в ранге доктора наук³. О. А. Кудинов, проанализировав биографии 46 наиболее известных российских конституционалистов, ученых и политиков, выявил, что из них 31 человек эмигрировал или был выслан. Возвратился в Советскую Россию только профессор Н. В. Устрялов, который впоследствии был расстрелян. Из оставшихся 15 конституционалистов, даже вставших на путь сотрудничества с новой властью, не смогли избежать репрессий и закончили свой жизненный путь в лагерях⁴. В целом за пределами родины оказались более 270 правоведов, определивших развитие правовой мысли и юриспруденции в эмиграции⁵.

«Щедрый дар» российскому зарубежью в 1922 г. преподнесла советская власть, выслав на «философском пароходе» представителей «неблагонадежной» творческой интеллигенции. В списке, включавшем в себя 161 человек, были ректоры обоих столичных университетов, профессора, философы, литераторы, журналисты, историки: Л. П. Карсавин, М. М. Карпович, философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. О. Лосский, социолог П. А. Сорокин, публицист М. А. Осоргин, профессор математики Д. Ф. Селиванов, профессор биологии М. М. Новиков и многие другие видные деятели российской культуры. В списке изгнанников были врачи, юристы, экономисты, литераторы. В количественном составе преобладали представители научных кадров: профессура Москвы – 22, Петрограда – 23, Одессы – 17, Казани, Минска, Нижнего Новгорода, Киева. «Для большинства из высланных насиль-

¹ Колчинский Э. И. Наука и эмиграция: судьбы и цифры // Зарубежная Россия. 1917–1939: сб. ст. – СПб., 2003. – Кн. 2. – С. 165–166.

² Стародубцев Г. С. Судьба и работы русских юристов-международников в 1917–1922 гг. // История государства и права. – 2000. – № 2. – С. 20.

³ Российские ученые на чужбине // Русский век. Портал для российских соотечественников. URL: <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=6181&theme=14> – (Дата обращения: 14.03.2016).

⁴ Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918–1940-е гг.), или За что их расстреливали и депортировали (для тех, кто хочет понять смысл права): монография. – М., 2006. – С. 34–38.

⁵ Российское научное зарубежье: материалы для библиографического словаря. – Вып. 4. – Юридические науки: XIX – первая половина XX в. / авт.-сост. М. Ю. Сорокина. – М., 2011 // Русский путь URL: <http://www.rp-net.ru> – (Дата обращения: 13.07.2015).

ственная эмиграция, по свидетельству В. А. Шенталинского, стала страшным ударом. Не радовался никто, утешались лишь тем, что советская власть протянет недолго и тогда можно будет вернуться домой. Людей изгоняли из собственного отечества противу их воли – такая кара, изумившая всех, неизвестная в царской России, применялась в первый, но, увы, не в последний раз: она повторится и в 60-е годы, уже на нашей памяти. Интеллект, талант – это, пожалуй, единственный товар, который советская власть даром, не скупясь, поставляла миру»¹. Отток интеллигенции из Советской России продолжался до конца 1920-х гг., пока не опустился «железный» занавес, отгородивший страну от западного мира.

Интеграция российской интеллигенции в академическую западную культуру прошла в несколько этапов и в основном завершилась в преддверии Второй мировой войны. Русская культура и наука за рубежом представляли собой особое явление. Достаточно отметить, что 21 лауреат Нобелевской премии – выходцы из России или их потомки². Особенность российского научного зарубежья состояла в том, что в подавляющем большинстве наши соотечественники знали иностранные языки, обладали профессиональными навыками, востребованными в различных областях научных знаний. Несомненным преимуществом эмиграции было наличие духовной свободы. «Над нами не тяготеют духовные вериги. Наше слово свободно. Никакая принудительная указка не властвует над нами. И мы имеем поэтому полную возможность чувствовать себя в мировой республике наук на равной ноге со всеми другими ее представителями. Мы можем говорить от имени подлинной русской науки, не умаленной в своем авторитете никакими окриками большевистского держиморды. И поэтому наше служение русской науке, помимо удовлетворения нашей личной потребности в научном творчестве, приобретает в условиях настоящего момента характер общественной функции высокого значения. Мы стоим на страже достоинства русской культуры в то время, как большевистские палачи изо всех сил стремятся унижить и растоптать его», – писал А. А. Кизеветтер, русский историк, публицист и политический деятель³.

Научная деятельность в зарубежных научных институтах, лабораториях и образовательных учреждениях не только позволяла россиянам-эмигрантам успешно интегрироваться в мировое научное сообщество, но и сохранять свою культурную идентичность. Поэтому многие из них смогли достичь высоких результатов и сделать научную карьеру в масштабах мировой науки. По большому счету, историю российской научной эмиграции можно рассматривать не только как трагедию отечественной науки, но и в качестве истории ее успеха. В эмиграции, по подсчетам М. Ю. Сорокиной,

¹ Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. – М., 2005 // Русский путь URL: <http://www.rp-net.ru> – (Дата обращения: 13.07.2015).

² Проблемы изучения истории российского зарубежья: сб. ст. – М., 1993. – С. 28.

³ Русские историки эмигранты в Чехословакии // Республика. Информационный портал URL: <http://www.respublika.cz/cheshskoe-obozenie> – (Дата обращения: 27.07.2015).

в 1920–30-е гг. около 4,5–5 тыс. российских специалистов смогли сделать успешную индивидуальную карьеру в стране пребывания¹. Представители российской интеллигенции, испытывая громадные трудности, невзирая на сложные условия жизни, притеснения и гонения, стремились сохранить культурную идентичность. А. В. Карташев, российский государственный деятель, последний обер-прокурор Священного синода, министр исповеданий Временного правительства, богослов, историк русской церкви, церковный и общественный деятель, вынужден был признать: «Вы не имеете представления о странной духовной подъяремности русского православного ученого и здесь, в зарубежье. Тяжелый наш путь. Говорят, «деньги не пахнут». Неправда. Они не только пахнут, в них страшный яд кроется...»². Наиболее востребованными оказались ученые, имевшие высокую научную репутацию и признанные мировым научным сообществом. Довольно успешно смогли реализовать себя в профессиональном отношении представители естественных наук. Признание и успех получили русские ученые-эмигранты, устроившиеся в иностранных университетах или институтах. В определенной мере невостребованными оставались специалисты в сфере социогуманитарных знаний, специализировавшиеся исключительно на российской проблематике. Тем не менее они в своих работах, отвергая советскую модель общественного устройства и критически оценивая сложившуюся западноевропейскую практику, стремились раскрыть её современные проблемы, выявить основные направления, условия и факторы, определявшие развитие постбольшевистской России. Так, К. Р. Кочаровский, подобно многим представителям российской эмигрантской научной мысли, полагал, что следует заниматься разработкой проектов политического, экономического и культурного обустройства страны, широким их обсуждением, т. е. всем тем, чем «в ужасных условиях в самой России <...> заниматься невозможно»³.

В эмиграции россияне основали историческую, философскую, социологическую школы, определили направления развития в биологии, зоологии, технике. Гносеологические аспекты права получили отражение в работах Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, С. А. Левицкого, Н. О. Лосского, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка и других мыслителей русского зарубежья. Достаточно интересными были исследования в области правовой науки, в которой оформились концепции «социабельного» права Г. Д. Гурвича, права как биопсихологической реальности и социально-культурного явления Н. С. Тимашева, корпоративного солидаризма Г. К. Гинса и др. Качественно новым явлением стало акцентирование вни-

¹ Российские ученые на чужбине // Русский век. Портал для российских соотечественников URL: <http://www.ruvek.info/?action=view&id=6181&module=articles/>– (Дата обращения: 14.03.2016).

² Зноско-Боровский М. К. Правильному пониманию смуты церковной за рубежами России // В защиту правды. (Статьи 1952–1977). – Нью-Йорк, 1983. – Русский иннок URL: <http://www.russian-inok.org/books/>– (Дата обращения: 27.07.2015).

³ Кочаровский К. Р. Строение России // Воля России. 1922. – № 1–2. – С. 33–34.

мания на геополитических и международно-правовых проблемах. В работах А. Фатеева «Об управлении» (1928) и «Введение в геополитику славянства» (1933) отстаивалась идея неразрывности государства и территории. Юридическое направление борьбы за пространство было обозначено панномизмом. Впоследствии геополитический подход к анализу государственно-правовых проблем будет взят на вооружение идеологами евразийства, младоросов, русских фашистов.

Помимо разработки теоретических вопросов, русские праведы уделяли пристальное внимание отраслевым направлениям юридической науки. Так, доктринальное, социологическое и криминологическое изучение различных сторон проявления норм права получили отражение в исследованиях П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева, Л. Бразоля, Г. К. Гинса, Г. Д. Гурвича, Н. В. Краинского, А. В. Маклецова, М. П. Чубинского, Л. Шейниса и др.

Впервые в правовой науке россиянами-эмигрантами была обоснована идея необходимости институционализации междисциплинарных дисциплин: криминологии (А. В. Маклецов – Словения), уголовной политики (М. П. Чубинский – Сербия), криминальной психологии (Н. В. Краинский – Сербия), социологии права (Н. С. Тимашев – США, Г. Д. Гурвич – Франция) и т. д. Достижения русских ученых были весьма весомыми не только в области теоретических исследований, но в прикладных аспектах. Так, во многом благодаря усилиям М. П. Чубинского, члена Постоянного законодательного совета при министерстве юстиции Королевства Югославии, при Белградском университете был создан Институт и музей криминалистики. Ранее он был награжден престолонаследником Александром орденом св. Савы за труд «История сербско-хорватских отношений и будущее объединение». Совместно с известным русским уголовным процессуалистом Л. Я. Таубером и своим сыном, А. М. Чубинским, он составил комментарий к Уголовному кодексу Королевства Югославии, получивший признание юристов-практиков. Вклад россиян-эмигрантов в развитие уголовного законодательства Сербии, Латвии, Эстонии и других стран был весьма значительным. Во Франции Г. Д. Гурвич основал институт социологии права. В США П. А. Сорокин создал центр изучения альтруистической любви. Ведущими американскими советологами в 1940–50-е гг. стали В. А. Рязановский, Б. И. Николаевский, Р. О. Якобсон, Д. Ю. Далин, Н. И. Ульянов и др.

В организационном плане научная жизнь русской эмиграции имела некоторые особенности. В подавляющем большинстве научная жизнь русских ученых протекала в русскоязычных вузах и научных институтах. Только в Югославии и Болгарии русские ученые были интегрированы в систему высшего образования и им были предоставлены самостоятельные кафедры. В монографии, изданной к 100-летию философского факультета

Белградского университета, были выделены 32 русских ученых-эмигранта, осуществлявших научную и преподавательскую деятельность.

В США научная жизнь и преподавательская деятельность представителей научной эмиграции протекала в организационных рамках американских университетов. Так, в Гарварде весьма успешно работали М. М. Карпович, Л. И. Страховский, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев и др. В Беркли, Лос-Анжелесе, Сан-Франциско в разное время научной и преподавательской деятельностью были заняты П. Б. Струве, Г. К. Гинс, В. А. Рязановский и др. На экономическом отделении Сент-Луиского университета преподавал Б. С. Ижболдин. Профессором Хьюстонского университета стал Д. Н. Вергун. В Корнельском университете лекции по истории государства и права читал М. Г. Шефтель. В Военно-Морской школе при Колорадском университете преподавал В. П. Петров¹.

Русские ученые в эмиграции проявили незаурядные способности по созданию единого научного пространства. Оказавшись на чужбине, ученые начали создавать русские академические группы (РАГ). Видный представитель русского зарубежья М. М. Новиков, бывший ректор Московского университета, писал: «Часто приходится слышать, что русские плохие организаторы <...> Однако русские ученые представляют в этом отношении счастливое исключение. Как только они осели в эмиграции, среди них началась деятельная работа по созданию общественных организаций. В результате очень скоро возникли Общество русских ученых в Югославии и Русские академические группы в Берлине, Болгарии, Великобритании, Италии, Константинополе, Париже, Польше, Риге, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Эстонии и Чехословакии. Впоследствии итальянская и польская группа замерли, но зато вновь образовались отдаленные Харбинская и Северо-Американская академические группы»².

Организационным центром в подготовке съезда научной эмиграции стали Парижская и Пражская академические группы, усилиями которых был сформирован оргкомитет в составе А. И. Анциферова, А. И. Глазунова, Ю. В. Ключникова, А. С. Ломшакова, Н. М. Могилянского, Е. В. Спекторского, В. А. Францева, Н. В. Ястребова. Результатом деятельности оргкомитета стали разработка проекта программы, Наказа съезду и установление нормы представительства (один делегат от 10-ти членов группы).

В 1920-е гг. были проведены пять съездов академических организаций. Помимо первых двух съездов, последующие представляли собой научные форумы. Первый съезд Союза прошел в Праге с 10 по 17 октября 1921 г., на котором присутствовали 34 делегата, представлявшие более 400 русских ученых. Председателем правления Союза был избран профессор,

¹ Петров Е. В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века: автореф. дис. ... д.и.н. – СПб., 2002. – С. 11.

² Новиков М. М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. – С. 4–5.

специалист по теплотехнике А. С. Ломшаков, секретарем – профессор В. Д. Варенов, казначеем – профессор А. А. Вилков. Местом постоянного пребывания была определена Прага¹. На съезде было решено русские академические группы объединить в «Союз Русских Академических Организаций за границей», обладавший правомочием принятия императивных решений в отношении русского высшего и специального образования, научных учреждений. В то же время региональные академические группы сохраняли полную автономию.

Устав Союза определил следующие ключевые задачи научного сообщества:

- согласование деятельности отдельных академических групп;
- установление связи с иностранными учеными и учреждениями;
- представительство перед правительственными, общественными и научными установлениями от имени всех русских академических организаций за границей;
- всемерное содействие к предоставлению членам Союза возможности научно работать, к печатанию научных трудов, к подысканию мест по специальности и к облегчению их материального положения;
- забота об учреждении, охране и дальнейшем существовании русских высших учебных заведений и ученых учреждений за границей;
- забота о русских студентах за границей;
- оказание помощи студентам и ученым, а также студентам, оставшимся в России;
- проявление заботы об учении и воспитании детей русских беженцев.

Следует подчеркнуть, что на съезде непосредственно не рассматривался вопрос об открытии русских высших учебных заведений за границей. Предусматривалось только содействие в распределении русского студенчества по вузам стран-реципиентов, создании условий для продолжения образования. В работе съезда приняли непосредственное участие правоведаы, выступившие с докладами: А. Д. Билимович «Общество, государство и хозяйство», Н. Н. Алексеев «К феноменологии явлений властвования», М. В. Шахматов «Идея многодержавия в политических учениях русской литературы XI–XII вв.», Ф. В. Тарановский «Историко-юридические конструкции русской государственности Московского периода», К. И. Зайцев «Государство как единство и как система». Кроме того, некоторые участники съезда сделали еще и ряд сообщений. В частности, Ф. В. Тарановский «Предмет и метод так называемой внешней истории права» и К. И. Зайцев «Понятие правового государства».

Меньшей представительностью отличался II съезд Союза русских академических организаций за рубежом, проходивший 9–16 октября 1922

¹ Съезды Русских академических организаций за границей. – Прага, 1923. – С. 84.

г. Всего на съезде присутствовали 35 делегатов с решающим голосом, из которых 15 проживали в Праге, представлявшие около 500 ученых-эмигрантов из 14-ти европейских стран. Работа съезда началась с приветствия старейшего академика Н. Н. Кондакова, выступившего от имени правления Союза русских академических организаций, и Почетного председателя съезда профессора Горчака, ректора Карлова университета. В состав его почетных членов были избраны правоведы П. И. Новгородцев и Д. Д. Grimm.

В ходе научного форума действовали следующие комиссии: 1) по проверке полномочий членов съезда; 2) по рассмотрению отчетов Правления и Совета; 3) для рассмотрения вопросов о положении русских студентов; 4) по вопросам о положении русских ученых за границей; 5) по вопросу о помощи русским ученым в России; 6) по изданию научных трудов и учебников; 7) по вопросам русской средней школы за границей; 8) по вопросу об учреждении русского педагогического института и курсов общественной гигиены; 9) для рассмотрения изменений в Уставе Союза; 10) по выработке положений о государственных испытаниях и экзаменах и защите диссертаций на ученые степени. На заседаниях общих собраний и комиссий происходило заслушивание отчетов, докладов, сообщений.

На первом заседании после избрания постоянного президиума съезда в составе председателя (Е. В. Спекторский), товарищей председателя (А. М. Анцыферов, П. И. Новгородцев, Д. Л. Grimm) и секретарей (В. И. Исаев и Г. В. Бернадский) был заслушан доклад В. Д. Варенова, секретаря правления Совета Русских академических организаций за границей, в котором была отражена деятельность по улучшению материального и правового положения ученых в эмиграции, оказанию помощи русскому студенчеству за границей, координации деятельности русских академических групп и т. д.

Перед участниками съезда с докладом на тему «Русская наука в русской культуре» выступил П. Б. Струве, обративший внимание аудитории на прогрессивную роль государства в формировании и развитии национальной науки. «Формально, психологически и социологически, процесс развития науки в России есть процесс её вырастания из государственной и административной функции в функцию национальную и культурную», – подчеркнул докладчик¹.

Делегаты съезда рассмотрели преимущественно организационные проблемы, связанные с вопросами содействия учащейся молодежи за границей, проведения культурно-просветительской работы, оказания помощи советским ученым, представительства в международных учреждениях, регулирования правового положения ученых-эмигрантов и т. п.² «В отличие от прошлогоднего первого съезда, уделившего много внимания тем общим

¹ Съезды русских академических организаций за границей. – Прага, 1923. – С. 109.

² Там же. – С. 104–106.

принципам, которые нас всех объединяют, настоящий Съезд был посвящен преимущественно техническим вопросам и вынес всего одну резолюцию декларативного характера» <...> Главное внимание Съезда было уделено положению русского эмиграционного студенчества, рассеянного по всему земному шару, – отметил Е. В. Спекторский, председатель общества русских ученых в королевстве СХС¹. Обращаясь к молодому поколению, он подчеркнул: «И мы, старшее поколение русской интеллигенции, бесконечно радуемся, что на смену нам идет поколение молодежи, бодрой духом и стремящейся сочетать европейское образование с сознательной любовью к России. Наши ряды редуют. Нам время тлеть, а вам цвести»². Если на предыдущем съезде была оговорена необходимость создания условий для продолжения образования русской молодежи за границей, то на II съезде было принято решение о целесообразности открытия русских вузов за рубежом, которые стали действовать в Париже, Праге, Харбине и Ревеле.

На съезде заслушивались сообщения о положении и деятельности региональных русских академических групп. В выступлении профессора Д. Н. Сокольцева, представлявшего Варшавскую группу, отмечалось, что, невзирая на тяжелое финансовое положение русского научного сообщества в Польше, участники группы активно участвуют в культурно-просветительной жизни страны. Профессор И. А. Базанов рассказал о проделанной работе академической группой в Болгарии, для которой приоритетным направлением являлась забота о русских студентах за границей. В частности, о предпринятых усилиях участниками группы по открытию русского юридического факультета при Софийском университете. В сообщении профессора Е. Аничкова указывалось, что, несмотря на сложное материальное положение, деятельность членов академической группы в Югославии была направлена не только на оказание помощи ученым-эмигрантам, но и оставшимся в России. По свидетельству Л. М. Берлина, Бельгийская академическая группа в качестве важнейшей задачи усматривала установление связи между русскими и интернациональными научными учреждениями. От имени Эстонской группы выступил профессор Курчинский, акцентировавший внимание на нелегких условиях жизни и творчества русских ученых в стране. Согласно докладу И. Г. Коренченского усилиями Лондонской группы в помещении Королевского университета начал действовать Русский народный университет с тремя факультетами. О деятельности Парижской группы выступил с сообщением Н. М. Могиланский, ознакомивший делегатов с результатами усилий по организации русского юридического факультета³.

На заседании съезда от 14 октября 1922 г. делегатами было принято Положение о производстве испытаний на ученые степени и по защите дис-

¹ Съезды русских академических организаций за границей. – Прага, 1923. – С. 110–111.

² Там же. – С. 112.

³ Русская литературная и научная жизнь за рубежом // Новая русская книга. – Берлин, 1922. – № 10. – С. 27.

сертаций. Впоследствии были внесены изменения ввиду возникших затруднений практического характера. Съезд избрал правление Союза русских академических организаций, в состав которого вошли: А. Ф. Ломшаков (председатель), В. А. Францев, А. А. Копылов, Д. Д. Гримм, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, Е. В. Спекторский, В. И. Исаев, А. А. Вилков и Г. А. Острогорский.

На третьем съезде, проведенном 25 сентября–2 октября 1924 г. в Праге, точное количество участников установить невозможно, т. к. материалы съезда не были опубликованы. В отличие от предыдущих форумов, носивших преимущественно организационный характер, на четырех секциях (философская и историко-филологическая, юридических и экономических наук, естественных наук и медицины, математики и прикладных технических знаний) были заслушаны 144 доклада, что свидетельствовало о возобновлении научной деятельности. Академик В. А. Францев на чешском языке произнес речь, в которой определил основные тенденции развития славяноведения. Академик Н. П. Кондаков выступил с докладом, посвященным научным методам изучения истории Восточной Европы.

На четвертом форуме, состоявшемся 16–23 сентября 1928 г. в Белграде, проведенном под знаком «свободной научной мысли», на 12 секциях было представлено 162 доклада. Подавляющее большинство докладов были посвящены вопросам правовой истории. Ф. В. Тарановский выступил с докладом на тему «Славянство как предмет историко-юридического изучения», Д. М. Одинец – «Княжое и земское право Древней Руси». П. Б. Струве – «Правовое положение крестьянства в Киевской Руси». Г. В. Демченко прочитал специальный доклад о методологии права: «Основные течения в науке о праве в связи с вопросом о реальности юридического познания»¹. В выступлении Е. П. Ковалевского был сделан акцент на необходимости учета объективных и субъективных факторов, динамики социальных процессов, влияющих на жизнь русских диаспор. Он подчеркнул: «Первые годы, когда все казалось кратковременным испытанием, думали больше о сохранении старых форм и даже старых программ, о неприкосновенности привычных понятий. Потом наступило разочарование в возможности вернуться домой. А сейчас начинается новый поворот: наши глаза должны устремиться в близкое и возможное возвращение домой»². Работа съезда завершилась торжественным заседанием, посвященным 100-летию Л. Н. Толстого.

На пятом съезде, проведенном в Софии с 14 по 21 сентября 1930 г., в ходе работы 12 секций (общественно-экономическая, юридическая, истории литературы и искусства и филологическая, биологическая, историче-

¹ Кашапов У. А., Мотин С. В., Хафизов Э. Д. Из истории становления и развития социально-правовой мысли в России: учебное пособие. – Уфа, 2005. – С. 163.

² Ковалевский Е. П. Проблема просвещения русского юношества // Труды IV съезда Русских Академических организаций за границей. – Белград, 1929. – Ч. 1. – С. 474.

ская, философская, физико-химическая, математическая, богословская, агрономическая, технологическая и медицинская) было озвучено 140 докладов¹. На заключительном заседании съезда с юбилейной речью, посвященной памяти И. С. Тургенева, выступил профессор С. В. Завадский.

Таким образом, организованные и проведенные форумы свидетельствовали не только о самоотверженности ученых-эмигрантов, но и значительном их научном потенциале, организационной и творческой энергии, насыщенной научной деятельности, осуществлявшейся по самым разным направлениям.

Создание научных организаций русского зарубежья происходило весьма интенсивно. Приоритетными направлениями деятельности научных сообществ являлись: трудоустройство и материальное обеспечение нуждающихся ученых, оказание помощи студентам-эмигрантам в получении образования, создание русских исследовательских и учебных заведений, а также пропаганда достижений дореволюционной русской науки и культуры. Кроме того, функционирование национальных высших учебных заведений способствовало решению проблемы трудоустройства и научных изысканий русских ученых за границей.

Для каждого условно выделяемого этапа деятельности научного сообщества российского послереволюционного зарубежья характерны определенные приоритетные направления. На начальном периоде (1920–1924 гг.) происходил процесс институционализации русской науки за рубежом. Научные сообщества были призваны консолидировать усилия русских ученых, решать их финансовые и материальные проблемы, организовывать деятельность ученых советов и защиту диссертационных исследований эмигрантов. На втором этапе (вторая половина 1920-х гг.) усилиями ученых-эмигрантов весьма интенсивно осуществляется научная, учебная и культурно-просветительская деятельность. Большая часть русских ученых, сопротивляясь процессу ассимиляции, сознательно оставалась вне интеллектуальной и научной жизни стран-реципиентов. На рубеже 1930-х гг. центр научной жизни эмиграции из Праги перемещается в Белград. На третьем этапе (предвоенное десятилетие) постепенно происходит интеграция представителей научной интеллигенции в сферу интересов страны пребывания. К концу 1930-х гг. постепенно прекращают свою деятельность научные и образовательные учреждения и организации. Преимущественно стала проводиться культурно-просветительская работа. В определенном смысле о сохранении национального научного сообщества можно говорить только применительно к США².

Разразившийся экономический кризис, усиление тенденции расширения технических знаний и потребность в специалистах, владеющих языком страны пребывания, постепенная интеграция русских ученых в науч-

---

¹ Оноприенко В. И. Указ. раб. – С. 66–67.

² Волошина В. Ю. Указ. раб. – С. 47–48.

ную среду страны-реципиента, снижение общей численности русскоязычной молодежи, финансовые трудности и иные причины способствовали постепенному «умиранию» науки, высшей и средней школы российского послереволюционного зарубежья. Кроме того, материальное положение большинства российских ученых-эмигрантов неуклонно ухудшалось. Так, профессор П. А. Остроухов в письме к П. А. Сорокину следующим образом охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Положение русской профессуры в Праге становится все тяжелее и тяжелее. А положение семейных людей, к которому принадлежу и я, грозит стать прямо отчаянным; казенные стипендии по несколько раз в год сокращаются, а достать здесь сторонний заработок сейчас, при общем сжатии расходов в учреждениях и безработице среди чехов, в высшей степени трудно»¹. В условиях экономической нестабильности резко увеличилось количество безработных. Особенно в тяжелом положении оказались русские эмигранты. В 1928–1931 гг. их число увеличилось в 6 раз². В конце 20-х гг. в связи с осложнением проблемы трудоустройства 7 600 русских были вынуждены покинуть Чехословакию³.

В первое десятилетие вынужденной эмиграции центрами притяжения научных кадров стали академические группы и научные институты. В 1920 г. академические группы оформились в Париже, Лондоне и Белграде. К концу 1920-х гг. уже насчитывалось 14 академических групп, причем в некоторых из них число членов доходило до ста человек. Процесс становления научных организаций происходил весьма интенсивно. Уже к началу 1921 г. они возникли в Ревеле, Варшаве, Берлине, Риге, Константинополе, Галлполиполе, Брюсселе и Софии. К осени 1921 г. академические группы оформились в Италии, Финляндии, Чехословакии, Швейцарии и Швеции. В силу ряда причин, несмотря на наличие значительных научных кадров, в Австрии, Бельгии, Венгрии, Греции, Дании, Литве, Канаде и Японии эмигрантские научные институты не оформились. Российские академические группы или объединения в странах-реципиентах контролировали исполнение образовательных стандартов. Решения признавались легитимными в некоторых европейских странах: Германии, Франции, Чехословакии, КСХС. Оформление академических групп и создание Союза русских академических организаций за границей составили основу объединения зарубежных научных сообществ, заложили начало в становлении единого научного сообщества и в воспроизводстве научных кадров и их интеграции в мировое сообщество. Академические группы оказывали непосредственную помощь в коммуникации русских ученых и установлении контактов с

¹ Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1992 – С. 13 // Всемирная история и история России URL: <http://www.istmira.com/istnovei/russkie-istoriki-emigranty-v-evrope/page/13/> – (Дата обращения: 27.07.2015).

² Второе поколение. – Прага, 1931. 6 июня.

³ Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы): монография. – М., 1995. – С. 21.

зарубежными научными учреждениями, в участии на международных конгрессах, в издании научных трудов, проведении семинаров и конференций и т. д.

В отделениях академических групп создавались комиссии, призванные осуществлять прием экзаменов у эмигрантов на аттестат зрелости, государственные экзамены, а также рассматривать адъюнктские, магистерские и докторские диссертации. Многие группы становились «хранителями русских традиций в смысле поддержания высокого уровня научного развития у лиц, претендующих на профессорское звание»¹. В лучших до-революционных традициях соискатели обязаны были сдавать экзамены не менее чем по трем предметам. От них требовалось знание классических научных сочинений на языке оригинала, что предполагало овладение иностранными языками, по крайней мере, английским, немецким или французским. Текст диссертации обязательно должен был быть доступным не только для членов правления Союза русских академических организаций и известным специалистам в соответствующей области знаний, но и всем заинтересованным лицам. Сохранялись прежние разряды наук, по которым присваивались ученые степени. Защиту диссертационных исследований изначально предполагалось проводить на съездах русских академических групп. В действительности право присваивать степень получили пражская и парижская академические группы. Общественность информировалась о каждой защите диссертационного исследования. В русских газетах «Последние новости» (Париж), «Дни» (Берлин), «Огни» (Прага) размещались заметки с кратким содержанием научных дебатов. Только за 1924–1928 гг. было защищено восемь магистерских и одна адъюнктская диссертации².

Незначительное количество защищенных диссертационных исследований объясняется рядом причин: сложными условиями для научной деятельности, несоответствием русских и иностранных ученых степеней и званий, определенной дискриминацией русских ученых со стороны научных сообществ стран-реципиентов. В отличие от старшего поколения, молодые ученые стремились интегрироваться в науку страны пребывания³.

Впоследствии, когда российская академическая деятельность приобрела устойчивый характер и большая часть ученых трудоустроилась, академические группы стали осуществлять профессиональные функции. Помимо решения проблемы выживания научных кадров, в центре внимания деятельности эмигрантских научных сообществ оказалась проблема объединения усилий по сохранению традиций русской культуры и созданию единого духовного пространства. В центре внимания академических групп стала эмигрантская молодежь. Так, Русская академическая группа в Пари-

¹ Новиков М. М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. – С. 6.

² Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде. – Белград, 1929. – С. 21–22.

³ Волошина В. Ю. Указ. раб. – С. 37.

же с целью изучения и упрочения славянской культуры создало Общество русских студентов. На собраниях Общества проводились мероприятия научного и культурного характера, отмечались юбилейные даты, устраивались вечера и т. д.

Научным сообществам была присуща самоидентификация. В отличие от иных профессиональных групп, ученых в эмиграции отличало стремление к максимальной самореализации. В преддверии Второй мировой войны в основном русские ученые-эмигранты интегрировались в научную среду страны пребывания. Постепенно отпадала необходимость в национальных научных организациях, а оставшиеся институции превратились в культурно-просветительские объединения.

На учредительном собрании академической группы в Берлине, состоявшемся 3 июня 1920 г. по инициативе профессора А. И. Каминка, присутствовали: А. С. Ященко – профессор Петроградского политехнического университета, специалист в области международного права, В. Б. Ельяшевич – профессор Петроградского политехнического института, один из крупнейших цивилистов русского зарубежья, Л. М. Зайцев – приват-доцент Киевского университета, специализировавшийся на проблемах советского государственного права, бывший министр юстиции, В. Д. Набоков – преподаватель Высших женских курсов, В. Б. Станкевич – приват-доцент Петроградского университета. Для эмигрантской молодежи устраивались различные мероприятия. Так, в 1921 г. для русских студентов прочитали лекции В. Б. Станкевич «Об окраинных государствах», Б. Э. Нольде «О современном положении Франции», Г. Д. Гурвич «Об идее неотъемлемых прав лица», М. Я. Лазерсон «О праве и правизне»¹. Участники академической группы стремились поддержать научную работу среди ученых-эмигрантов. Им удалось издать четыре тома научных трудов, в которых были представлены статьи Г. Д. Гурвича, Г. А. Ландау, Н. С. Тимашева и других философов и правоведов². Кроме того, на заседаниях заслушивались диссертационные исследования. В частности, после дебатов решением академической группы ученые степени магистра были присвоены А. П. Маркову и Г. Д. Гурвичу.

Эстонская русская академическая группа, оформившаяся в декабре 1920 г., включала в себя около 40 ученых, в том числе профессоров Тартуского университета Ю. Д. Филиппова, Р. К. Гутмана, Э. Н. Берендтса, профессоров Ревельских политехнических курсов Н. И. Эрасси и В. С. Мелентьева³. Усилиями участников группы были открыты Нарвские

¹ Съезды Русских академических организаций за границей. – Прага, 1923. – С. 40–43.

² Гурвич Г. Д. Идея неотъемлемых прав в политической доктрине XVII-XVIII веков // Труды русских ученых за границей. сборники Академической группы в Берлине. – Берлин, 1922. – Т. 1; Ландау Г. А. О преодолении зла (к систематике общественных явлений и к теории идеала) // Там же. – 1923. – Т. 2; Тимашев Н. С. Право как коллективно-психологическая реальность // Там же.

³ Русская академическая группа в Эстонии. Очерк деятельности за 10 лет. 1920–1930. – Юрьев, 1931.

курсы по подготовке к аттестату зрелости и Ревельский политехникум. Потребность в университетском образовании в известной степени удовлетворялась наличием Дерптского университета¹.

Рижская академическая группа была создана в июне 1921 г. Её составили профессора – В. Н. Вергун, К. Ф. Шиандер, А. И. Улинский, Н. Н. Фиолетов, М. А. Курчинский, М. Н. Круглевский, Е. В. Тарле, приват-доцент М. Н. Рамнек и преподаватель Высшего педагогического института Т. С. Варшер. Члены группы уделяли пристальное внимание созданному в 1921 г. в Латвии Русскому народному университету.

В созданную в марте 1921 г. в Константинополе академическую группу, насчитывавшую около 50 членов, первоначально входили правоведы Н. Н. Алексеев, С. К. Гогель, М. А. Циммерман и др. Председателем группы был избран профессор В. А. Юревич. В качестве приоритетных направлений деятельности являлись оказание материальной помощи ученым-беженцам и просвещение среди многочисленных русских эмигрантах. Так, были организованы систематические курсы по гуманитарным наукам. С лекциями и докладами выступили профессора Н. Н. Алексеев, С. К. Гогель, М. И. Догель, приват-доцент Н. Е. Подтягин, А. В. Позняков, М. А. Циммерман, преподаватель П. А. Остроухов.

Академическая группа в Болгарии насчитывала 37 членов, которые выступали с лекциями в Славянском Дружестве, Религиозно-философском обществе, национальном центре и перед личным составом Добровольческой армии. Деятельность группы происходила в очень тяжелых политических и общественных условиях и острой нехватки финансовых средств².

Русская академическая группа в Польше образовалась в 1921 г. из числа ученых и общественных деятелей, находившихся в Варшаве. Председателем группы первоначально был избран Д. В. Философов, а затем – профессор В. А. Косинский. Число членов группы постоянно колебалось, так как Польша для большинства эмигрантов была перевалочным пунктом в дальнейшем передвижении в западные страны. Основными направлениями деятельности являлись: оказание помощи проезжавшим через страну ученым-эмигрантам, содействие работе съезда русских студентов, чтение лекций и докладов русским студентам, забота о русской средней школе в Польше.

Академическая группа в Королевстве С.Х.С., созданная осенью 1921 г., насчитывала в своем составе около 40 членов, из которых 20 человек являлись профессорами Белградского и Загребского университетов и Загребского политехнического института.

¹ Съезды Русских академических организаций за границей. – С. 134; Оноприенко В. И. Русская наука в изгнании. – С. 71.

² Съезды Русских академических организаций за границей. – С. 126.

Ведущую роль среди эмигрантских научных сообществ играла Русская академическая группа в Париже, образованная 14 мая 1920 г., во главе с Е. В. Аничковым, которого в 1921 г. сменил П. Н. Гронский¹. Профессор Гронский читал курс истории русского права, профессор Нольде «Институции русского публичного права», профессор Винавер русское гражданское право. При академической группе проходили защиты магистерских и докторских диссертаций. Возглавил ученый совет по защите диссертаций А. Н. Анцыферов. В 1920–30-е гг. ученых степеней были удостоены экономисты: Б. С. Ижболдин², А. В. Соллогуб³, С. М. Стефановский⁴. Успешно прошли испытания профессора юридического факультета в Харбине В. В. Энгельфельд и Г. К. Гинс. Так, профессора Б. Э. Нольде и А. Л. Байков являлись официальными оппонентами профессора юридического факультета в Харбине В. В. Энгельфельда на защите диссертации «Очерки государственного права Китая», состоявшейся 3 ноября 1925 г. На защите М. И. Догель исполнял функции председателя.

На заседании Парижской Русской академической группы 23 апреля 1929 г. под председательством А. Н. Анцыферова состоялась публичная защита диссертации Г. К. Гинса, основные положения которой были изложены в его нескольких монографических исследованиях⁵. Официальными оппонентами выступили В. Б. Эльяшевич и П. П. Гронский. Неофициальным оппонентом стал В. И. Новиков. Обсуждение было весьма строгим, продолжалось три с половиной часа и закончилось единогласным присуждением соискателю ученой степени магистра гражданского права⁶. Парижская газета «Последние новости» опубликовала высказывания оппонентов по поводу защиты диссертации соискателем. Так, В. Б. Эльяшевич отметил «трудные условия, в которых приходится работать русским ученым-эмигрантам, остановился <...> на несовершенстве метода обработки материала, который принят профессором Г. К. Гинсом. <...> П. П. Гронский указал на то, что диссертантом недостаточно оценено влияние публично-правовых принципов, которые в последнее время все ярче и ярче проявляются в новейшем законодательстве по водному праву»⁷. В заметке, опубликованной в парижской газете «Возрождение», содержалась следующая информация: «Первый оппонент, профессор Эльяшевич, упрекнул диспу-

¹ Русские во Франции. – Париж, 1937. – С. 59.

² Диссертация Б. С. Ижболдина «Внешняя торговая политика СССР». (Работа не опубликована) // Последние новости. – 1937. – 12 июля.

³ Рукопись А. В. Соллогуба «Национализация банков в России и ее последствия за границей» в качестве диссертации. (Работа не опубликована) // Последние новости. – 1939. – 4 февраля.

⁴ Диссертация С. М. Стефановского «Рационализация промышленности». (Работа не опубликована) // Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. – Париж, 1973. – С. 159.

⁵ Гинс Г. К. Право на предметы общего пользования. – Ч. I. Основы водного права. – Харбин, 1926; Он же. Право на предметы общего пользования. – Ч. II. Современное водное право. – Харбин, 1928; Он же. Водное право и предметы общего пользования. – Харбин, 1928.

⁶ Россия и славянство. – Париж, 1929. 27 апреля.

⁷ Баранов В. М. Правокультурное восприятие мира Г. К. Гинсом // Гинс Г. К. Право и культура. – М., 2012. – С. 12.

танта в недостаточно тщательной обработке большого и интересного материала, в отсутствии определенного метода и системы и в недостаточной продуманности конструкции. Второй оппонент, профессор Гронский, указал на неиспользование в диссертации интересного материала, относящегося к международному водному праву»¹. После защиты Г. К. Гинс вернулся в Харбин, отклонив предложение возглавить кафедру в одном из русских факультетов Парижского университета.

В целом Русской академической группой в Париже с 1922 по 1939 гг. было представлено к защите 54 диссертации, из них 43 – докторских². В составе академической группы действовал семинар по философии и теории права. На заседаниях заслушивались научные сообщения и доклады. Например, 26 февраля 1930 г. Г. Д. Гурвич выступил с докладом «Социальная философия Х. Краузе», а 2 апреля А. Л. Байков озвучил сообщение «Культура и право».

Почетным председателем Пражской русской академической группы, возникшей осенью 1921 г. и завоевавшей авторитет в области науки и образования, стал инженер по образованию, профессор А. С. Ломшаков, который впоследствии занял должность главного технического консультанта промышленного предприятия «Шкода». В разные годы группу возглавляли П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, Е. В. Спекторский и В. А. Францев. В состав правления входили Д. Д. Гримм, В. И. Исаев, А. П. Фан-дер-Флит, С. В. Завадский, И. Д. Жуков, Г. В. Вернадский, К. Г. Шиндлер. Секретарем был Д. Н. Иванцов, а его помощником – С. Г. Пушкарев. В 1928 г. в группу входили 97 действительных членов и 27 членов-сотрудников. На заседаниях устраивались испытания кандидатам на соискания ученой степени и происходили оживленные научные диспуты³. На основании протоколов Испытательной комиссии о сдаче аспирантами устных экзаменов на соискание степени магистра и прочтении ими пробных лекций в публичном собрании выдавались соответствующие удостоверения. Так, за октябрь 1924 – январь 1927 гг. были выданы удостоверения И. О. Панасу, С. Г. Пушкареву и В. В. Сахеневу об успешном прохождении испытаний на соискание ученой степени магистра и присуждении звания приват-доцента по историко-филологическому факультету. Удостоверения приват-доцента были выданы Г. И. Ширяеву и А. В. Соловьеву, ранее экзаменовавшимся соответственно в Харьковском и Варшавском университетах.

В Праге защитили диссертации следующие соискатели ученой степени магистра: Г. В. Флоровский – «Историческая философия Герцена», Н. И. Никифоров – «Сеньориальный режим во Франции в исходе старого порядка», В. А. Погорелов – «Из наблюдений в области древнеславянской

¹ Возрождение. – Париж, 1929. – 29 апреля.

² Ефременко В. В. Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917–1939 годы: автореф. дис. ... к.и.н. – М., 2008. – С. 27.

³ Русские в Праге 1918–1928 / ред.-изд. С. П. Постников. – Прага, 1928. – С. 38.

переводной литературы», П. А. Остроухов – «Очерки Нижегородской ярмарки в XIX столетии до эпохи Великих Реформ». М. А. Циммерман – «Вмешательство и признание в международном праве»» и т. д. П. Н. Савицкий получил ученую степень магистра политической экономии статистики. Особое внимание русской и европейской общественности привлекли работы И. В. Емельянова и П. А. Остроухова. Кроме социогуманитарных и правовых дисциплин был защищен ряд диссертаций по естествознанию (ботанике, зоологии, химии), например, В. С. Ильиным «Изменение осмотического давления и содержание крахмала в растительной клетке под влиянием увядания и солей».

Несмотря на малочисленность представителей научной интеллигенции в Великобритании, здесь также была создана академическая группа. На инициативном общем собрании, состоявшемся 4 ноября 1920 г., присутствовали Н. А. Бубнов, Д. Д. Гарднер, Н. А. Ганц, Б. В. Геруа, В. И. Исаев, В. Г. Корнечевский, С. П. Тюрин, Ю. А. Павловский, Е. А. Холодовский, Д. В. Яковлев. Академическая группа была образована на учредительном собрании в составе: Бригера, Н. А. Бубнова, Н. А. Ганца, В. Г. Корнечевского, Милюкова, А. М. Ону, Ю. А. Павловского, Е. А. Холодовского, гр. Панина, Скоссаревского. Почетным председателем был избран профессор П. Г. Виноградов, председателем Президиума группы – патолог В. Г. Корнечевский, его заместителем – В. И. Исаев. В работе группы активное участие принимали философы Н. М. Бахтин, Н. М. Зернов и Н. Д. Городецкий, историки М. И. Ростовцев и Н. Е. Андреев, литературный критик Г. П. Струве, византолог Д. Д. Оболенский и др. Первоначально группа насчитывала 19 человек, из которых 9 с полным академическим стажем. Деятельность группы была направлена, прежде всего, на содействие в трудоустройстве российских ученых-эмигрантов в университетах, научных центрах и лабораториях, расположенных на территории Великобритании, и оказание им материальной помощи. Культурно-просветительская работа началась с октября 1921 года. В свое распоряжение группа получила аудиторию Королевского колледжа Лондонского университета. Систематические занятия при народном университете открылись 17 июля 1922 г. Лекционные курсы состояли из трех циклов – общеобразовательного, исторического и «России» и включали 220 часов¹.

Весьма активно в Лондоне действовало Русское экономическое общество, деятельностью которого руководил известный в России и за рубежом инженер-строитель и меценат М. В. Брайкевич².

По инициативе В. В. Зеньковского в Белграде в апреле 1920 г. было создано Общество русских ученых в Королевстве СХС, имевшее филиалы во всех югославских городах, где были крупные диаспоры россиян, объ-

¹ Съезды русских академических организаций за границей. – С. 24, 126–127.

² См.: Записки Русского экономического общества в Лондоне. – Лондон, 1920–1923. – № 1–9.

единившее 80 ученых из России. В состав общества в разные годы входили Е. В. Спекторский, Ф. В. Тарановский и В. В. Зеньковский. Археологическое общество, оформившееся в 1921 г. в Белграде, состоящее из историков, филологов и других специалистов, возглавил филолог и историк-славист, профессор Белградского университета А. Л. Погодин. В деятельности общества активное участие приняли правоведа А. П. Доброклонский, Е. В. Спекторский, Ф. В. Тарановский, С. В. Троицкий, Е. В. Аничков, М. Н. Ясинский, А. В. Соловьев, В. А. Мошин, Г. А. Острогорский¹.

С интеграцией ученых-эмигрантов в вузы и научные учреждения постепенно роль русских академических групп как представителей отечественной науки неуклонно снижается. Тем не менее некоторые из организаций продолжали действовать. В частности, в мае 1941 г. в пражском обществе русских ученых (в прошлом академическая группа) была заслушана публичная защита магистерской диссертации А. Л. Бема «У истоков творчества Достоевского»².

Наиболее долговечным научным сообществом в зарубежье стала Русская академическая группа в США, созданная еще в 1920-е гг. и воссозданная К. Г. Белоусовым в 1953 г. на правах русской секции «Ассоциации американских и иностранных ученых «Association of American and Foreign Scholars, Inc», объединявшая свыше 400 русских ученых³. В разные годы в составе академической группы состояли видные представители эмигрантской научной интеллигенции: Н. П. Автономов, Е. А. Александров, Н. С. Арсеньев, А. Д. Билимович, Г. В. Вернадский, Е. А. Волконская, Г. К. Гинс, Р. Б. Гуль, А. А. Боголепов, С. А. Зеньковский, Г. П. Иваск, В. Н. Жернаков, Н. А. Жернакова, Б. С. Ижболдин, А. Е. Климов, П. Е. Ковалевский, прот. Д. Константинов, В. П. Крейд, Ф. Я. Куломзин, Н. Д. Лобанов, Н. О. Лосский, Е. Л. Магеровский, Н. П. Полторацкий, В. А. Рязановский, П. А. Сорокин, Е. В. Спекторский, Г. П. Струве и др.⁴

В первое десятилетие эмиграции российские ученые, продолжая научные изыскания, разработали методологические основания, во многом

¹ Косик В. И., Тесемников В. А. Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // Педагогика. – 1994. – № 5. – С. 84.

² Волошина В. Ю. Подготовка научно-педагогических кадров в вузах русского зарубежья в 1920–1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». – Томск, 2005. – № 288. – С. 181.

³ Белоусов К. К истории Русской академической группы в США // Записки Русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1972. – № 6; Лосский Н. О. Идеал-реализм против материализма // Там же. – 1967. – № 1; Спекторский Е. В. Свобода и детерминизм // Там же. – 1967. – № 1; Струве П. Б. Англичане, как основатели крупной тканепечатной промышленности в России, и судьбы русской текстильной промышленности // Там же. – 1969. – № 3; Тимашев Н. С. Профессор Спекторский // Там же. – 1970. – № 4; Вернадский Г. В. Очерки по истории науки в России в 1725–1920 гг. // Там же. – 1971. – № 5; Гинс Г. К. Коммунизм и сверхкапитализм в зеркале права // Там же. – 1971. – № 5; Гессен С. Трагедия зла // Там же. – 1981. – № 14.

⁴ Зарубежная Россия: архив Русской Академической группы в США // Русская газета. – Сан-Франциско, 2005. – № 40. URL: <http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/russian-in-usa> – (Дата обращения: 09.06.2011).

определившие последующие направления научного поиска. Российские ученые сформировались в условиях научного плюрализма, характерного для дореволюционной научной мысли. Их отличала широта кругозора, глубина и многогранность подходов к исследовательской деятельности. Профессиональный уровень российских ученых-эмигрантов был настолько высоким, что многие из них, находясь в изгнании, «в своей профессиональной деятельности, – по мнению П. А. Сорокина, – продолжали занимать ведущее место в своей области»¹.

Научно-исследовательская деятельность осуществлялась в русских научных институтах, которые действовали в Праге, Белграде, Париже, Лондоне, Берлине, Риге и Софии. Весьма разнообразной была научная жизнь в Югославии. В Белграде при поддержке короля Александра стал функционировать Русский научный институт, осуществлявший свою деятельность по трем направлениям: исследовательская работа по проблемам русского и южнославянского прошлого, подготовка молодых ученых и публицистика. Первое собрание, на котором рассматривались вопросы организации института, состоялось 23 июня 1928 г. Торжественное открытие института было приурочено к первому заседанию четвертого съезда русских ученых в Белграде 16 сентября 1928 г. В выступлении на открытии института профессор Спекторский подчеркнул: «Когда гонимые на родине английские пуритане уходили в заморские края, они уносили с собой самое ценное для них, именно Библию. Когда Амос Коменский уходил в изгнание из разгромленной Чехии, он уносил с собою наброски своей Пансофии. Когда Наполеон на коне, окруженный блестящею свитою, входил в одни ворота Иены, в другие пешком уходил Гегель, неся под мышкою рукопись «Феноменологии духа». Подобным образом и русские ученые уходили в изгнание с пустыми руками, но полным сердцем. Они уносили с собой не сундуки, наполненные всяким хозяйственным добром, а священное пламя русского духа. И первую их заботой при водворении на чужбине было стремление не угашать этого духа, сохранить пламя и передать его идущему на смену поколению. Так возникли в местах русского рассеяния очаги русского духа и русской культуры»².

Институт состоял из пяти отделений. Философское отделение возглавляли Н. О. Лосский и П. Б. Струве, языка и литературы – С. М. Кульбакин и А. Л. Погодин, общественных и исторических наук – А. П. Доброклонский и Е. В. Аничков, медицинское – А. И. Игнатовский и математических и технических наук – Г. Н. Пио-Ульский и Н. Н. Салтыков. При отделении общественных и исторических наук действовала военная секция, которой руководили В. И. Баскаков и И. С. Свищев.

Научные кадры образовывались из действительных, почетных и членов-сотрудников. Действительными членами являлись лица, занимавшие

¹ Сорокин П. Второе письмо другу // Борьба за Россию. – Прага, 1923. – № 114. – С. 5.

² Даватц В. Русская школа и наука // Часовой. – Париж, 1939. – № 236–237. – С. 21.

прежде кафедры в высших учебных заведениях России или состоящие ordinarily и экстраординарными профессорами университетов в Югославии. С января 1938 г. действительными членами Института могли быть лица, занятые преподаванием в югославских университетах, а также лица, имеющие ученые степени магистра и доктора российских университетов. В качестве почетных членов могли быть лица, оказавшие институту крупные услуги или пользующиеся известностью благодаря своим выдающимся научным трудам.

Научными исследованиями были заняты около 50 членов из числа русских ученых-эмигрантов и югославских специалистов. Руководящими органами являлись совет и правление института. За время функционирования (1928–1941 гг.) институт возглавляли крупнейшие российские ученые: академик Ф. В. Тарановский, профессора Е. В. Спекторский, А. П. Доброклонский и А. И. Игнатовский. Ключевыми направлениями деятельности являлись: изучение истории Югославии, изыскания русских ученых-эмигрантов и научная публицистика. В качестве основной формы реализации научных интересов стали доклады и речи. На отделениях института выступали как местные научные кадры, так и приглашенные из других стран ученые. Так, Ф. В. Тарановский за 1928–1935 гг. на заседаниях института сделал 30 научных докладов по самой широкой тематике: «Б. С. Чичерин как историк русского права», «С. М. Соловьев и история русского права», «Общее значение великих реформ императора Александра II в истории русской государственности» и т. д. Признанием заслуг Ф. В. Тарановского стало избрание его членом Сербской Академии наук¹.

В 1928–1932 гг. институт для участия в работе практиковал привлечение русских ученых из других стран на определенный срок. Среди приглашенных лиц были И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, А. А. Кизеветтер, Е. А. Ляцкий, А. В. Флоровский, проживавшие в Праге; С. И. Метальников, В. В. Зеньковский, Н. Н. Головин – Париже; Д. П. Рябушинский, М. А. Иностранцев – Лондоне; С. Л. Франк, И. А. Ильин – Берлине; Е. Ф. Шмурло – Риме; Н. В. Ипатьев и И. И. Сикорский – США.

На проводимые «круглые столы», научные заседания, курсы, семинары приглашались представители творческой интеллигенции, в числе которых были К. Д. Бальмонт, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, И. Северянин и Е. Н. Чириков и др. Наиболее частым гостем был П. Б. Струве. В контексте развития социологической мысли особой интерес представляла его публикация «Метафизика и социология. Универсализм и сингуляризм в античной философии», в которой было акцентировано внимание на социологическом аспекте развития античной философии: проблеме соотношения между общим (универсальным) и частным (сингу-

¹ Тесемников В. А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945) // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 132.

лярным)¹. В другой статье «Дух и быт (Опыт историко-социологического истолкования западно-европейского средневековья)» обосновывалась идея о том, что в христианстве «религиозный сингуляризм своеобразно и прочно сочетается с религиозным же универсализмом <...> ибо это сочетание означает объединение индивида с другими индивидами в Боге, который есть Любовь». Христианство, по мнению автора, одинаково отвергает и «индивидуалистический эгоизм, т. е. самопревознесение лица, и самоуничижение и даже самоуничтожение лица перед чужой и чуждой коллективной волей т. е. принудительно-властный коллективизм»².

При отделении общественных и исторических наук была образована военная секция. Кроме того, действовали семинарии, где студенты имели возможность углубленно изучать интересующие их проблемы.

Просветительская деятельность включала в себя организацию лекционных курсов, торжественных публичных собраний и выступления с лекциями в народных университетах и русских культурных центрах. Непосредственно в институте были организованы учебные курсы, в которых раскрывалась история государственного и общественного устройства Московской Руси (А. А. Кизеветтер), история взаимоотношений Юго-Западной Руси, Литвы и Польши (И. И. Лаппо), экономическая история России (П. Б. Струве), Киевской Руси (А. В. Флоровский), взаимосвязь географических особенностей русской территории и их влияние на исторический ход событий и жизнь русского народа (Е. Ф. Шмурло). Сотрудники института проводили публичные лекции в Колачевском народном университете, народных университетах Любляны, Морибора, Сараева, Целя, Шабаца и в других местах. В течение десятилетия сотрудниками института были организованы 23 мероприятия научного характера и подготовлены около 670 докладов и сообщений. Наиболее активными участниками института были П. Б. Струве, представивший 102 сообщения, А. Л. Погодин – 37 и Ф. В. Тарановский – 30³. В институте существовала практика проведения закрытых общих собраний в форме бесед с приезжавшими в Белград учеными и писателями. Так, в марте и апреле 1931 г. в Институте состоялись беседы с прибывшим из Праги историком и философом И. И. Лапшиным. Первоначально институту были предоставлены помещения в здании сербской Академии наук. С 1933 г. и вплоть до прекращения деятельности в связи немецкой оккупацией Сербии институт размещался в здании Русского дома им. Николая Второго. Институт имел свое собственное научное издание «Записки Русского научного института в Белграде», в котором

¹ Струве П. Б. Метафизика и социология. Универсализм и сингуляризм в античной философии // Записки Русского научного института в Белграде. – Белград, 1935. – Вып. 11.

² Струве П. Б. Дух и быт (Опыт историко-социологического истолкования западноевропейского средневековья) // Записки Русского научного института в Белграде. – Белград, 1938. – Вып. 15. – С. 173–174.

³ Спекторский Е. В. Десятилетие Русского научного института в Белграде 1928–1938 // Там же. – 1939. – Вып. 14. – С. 22.

были опубликованы научные работы по социально-правовым вопросам. В частности, правовому обоснованию и международному регулированию статуса русских эмигрантов была посвящена статья Л. Я. Тауберга «Лига Наций и юридический статус русских беженцев» (1933 г.).

Высокий уровень научных исследований демонстрировали выпуски «Экономического кабинета», организованного С. Н. Прокоповичем в Берлине в 1922 г.¹ Сотрудниками кабинета являлись: А. П. Марков, В. А. Розенберг, С. Г. Шерман, С. С. Кон, А. А. Чупров, Н. С. Тимашев. По финансовым соображениям, из-за недостатка денежных средств, «Экономический кабинет» в 1924 г. переехал в Прагу, где материальная поддержка Чехословацкого правительства обеспечивала спокойную работу. «В Кабинете изучалась огромная литература, доставлявшаяся прямо из России; она подвергалась тщательному анализу, для отсеивания действительно ценных, т. е. показательных фактов, а затем обработке небольшим, но тесно сплоченным штатом специалистов по отдельным отраслям экономики и соприкасающихся отделов общественной жизни, в частности права», – отмечал Н. С. Тимашев². Экономическим кабинетом было проведено несколько заседаний с обсуждением докладов, регулярно публиковались «Экономические бюллетени». С. Н. Прокопович непосредственно руководил научной деятельностью Кабинета: организовывал семинары, собеседования, проводил экономические совещания, занимался изданием результатов исследований. С целью популяризации результатов исследований среди русских эмигрантов устраивались публичные лекции, организовывались специализированные курсы по теории и практике статистико-экономических исследований.

До конца 1925 г. одним из самых оживленных очагов научной мысли в Праге был семинар профессора П. Б. Струве, посвященный разработке экономических и правовых вопросов. После отъезда Струве в Париж действенным научным объединением русских обществоведов стало общество правоведения и обществоведения при Русской учебной коллегии (председатели – Д. Д. Grimm, В. А. Косинский, Н. С. Тимашев, секретарь – А. В. Маклецов). В силу ряда причин оно собиралось сравнительно редко.

В первой половине 1920-х гг. весьма насыщенной была научная жизнь эмиграции в Берлине. Так, 19 декабря 1922 г. на заседании Русского научно-философского общества выступил С. И. Гессен с сообщением на тему: «Теория диалектики в применении к педагогике и праву». В зале Лицеум-Клуба 8 января 1923 г. состоялся публичный доклад профессора И. А. Ильина «Основная проблема современной философии» с последую-

¹ Экономический кабинет издал: «Экономический вестник» (Берлин; выпуск 1–3), «Русский экономический сборник» (Прага; книги 1–12), «Бюллетень» (Прага; номера 1–134), «Quarterly Bulletins of Soviet Russian Economics» (Geneva; номера 1–10).

² Тимашев Н. С. Предисловие // Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. – Нью-Йорк, 1952. – Т. 1. – С. 8–9.

щими прениями, в которых приняли участие Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Ф. А. Степун и В. И. Сеземан¹.

В Югославии функционировали самые различные научные объединения российской эмиграции: «Русская публичная библиотека», «Русское археологическое общество», «Институт российской истории», «Донская историческая комиссия», «Русский военный научный институт в Белграде», «Институт им. Н. П. Кондакова», «Кружок по изучению России» и «Курсы научного изучения России». Так, в Обществе русских ученых входили известные историки-слависты, историки общественной мысли, права и русской православной церкви: А. Л. Погодин, Е. В. Спекторский, Ф. В. Тарановский, Е. В. Аничков, М. Н. Ясинский, Г. А. Острогорский и др. Несмотря на то, что формально русские высшие учебные заведения в Белграде не были зафиксированы, в периодической печати упоминаются Высшие научные курсы современной полицейской техники, действовавшие в первой половине 1920–30-х гг., а также филиал Высших военно-научных курсов генерала Н. Н. Головина (1931–1944). Весьма высокую активность в Югославии проявляли русские профессиональные объединения. Только во второй половине 1920-х гг. действовали около 15 профессиональных объединений: «Союз русских инженеров» (460 членов), «Русско-сербское общество врачей» (120 членов), «Союз русских педагогов» (285 членов), «Общество русских агрономов, лесников и ветеринаров» (195 членов), «Общество русских землемеров» (240 членов), «Русское археологическое общество» (50 членов), «Союз русских юристов» (300 членов) и т. д.²

В Болгарии успешно функционировали Русское религиозно-философское общество, смешанное Русско-болгарское социологическое общество и т. д.

Таким образом, русские ученые в изгнании в первое десятилетие эмиграции смогли не только сохранить традиции отечественной научной культуры, расширить круг исследовательских проблем, обосновать междисциплинарные науки, но и акцентировать внимание на политико-правовых и социологических аспектах правовой и социальной действительности, недоступных для исследователей в Советской России. Активная деятельность русского ученого сообщества за границей в 1920-е гг. позволила создать центры академической науки и высшего образования, в определенной степени воссоздать коммуникативные связи.

Русские ученые в зарубежье являлись неизменными участниками многочисленных мероприятий научного характера. Например, в работе VIII Международного философского конгресса (Прага, 1934) были пред-

¹ Русская литературная и научная жизнь за рубежом // Новая русская книга. – Берлин, 1923. – № 1. – С. 37.

² Миленкович Т. Общество русских ученых в Югославии. 1920–1940 // Русская эмиграция в Югославии: сб. ст. – М., 1996. – С. 139, 142.

ставлены мыслители русской эмиграции. В докладах Н. О. Лосского «Христианское мирозерцание как всесторонний синтез», С. И. Гессена «Цельность как основной принцип педагогики» и С. Л. Франка «Духовно-жизненное значение отрицательного богословия» развивалась в разных аспектах идея достижения истины. Проблеме теодеции было посвящено выступление молодого философа Г. Каткова. Принимая во внимание тот факт, что вплоть до конца 1920-х гг. советские ученые не принимали участия в работе международных форумах, тогда как представительство ученых-эмигрантов можно рассматривать в качестве определенной характеристики состояния отечественной науки.

Благодаря деятельности Русских научных институтов ученые эмигранты получили возможность продолжить свои научные изыскания, знакомить не только эмигрантское научное сообщество, но и зарубежных коллег с результатами своих исследований. Именно русские ученые смогли восполнить нехватку профессорско-преподавательских кадров в университетах Болгарии и Югославии. Научное сообщество послереволюционного русского зарубежья характеризовалось наличием определенной организационной структуры, единым интеллектуальным пространством, высоким научным потенциалом, общей направленностью социогуманитарных и правовых исследований. Усилиями русских правоведов отдельные институты традиционного русского права получили отображение в ряде уголовных законодательств восточноевропейских государств. В некотором смысле русская наука в зарубежье представляла собой самостоятельный социокультурный феномен. Следует отметить, что в отличие от юристов, специализировавшихся в области национального права, большая востребованность была в правоведах-теоретиках. В преддверии Второй мировой войны российская тематика в исследованиях ученых-эмигрантов постепенно отходит на второй план. С неизбежной интеграцией научных кадров в научную и образовательную среду страны пребывания доминирующее место стали занимать научные проблемы, значимые для науки страны-пребывания. Тем не менее при любой возможности в своих научных изысканиях россияне стремились пропагандировать достижения отечественной науки, стремясь словом и примером отстаивать интересы России.

2.2. Культурно-просветительская деятельность русских ученых-эмигрантов

Центрами культурно-просветительской деятельности россиян-ученых в послереволюционном зарубежье стали народные университеты, созданные в Париже, Праге, Берлине, Белграде, Софии, Варшаве, Галлинне, Риге, Чикаго, Харбине и других крупных центрах русских диаспор. Наряду с высшей школой социогуманитарное и юридическое образование эмигрантская молодежь получала в русских просветительских структурах. Народные университеты в эмиграции деятельно содействовали пропаганде и изучению русской культуры, созданию единого культурного пространства.

Русскую молодежь следует рассматривать в качестве составной части послереволюционного зарубежья. Образовательная подготовка и предоставление широкого спектра специальностей среднего профессионального образования достаточно успешно осуществлялось в народных университетах, представлявших собой просветительские организации, создававшиеся в местах массового сосредоточения эмигрантов по дореволюционным образцам. Низшая ступень обучения охватывала программы начальной школы и призвана была решить проблему ликвидации неграмотности среди взрослой части эмигрантов. Средняя ступень, предусматривающая довузовскую образовательную подготовку, предполагала предоставление широкого спектра специальностей среднего профессионального образования. Слушатели осваивали общеобразовательные дисциплины и прикладные знания. На третьей ступени обучаемые проходили систематические курсы и усваивали основы научной работы.

В Париже по инициативе членов академической группы 23 мая 1921 г. был открыт Русский народный университет, в котором к проведению занятий были привлечены ведущие российские ученые-эмигранты. Лекционные циклы состояли из 12 двухчасовых занятий, проводимых два раза в неделю в вечернее время в помещении Сорбонского университета. В 1921–1922 учебном году были организованы 60 лекций, которые посетили 1912 человек. Так, П. Н. Милюков прочитал лекцию «Пути международной политики в России», Б. С. Миркин-Гецевич «Священный Союз и Россия», Б. Е. Шацкий «Россия и Америка». Б. Э. Нольде «О современном положении Франции», Г. Д. Гурвич «Об идее неотъемлемых прав лица», М. Я. Лазерсон «О праве и правизне»¹.

В университете, кроме основных научных дисциплин, читались лекции по общеобразовательным дисциплинам. Помимо этого, организовывались курсы по техническим специальностям: электротехнике, радиотехнике, автомобильному делу и т. д. Подобная профессиональная подготовка

---

¹ Съезды Русских академических организаций за границей. – С. 43.

позволяла студентам-эмигрантам получить наиболее востребованные для того периода времени специальности и устроиться на работу. С этой же целью при университете для девушек организовывались курсы кройки и шитья, вышивки, чертежа, стенографии и т. д. Всего за 1921–1931 гг. окончили курсы университета более 4 тыс. человек.

Усилиями членов культурно-просветительской комиссии Русской академической группы в Великобритании в созданном народном университете с 17 июля 1922 г. были организованы лекции, включавшие изучение истории России, литературы, истории российского хозяйства и самоуправления. Занятия проходили в аудитории Королевского колледжа¹. Лекторский корпус включал историка А. М. Ону, экономистов М. В. Брайкевича и Ю. А. Павловского, филолога И. В. Шкловский-Дионео и др. Впоследствии культурно-просветительская деятельность народного университета расширилась включением в учебный процесс общеобразовательных дисциплин.

Самым крупным научно-просветительским учреждением послереволюционного зарубежья стал основанный 16 октября 1923 г. пражский Русский народный университет, который представлял собой юридическое лицо, объединившее около 300 человек. Первоначально открытие данного учебного заведения предусматривало только оказание помощи русским студентам, проходившим обучение в чехословацких вузах, для получения полноценного высшего образования. Образовательная деятельность началась с проведения публичных лекций и курсов иностранных языков.

Учебный процесс осуществлялся по трем уровням. На низшем уровне, в соответствии с программой российской начальной школы, происходила ликвидация неграмотности среди взрослой части русских казаков и крестьян, проживавших в Праге и ее окрестностях. Бесплатные школы грамоты действовали в Ужгороде и Кошицах. Второй уровень предполагал получение среднего образования. На курсах иностранных языков, счетоводства, торговой корреспонденции, стенографии, землеройных, дорожно-строительных, медицинских и иных русская молодежь получала соответствующие специальности, востребованные на рынке труда. Организуемые циклы лекций по различным отраслям знаний составили переходную форму между уровнями знаний. Несмотря на платный характер обучения, материально необеспеченные слушатели могли быть освобождены от оплаты.

Основоположниками университета стали видные ученые: А. А. Кизеветтер, П. И. Новгородцев и Н. М. Новиков. Ректором был избран профессор, зоолог М. М. Новиков, который возглавлял учебное заведение до 1939 г. Первый совет университета был образован в следующем составе: М. М. Новиков – председатель совета и правления, Е. А. Ляцкий – заместитель председателя, М. А. Циммерман – секретарь совета и правле-

---

¹ Съезды Русских академических организаций за границей. – С. 126–127.

ния, А. Д. Климушкин – управляющий делами и заведующий отделением специальных курсов, А. А. Кизеветтер – заведующий историко-философским отделением, Ю. И. Поливка – заведующий отделением по изучению Чехословакии, Н. С. Тимашев – заведующий отделением общественных наук, С. А. Острогорский – заведующий культурно-просветительным отделом «Земгора», В. Я. Гуревич – заведующий Русским заграничным историческим архивом, и П. Б. Струве, В. И. Исаев, З. Бажант, В. Г. Архангельский, Ф. Е. Махин, М. Л. Слоним, А. В. Стоилов, Ф. С. Мансветов – видные деятели русского послереволюционного зарубежья. Управление университетом осуществлялось кураторием совместно с советом преподавателей и общим собранием слушателей. Кураторий возглавлял профессор З. Бажант, его заместителем стал профессор С. В. Завадский. Интересы Чехословакии представляли ботаник и общественный деятель профессор Б. Немец, славист профессор Ю. Поливка, руководитель Беженского департамента МИД доктор З. Завазал, дипломат П. Макса и другие, российских эмигрантов – профессор Е. В. Спекторский, профессор А. А. Кизеветтер, профессор Н. С. Тимашев и другие.

Университет состоял из пяти отделений: 1) общественных наук (заведующий – Н. С. Тимашев; 2) историко-философское (заведующий – А. А. Кизеветтер), 3) естественных и прикладных наук (заведующий – Н. М. Могиланский), 4) по изучению ЧСР (заведующий – Ю. И. Поливка), 5) курсов русского и иностранных языков (заведующий – Е. А. Ляцкий)¹. В целях оптимизации учебного процесса в конце 1924 г. было принято решение об объединении отделений прикладных знаний и естественных наук, а специальных курсов с начальной школой. Отделение общественных наук первоначально включало четыре отдела. Первый являлся подготовительной ступенью, на котором давались вводные начала в изучении общественных наук. Второй отдел «Современная Россия» специализировался на широком спектре политических, социально-экономических и культурных проблем, характерных для СССР. Профессорско-преподавательским составом были подготовлены следующие учебные курсы: «Правовой строй России» (Н. С. Тимашев и А. С. Маклецов), «Экономика России» (Н. О. Прокопович), «Финансы Советской России» (А. А. Вилков), «Международное положение Советской России» (М. А. Циммерман), «Сельское хозяйство и земельная реформа в Советской России» (К. Р. Кочаровский), «Гражданское право в Советской России» (С. В. Завадский), «Школа в Советской России» (С. И. Гессен), «Церковь в Советской России» (С. Н. Булгаков). Третий «Местное самоуправление» и четвертый «Сельскохозяйственная экономика России» отделы призваны были осуществлять теоретическую подготовку для общественной деятельности в указанных областях. Отделение общественных наук имело целью «сообщение сведе-

¹ Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923–1938). – Прага, 1938. – С. 3.

ний, необходимых для практической деятельности». На отделении преподавались следующие учебные курсы: «Учение об обществе» (В. Я. Гуревич и П. А. Сорокин), «Учение о праве и государстве» (Н. И. Алексеев), «История учений об обществе и государстве в XVIII–XIX столетиях» (П. И. Новгородцев).

При отделениях университета действовали семинары по изучению современной России (руководитель В. Н. Тухалевский), по изучению современной международной жизни и права (руководитель М. А. Циммерман), по изучению творчества Ф. М. Достоевского (руководитель А. Л. Бем), по изучению литературного наследия Л. Н. Толстого (руководитель Е. А. Ляцкий).

Весьма успешно работали научные кружки по изучению современных общественных проблем (руководитель К. Ф. Кочаровский), ревнителей русского слова (руководитель С. В. Завадский, по психологии творчества (руководитель И. И. Лапшин). На занятиях слушатели под руководством преподавателей готовили доклады, участвовали в их обсуждении. Девизом отделения, просуществовавшего до 1931 г., стали слова «Систематическое изучение современной России может дать русскому эмигранту правильное понимание происходящего на Родине»¹. К основным предметам, изучавшимся на 3-м курсе, относились административное право, церковное право, уголовное право и гражданское право. Курс административного права читал А. А. Боголепов, бывший приват-доцент Петроградского университета. Лекционные занятия по церковному праву проводил профессор, протоиерей С. Н. Булгаков, бывший профессор Московского университета и Московского коммерческого института, позднее – Таврического университета, доктор политической экономии и статистики. Курс по уголовному праву читали профессор А. В. Маклецов, бывший приват-доцент Харьковского университета, профессор Ново-Александровского института сельского хозяйства (г. Харьков), магистрант уголовного права², профессор Н. С. Тимашев, бывший приват-доцент Петроградского университета и профессор Петроградского политехнического института. Они совместно подготовили учебный курс «Правовой строй России». Лекции по гражданскому праву читал бывший сенатор Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената и профессор Петербургского Императорского Александровского лицея С. В. Завадский, человек, по мнению Е. В. Спекторского, «с широким художественным образованием и тонким вкусом, любитель греческой трагедии и испанской литерату-

¹ Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М., 2000; Евсеева Е. Н. Русский народный университет в Праге (1923–1933) // Новый исторический Вестник. – 2001. – № 1. – С. 4 URL: http://www.nivestnik.ru/2001_1/24.shtml. – (Дата обращения: 01.06.2011).

² С 1926 г. работал в Любляне в качестве ординарного профессора университета Короля Александра I. Совместно с профессором М. П. Чубинским и Л. Л. Зверевым с конца 1920-х гг. в Югославии состоял в редколлегии журнала «Русская мысль».

ры. Хороший представитель судебного красноречия, приемы которого он применял к литературным сюжетам»¹.

Кроме традиционных учебных дисциплин, в образовательный процесс включались отдельные курсы лекций по праву и социологии. На занятиях акцентировалось внимание не только на актуальных проблемах, характерных для советской действительности: правовые основы общественного устройства, экономика и финансы, международное положение, развитие сельского хозяйства, семейное и гражданское право и т. д., но и современной Чехословакии².

Наряду с учебно-просветительской деятельностью в университете активно проводились научные исследования, действовали научно-исследовательские объединения, научные общества, кружки и семинарии. Обучаемые лица активно вовлекались в научно-исследовательскую работу. В семинарии они теоретически изучали новые явления в общественной жизни, а на занятиях в кружках анализировали происходящие конкретные социально-экономические процессы³. Слушатели естественного отделения университета пользовались лабораторной базой Карлова университета. Деятельность университета в начальный период функционирования была весьма интенсивной. Так, в 1923–1924 учебном году было прочитано только 190 академических лекций с охватом более 8 тыс. человек. В целом суммарная нагрузка составила 3078 учебных часов при 880 постоянном контингенте слушателей⁴.

Преподаватели университета выезжали с публичными лекциями не только в города Чехословакии (Братислава, Брно, Кладно, Будеевицы, Вшеноры, Градец-Кралов, Моравская Острава, Мукачево, Ужгород), но и в столицы европейских и восточно-европейских государств (Берлин, Белград, София). При активном участии профессорско-преподавательского состава проводились литературные вечера, посвященные русским писателям и выдающимся людям, торжественные собрания по случаю знаменательных событий в истории России. При университете был создан Русский заграничный музей, в библиотеке которого насчитывалось 3 тыс. томов изданий русских-эмигрантов.

Сокращение числа слушателей привело к переориентации университета на научно-исследовательскую работу. В 1933 г. в связи с основанием при университете Русского научно-исследовательского объединения и переходе от культурно-просветительской к научной деятельности он был переименован в Русский свободный университет, деятельность которого

¹ Спекторский Е. В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. Ф. 01–30.230. Л. 608 (Вонаи, Vladimir). Е. х. II. – См.: Вестник архивиста.ru URL: <http://www.vestarchive.ru> – (Дата обращения: 10.10.2014).

² Русский народный университет в Праге (отчет о деятельности за 1926–27 гг.). – Прага, 1927. – С. 4.

³ Сорокин П. А. Долгий путь: автобиографический роман. – Сыктывкар, 1991. – С. 71.

⁴ Серапионова Е. П. Указ. раб. – С. 87.

продолжалась и в годы Второй мировой войны. В 1943 г. университет был переименован в Русскую ученую академию.

В составе Русского народного университета действовало философское общество, созданное в конце 1924 г. как отделение берлинского «Общества русской философии», впоследствии ставшее самостоятельной организацией. В 1925–26 гг. в состав правления общества входили Н. О. Лосский, С. И. Гессен, в 1926–27 гг. И. И. Лапшин, Г. В. Флоровский, в 1927–28 гг. – И. И. Лапшин, С. И. Гессен. Несменяемым секретарем общества был Д. И. Чижевский. К 1928 г. общество состояло из 29 человек, из которых 17 проживали в Чехословакии и 12 вне ее пределов. Направлениями деятельности являлись: «научное общение работающих над философскими вопросами ученых разных специальностей; <...> участие в заседаниях общества и прениях по докладам не только философов, но и представителей конкретных наук, не только русских, но и <...> ученых иных славянских национальностей...»¹ В целях популяризации философских знаний, способствующих формированию целостного восприятия действительности, заседания проходили открыто с приглашением всех желающих. Философы и обществоведы провели свыше 50 заседаний, на которых заслушались около 60 докладов. Многие из выступлений были опубликованы в разных русских и иностранных журналах. Обществу удалось привлечь к своей работе и представителей других отраслей знаний, выступавших на собраниях общества и принимавших оживленное участие в прениях. Доклады читали следующие члены общества: профессор Н. Н. Алексеев², профессор Е. Л. Буницкий, профессор С. И. Гессен, профессор Г. Д. Гурвич, профессор В. В. Зеньковский, профессор С. О. Карцевский, Г. М. Катков, профессор И. И. Лапшин, профессор Н. О. Лосский, доктор Н. Е. Осипов, А. Павлов, профессор Е. В. Спекторский, профессор Г. В. Флоровский и доценты М. А. Циммерман, Д. И. Чижевский и П. Н. Савицкий.

Весьма успешно образовательную деятельность осуществляли народные университеты в Болгарии и в Белграде: Русский народный университет в Софии, открытый 3 апреля 1927 г. по инициативе профессора А. В. Арцишевского, члена Русской академической группы. Университет возглавил профессор П. М. Бицилли. Преподавательский состав был образован из числа профессоров-эмигрантов: правоведов И. А. Базанова и П. М. Богаевского, экономиста С. С. Демосфенова, физика К. И. Иванова. Для проведения лекционных занятий приглашались ученые из Праги и других образовательных центров российской эмиграции. Обучение в данном общеобразовательном высшем учебном заведении не давало эмигрантской молодежи никаких формальных прав, но позволяло овладеть новыми знаниями и повысить культурный и образовательный уровень. Уни-

¹ Русские в Праге 1918–1928. – С. 62.

² Алексеев Н. Н. – руководитель снабжения русской армии в Иране.

верситет пользовался большой популярностью. Например, лекции профессора Бицилли, никогда не повторявшиеся, посещали студенты других факультетов, которые устраивали ему овации, хотя это не было принято¹. В среднем до 200 человек одновременно посещали учебные занятия. Лекционные занятия охватывали различную проблематику, в большей степени связанную с дореволюционной и современной Россией. Помимо учебных занятий, в учебном заведении организовывались различные дискуссии, проводились театральные представления и концерты. Однако университет просуществовал недолго. Последние сведения о его деятельности относятся к августу 1931 г.²

В Белграде русский народный университет начал функционировать в 1922 г. Усилиями беженцев организовывались лекции и технические, исторические и юридические курсы. Посещение лекций было бесплатным. Они проводились три раза в неделю. Их посещали в среднем около 50 слушателей. Довольно востребованными были курсы, на которые приходили до полусотни учащихся. Помимо лекций и курсов организовывались многочисленные концерты классической музыки. Русские народные университеты создавались в провинциальных центрах. Так, с 1923 по 1928 гг. в Русском народном университете г. Скопье было прочитано около ста лекций по различным специальностям³.

Довольно успешно в первой половине 1920-х гг. осуществлял просветительскую деятельность народный университет в Берлине. Так, в декабре 1922 г. перед слушателями народного университета выступили с лекциями П. П. Гронский на тему «Английская демократия и последние выборы в Англии» и Д. А. Одинец – «Исходный момент русско-украинских отношений (присоединение Украины к Московскому государству».

В прибалтийских государствах также действовали Русские народные университеты, открытые в Нарве в 1921 г., в Тарту в 1927 г. и Таллинне в 1928 г.

В целом, несмотря на некоторую условность провозглашения русских народных университетов как высших учебных заведений, в них не осуществлялся учебный процесс по полному курсу факультета, а организовывались определенные курсы или циклы лекций для слушателей различного уровня образования. Тем не менее они не только стали центрами культурно-просветительской работы среди русской молодежи, но в определенной степени способствовали профессиональной самореализации уче-

¹ Любенова Л. Моите разговори // Доайенът. Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски. – София, 2004. – С. 523, 526.

² Бирман М. Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении) // Новый журнал. – Нью-Йорк, 2000. – Кн. 218. – С. 173; Горяинов А.Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии (20-30-е годы) // Славянский альманах. – 1997. – М., 1998. – С. 192–193.

³ Лилић Б. Делатност народног универзитета предратне јужне Србије у Скопљу // Вардарски зборник. Београд, 2005. – № 4. – С. 123.

ных в эмиграции. Несомненно, позитивными сторонами организации просветительской, образовательной и научной деятельности в российском послереволюционном зарубежье являлись: отход от излишнего администрирования и академизма, отсутствие социальных, возрастных, национальных и религиозных ограничений, гуманизм и свобода преподавания, тесная связь с общественной практикой, введение авторских учебных программ и спецкурсов, ориентация на подготовку высокообразованного человека, патриота своей страны. Следует подчеркнуть, что подвижническая деятельность российской зарубежной интеллигенции по сохранению и приумножению культурных и научных традиций, в определенной степени образовательная и научная изоляция имели негативный аспект.

Российской творческой молодежи было весьма сложно интегрироваться в профессиональную деятельность в стране пребывания. Так, философ Н. О. Лосский, преподававший на русском юридическом факультете в Праге, отмечал: «Предполагалось, что большевистская власть продержится недолго и эмигранты вернутся в Россию, которая будет чрезвычайно нуждаться в юридически образованных людях. Расчет этот оказался ошибочным. Молодые люди, прошедшие курс нашего юридического факультета, в большинстве случаев не могли найти работы по своей специальности ни в Чехословакии, ни вообще в Европе»¹. Тем не менее русские народные университеты русского послереволюционного зарубежья, развивая культурно-просветительскую деятельность, в многом деятельно содействовали социокультурному единству русских в эмиграции.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что в первое десятилетие вынужденной эмиграции россиянам усилиями научных сообществ российского послереволюционного зарубежья, которые стали своеобразными центрами научной и культурно-просветительской деятельности, удалось воссоздать культурную жизнь дореволюционной России, духовное и культурное пространство, объединявшее российское послереволюционное зарубежье. Несмотря на усиливавшийся процесс «денационализации» русской науки, постепенную интеграцию ученых-эмигрантов в сферу научных интересов страны-реципиента, сохранявшаяся практика научных публикаций на русском языке свидетельствовала о стремлении сохранить в сфере науки культурную и языковую идентичность.

Без особого преувеличения можно утверждать, что традиции отечественной юридической науки на протяжении почти двух десятилетий сохранялись в российском послереволюционном зарубежье. Следует подчеркнуть, что в своем развитии дореволюционная наука была сопоставима с западноевропейским уровнем. Особенно востребованными являлись специалисты в области естественных знаний и технических дисциплин. Многие из них смогли успешно реализовать себя. Однако гипертрофированное

---

¹ Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. – Мюнхен, 1968. – С. 223.

восприятие России как отсталой страны в социально-экономическом и политическом развитии в западном сознании экстраполировалось и в сферу научной культуры. Особенно сложно было представителям социально-гуманитарных дисциплин. Различие академических традиций, иные научные традиции, навыки научного изложения, стилевые и стилистические особенности, естественная конкуренция и особенно бюрократические требования создавали сложности интеграции ученых-эмигрантов в западную науку. Не случайно многие русские правоведы изменили направления научных исследований, акцентировав внимание на междисциплинарные направления, смогли заполнить незанятую нишу. Они успешно перекалибрировались в социологов, политологов, советологов и т. д. Ярким примером являются Г. Д. Гурвич, Н. С. Тимашев, Ф. А. Степун, М. М. Лазерсон, Г. К. Гинс, Е. В. Спекторский и другие русские ученые. Потенциал россиян-эмигрантов, интегрировавшихся в инациональное сообщество, стал ценнейшим научным вкладом, внесенным в страну пребывания. Так, усилиями россиян-эмигрантов в Харбине сформировалась самостоятельная юридическая школа, основной состав которой составили преподаватели Юридического факультета. При их самом непосредственном участии начало развиваться китайское гражданское право. Остается только присоединиться к мнению М. А. Ковальчук, согласно которому их творческое наследие требует отдельного исследования¹.

В целом русское послереволюционное зарубежье как устойчивое национальное сообщество, хотя и на короткое время, воссоздало и развивало не только отечественную научную мысль, но и копии высших образовательных учреждений дореволюционной России. Во многих странах действовали самые различные научные сообщества (Русское археологическое общество в Белграде, Русское историческое общество в Праге, Русское экономическое общество в Лондоне, Общество изучения Маньчжурского края в Харбине и т. д.). В эмиграции россияне смогли создать своеобразное интеллектуальное социокультурное пространство, в котором действовали национальные научные сообщества. Большая часть ученых-эмигрантов активно включились в интеллектуальную и научную жизнь стран-реципиентов. Вне национальных границ русская наука успешно справилась со своей пропагандистско-просветительной миссией. Духовное наследие и практический опыт ученых-эмигрантов востребованы и поныне.

---

¹ Ковальчук М. А. Ответ пессимисту // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1. – С. 209.

ГЛАВА III. ВЫСШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РУССКОМ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Сохранению и приумножению дореволюционных научных традиций и школ способствовали образовательные учреждения и общественные организации, создаваемые нашими соотечественниками за рубежом. Несмотря на сложные условия, пусть на короткое время, осуществлялось профессиональное образование российской молодежи. Деятельность русских образовательных учреждений была ориентирована на подготовку квалифицированных специалистов для постбольшевистской России. Тем не менее обучение в вузах способствовало социально-профессиональной адаптации студенческой молодежи к условиям проживания в эмиграции.

Абитуриентскую массу образовывали выпускники средних учебных заведений эмиграции. В 1922 г. в эмиграции насчитывалось более 16 тыс. представителей молодого поколения, имевших среднее образование. Из них 14 тыс. лиц прошли обучение в России, а 2 тыс. смогли получить среднее образование за границей¹. Общее число детей русских эмигрантов школьного возраста, по подсчетам В. В. Руднева, достигало 45–50 тыс. Конечно, не все они обучались в русских школах. В европейских странах к 1924 г., согласно данным «Земгора», действовали 43 средних и 47 низших школ, в которых обучались 8835 детей². Следует указать на следующую особенность функционирования национальных школ в зарубежье. В частности, участники Белого движения, не завершившие обучение в средних учебных заведениях дореволюционной России, оказавшись в эмиграции, в возрасте 20–25 лет сели за школьные парты. Таковыми в Болгарии являлись 45,5 % из числа обучающихся средних учебных заведений³.

Обучение в высших учебных заведениях осуществлялось под научным и педагогическим контролем русских академических групп на основе Университетского Устава России 1884 г. В образовательном процессе широко использовался не только российский педагогический опыт, но и учитывались реалии современного развития науки и высшего образования, национальные особенности, специфика и потребности страны пребывания. Весьма успешно действовали попечительские советы, советы профессоров, ученые советы, учебные коллегии, педагогические советы, старостаты и иные демократические формы управления образовательным процессом.

---

¹ Вестник Русского национального комитета. – Париж, 1923. – № 7. – С. 31; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): учебное пособие. – М., 1994. – С. 94.

² Гессен С. И. [Рец.] Руднев В. Зарубежная русская школа, 1920–1924 гг. – Париж, 1924 // Современные записки. – Париж, 1924. – Кн. XXII. – С. 470.

³ Бем А. Л. Школа и дети в эмиграции // Свободная Россия. – Прага, 1924. – № 3.

3.1. Русское студенчество в эмиграции

Своеобразную социально-профессиональную группу русского послереволюционного зарубежья составило эмигрантское студенчество. «Русской эмигрантской молодежи выпала несчастная доля, и не по ее вине. Судьба ее трагична. Быть оторванным от родины – великое несчастье. Оторванность эта калечит человеческую душу, лишает ее нормального источника питания ... Эмигрантская молодежь обречена жить в состоянии внешнего разрыва, небывалого по своей остроте и по своим размерам», – отмечал Н. А. Бердяев¹.

В 1922 г., по данным ОРЭСО, за границей насчитывалось более 12 тыс. студентов вузов и выпускников средних учебных заведений России. Принимая во внимание молодежь, получившую среднее образование за границей, абитуриентская масса составляла около 16 тыс. человек². К. В. Бирюкова в своем исследовании оперирует еще большей цифрой, около 21 тыс. лиц³. В количественном и территориальном отношении они распределились, примерно, следующим образом: Чехословакия – 3000, Сербия – 1500, Германия – 1200, Болгария – 1200, Польша – 700, Турция – 400-500, Франция – 400, Греция – 300, Тунис – 250, Бельгия – 200, Латвия – 200, Египет – 100, Англия – 50 человек и т. д. До революции большинство русской эмигрантской молодежи (около 80 %) составляло студенчество младших курсов высших учебных заведений, а меньшая – имела законченное среднее образование. Представители русского армейского состава также составили значительную часть студенчества национальных высших учебных заведений.

Русское студенчество в эмиграции отличалось высоким образовательным уровнем. Так, из 3469 опрошенных пражских студентов 77 % знали чешский язык, 72 % – французский, 64 % – немецкий, более 16 % – английский, а 35 % владели тремя иностранными языками⁴. В чешские вузы русские студенты-техники принимались без проблем. Для значительной части русских студентов, получавших стипендию и иные формы материальной поддержки, пользовавшихся льготами, проживавших в общежитии, обучение в высшем учебном заведении нередко представляло собой основной источник существования. На начало 1924 г. в различных высших учебных заведениях за границей обучалось 8500 студентов. Это 45 процентов всех студентов, находившихся в то время за границей. Значительная часть студентов (7,5 тыс.) получали стипендии – во Франции – 450, в

¹ Бердяев Н. А. Иллюзии и реальность в психологии эмигрантской молодежи // Путь. – Париж, 1928. – № 14. – С. 4–5.

² Вестник Русского национального комитета. – Париж, 1923. – № 7. – С. 31.

³ Бирюкова К. В. Социальная адаптация российских студентов-эмигрантов в Центральной и Восточной Европе в 1920–1940 гг. – СПб., 2012. – С. 52.

⁴ ГА РФ. Ф. Р – 5823. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 6.

Бельгии – 210, в Италии – 10 и т. д.¹ Так, во Франции к 1 апреля 1924 г. из около 1,5 тыс. русских студентов примерно третья часть (550 чел.) обучалась в высших учебных заведениях. Из них 441 студент получал стипендии: 192 – правительственные и 249 – частные. Размер стипендий колебался от 100 до 300 фр. в месяц². Тем не менее следует подчеркнуть, что в громадном большинстве эмигрантская молодежь находилась в бедственном положении. «В Болгарии, например, – отмечалось в прессе, – большинство студентов может существовать только благодаря тому, что летом удается кое-что «подзаработать» на постройках, на ремонте дороге и т. д. Некоторые студенты во время этих работ живут в валяющихся поблизости канал канализацион. [канализационных] трубах большого диаметра. Неудобно, жестко, холодно в такой «квартире», но нет расходов на помещение»³. Не имея средств к существованию, не обладая профессией, бывшие студенты тяжелым физическим трудом были вынуждены обеспечивать свое существование. «Достаточно сказать, что работая десять и более часов в сутки в каменоломнях, грузчиками на пристанях, они зарабатывают лишь на пищу и, не имея постоянной комнаты, угла, ночуют под открытым небом. Некоторые не выдерживают такого изнурительного труда и безвременно погибают, некоторые под бременем невзгод кончают жизнь самоубийством. Гибнет русская молодежь, молодые русские культурные силы», – указывалось в обращении Объединения русских эмигрантских студенческих организаций Российскому дипломатическому представителю в Греции⁴. Бытовая неустроенность русского студенчества, тяжелое материальное положение, недостаток финансовых средств, болезни, психологический стресс, вызванный ужасами войны, и иные причины негативно влияли на качество обучения. «Молодежь не хочет пропустить того, что дает жизнь. Это стремление приводит к утилитаризму <...> Лишение родины вызывает в психике какой-то провал <...> В результате у наших детей некоторая незаконченность, бесформенность, раздвоенность души. Чужая культура воспринимается как нечто чужое, а своей культурно-бытовой стихии нет», – отмечал В. В. Зеньковский⁵.

Во всех крупных центрах диаспор россиян создавались высшие учебные заведения. Действовали многочисленные комитеты, общественные организации, фонды, привлекались средства, выделяемые правительствами стран-реципиентов, благодаря которым оказывалась материальная помощь представителям студенческой молодежи и финансирование высшего образования. В частности, на организацию обучения русским студен-

¹ ГАРФ. Ф. Р – 5837. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 419.

² ГАРФ. Ф. Р – 5837. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 402, 404.

³ Жизнь студенчества // Вестник Русского студенческого христианского движения. – Париж, 1932. – № 1. – С. 24.

⁴ О положении студентов в эмиграции // ХРОНОС URL: http://www.hrono.ru/dokum/192_19220629emigr. – (Дата обращения: – 27.03.2015).

⁵ Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х гг.: сб. документов. – М., 1995. – С. 57.

там правительствами разных стран, общественными и частными организациями, а также частными лицами было израсходовано 170 млн франков. Приоритет в государственной поддержке русского студенчества принадлежал Чехословакии и Югославии. Затем по объему затраченных финансовых средств выделялись Франция, Бельгия, Болгария, Германия, Польша и Италия¹.

Высокую активность в оказании помощи в получении русской молодежи высшего образования проявила общественность. Так, в 1921 г. по инициативе М. М. Федорова, бывшего министра торговли и промышленности в правительстве С. В. Витте, был создан Центральный комитет по организации системы высшего образования для эмигрантской молодежи (Федоровский комитет), действовавший до 1936 г. Следует отметить, что Федоров вложил значительные собственные средства². Отделения Комитета функционировали в ряде европейских стран. Во Франции Федоровский комитет обратился к мэрам и префектам университетских городов Франции с просьбой к муниципалитетам и генеральным советам соответствующих департаментов откликнуться на нужды русских студентов. В ответ на обращение профессорские круги Франции сформировали «Организационную комиссию по обучению русских во Франции при Институте славистики», которая в первую очередь содействовала изданию научных и методических трудов русской профессуры в помощь студентам на занятиях. Правительство Франции внесло в смету 1923 г. выделение 800 тыс. фр. на стипендии русским студентам и 475 тыс. фр. на оплату работы русских профессоров и учительского персонала в высших и средних учебных заведениях Франции. Распределение средств возложили на особый французский комитет, возглавляемый ректором Сорбонны Аппелем и членом французской Академии профессором Жантилем. Членами комитета состояли русские профессора и преподаватели, члены Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, известные французские ученые и политические деятели. Города Безансон, Лиан, Нант, Пуатье, Нанси, Руан, Страсбург и др. ассигновали кредиты на стипендии русским студентам или предоставили им общежития в своих лицеях. При посредничестве французского Комитета в Париже было устроено общежитие для русских студентов в бараках ведомства Министерства внутренних дел. Однако оно оказалось совершенно не приспособленным для жилья и Федоровский Комитет подыскал другое здание, отремонтировав его за свой счет. В нем проживало 50 студентов, которые за 275 фр. в месяц пользовались столом, стиркой белья, починкой обуви, отоплением и освещением, получая ежемесячно также 34 фр. на карманные расходы.

---

¹ Русские студенты за границей // Русский альманах. : справочник. – Париж, 1930. – С. 146; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. – С. 94.

² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. – С. 110–111.

Библиотека обеспечивала студентов, проживавших в общежитии, учебными пособиями.

В Бельгии Центральный Комитет возглавил известный государственный и промышленный деятель Бельгии г-н Франки и крупный финансист г-н Катъе. Кроме них в состав Комитета вошли представитель кардинала Мерсье, ректоры и директора всех высших учебных заведений Бельгии, бургомистры большинства университетских городов. Русскую сторону представляли профессор Д. В. Яковлев, профессор Н. Н. Салтыков и В. С. Нарышкина. По почину Бельгийского комитета в университетских городах страны открылись местные отделения помощи российским студентам. Осенью 1923 г. было собрано 200 тыс. фр. Кроме того, бельгийские промышленники способствовали выделению правительственного ассигнования в помощь русским студентам в сумме 200 тыс. фр. Материальные возможности позволили принять в бельгийские вузы по рекомендациям Центрального Комитета 80 стипендиатов. Впоследствии количество стипендиатов увеличилось до 200 человек, которым выплачивалось ежемесячно 300 фр. Кроме этой суммы каждому студенту полагались 500 фр. на покупку книг, учебных пособий и на экстренные расходы. При содействии супруги председателя Бельгийского комитета г-жи Катъе в Брюсселе открылось общежитие на 12 мест. Российские студенты проживали в нем до получения работы или стипендии.

Летом 1923 г. Федоровский Комитет подготовил петицию о помощи русскому студенчеству со стороны американского правительства и основных благотворительных организаций США, работавших в сфере высшего образования. Документы правительству Соединенных Штатов передал председатель Русских академических организаций в зарубежье профессор А. С. Ломшаков, совершавший деловую поездку в эту страну. В ответ «Бостонская группа» во главе с профессором Виттемором пожертвовала 1,5 млн франков в год на стипендии русским студентам. До 600 стипендий учредили в Западной Европе, из них 112 во Франции и 21 в Бельгии¹. Особенностью деятельности Федоровского Комитета являлась ориентация на получение русской молодежью преимущественно технического образования.

В США уже в 1920 г. начал действовать созданный по инициативе бывшего российского посла Б. А. Бахметьева Русский студенческий фонд, призванный оказывать помощь в завершении или получении высшего образования русским студентам и молодым американцам, русские родители которых оказались в США.

Довольно эффективно действовали самодеятельные студенческие организации («Русский студенческий союз», «Союз студентов-эмигрантов» и т. д.), оформившиеся в 22 странах мира. Уже в ноябре 1919

---

¹ ГАРФ. Ф. 5837. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 416, 417, 421.

г. был образован Союз русских студентов в Чехословакии. В конце 1920 г. организовались подобные сообщества в Германии, Франции, США. В начале 1921 г. возникли студенческие союзы в Польше, Латвии и Балканских странах. Так, с 1922 г. в Королевстве СХС действовал Совет по делам студентов в высших учебных заведениях (руководитель – лингвист А. Белич). К 1922 г. студенческие организации действовали во всех странах рассеяния. Наиболее крупной и влиятельной структурой стало Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), созданное в 1921 г. на I съезде в Праге, включавшее 17 студенческих организаций, в совокупности представлявших интересы около 5 тыс. студентов. Уже на втором съезде в ноябре 1922 г. было более 30 организаций, представлявших интересы около 9 тыс. членов. В состав ОРЭСО в разные годы входили 54 организации, объединявших 12 тыс. русских студентов. Первые три съезда ОРЭСО состоялись в 1921, 1922 и 1924 гг. в Праге, а последний, IV съезд состоялся в 1924 г. в Париже. В 1929 г. оформилась единая Федерация студенческих организаций.

Студенческие организации проводили весьма обширную культурно-просветительскую работу среди молодежи по сохранению российских культурных традиций, созданию условий для возобновления и продолжения профессионального обучения, привлечению средств для оказания финансовой и материальной помощи нуждающимся. «У нас есть одна цель общая и, вероятно, единственная: это наша Родина. Все мы живем и учимся для России. Мы ни на минуту не сомневаемся, что мы нужны России, что придет день, когда мы сможем быть ей полезны. Все мы любим наше Отечество, хотя мало его знаем. Многие покинули Россию детьми, и у нас сохранились лишь воспоминания детства. Мы чувствуем себя русскими и, прежде всего, русскими, стараемся сохранить родные традиции, те, по крайней мере, которые остались в нашей памяти»¹. В целом разнообразная культурная и просветительская работа студенческих организаций способствовала сохранению отечественных научных и культурных традиций, созданию условий для получения высшего образования в европейских вузах и эмигрантских учебных структурах.

Особенностью организации высших образовательных учреждений российской эмиграции было превалирование юридического профиля. Профессия юриста в дореволюционной России была весьма востребованной. Качество подготовки специалистов осуществлялось на высоком уровне. Выпускники юридических факультетов обладали широким кругозором и высоким уровнем культуры. Не случайно в российском зарубежье при сохранении надежды на скорое возвращение на Родину эмигрантская молодежь отдавала предпочтение юридической специальности. Кроме того, в эмиграции в количественном отношении преобладали также предста-

---

¹ Русские студентки в Бельгии // Вестник Русского студенческого христианского движения. – Париж, 1932. – № 3. – С. 24.

вители юридических профессий. Следует подчеркнуть, что стремление к самореализации русской молодежи была очень высокой. Даже без серьезной поддержки эмигрантских сообществ ее определенной части удалось сделать профессиональную карьеру. Примером тому являются биографии О. Я. Лисицына, Т. А. Таракузо, З. С. Меньшиковой (Sofia Mentschikoff) (1915–1984), первой женщины-преподавателя школы права Гарвардского университета и президента Американской ассоциации юристов-ученых.

Образовательная деятельность эмигрантской молодежи происходила в 30-и русских высших учебных заведениях, в которых, по разным оценкам, обучались свыше 10 тыс. студентов¹. Организацией и подготовкой высококвалифицированных кадров были заняты бывшие ректора Санкт-Петербургского (Э. Д. Гримм и Л. П. Карсавин), Московского (М. М. Новиков и А. А. Мануйлов), Киевского (Е. Б. Спекторский), Новороссийского (А. Д. Билимович и А. Д. Доброклонский), Харьковского (А. П. Пшеборский), Казанского (А. А. Овчинников), Пермского (Н. П. Оттокар) университетов, директора институтов: Коммерческого (П. Н. Новгородцев), Рижского политехнического (П. И. Вальден), Томского политехнического (Е. Л. Зубашев), Петроградского политехнического (Д. П. Рузский), Петроградского им. Лесгафта (С. А. Острогорский и С. И. Метальников), Санкт-Петербургского лесного (А. П. Фан-Дер-Флит), Новороссийского сельскохозяйственного (Д. П. Кишенский), деканы, ведущие кафедрами ведущих вузов России. В русском зарубежье оказались ученые и преподаватели практически всех вузов России, но наиболее полно были представлены Санкт-Петербургский, Московский, Харьковский, Новороссийский, Томский и Владивостокский университеты. Около 140 профессоров и свыше тысячи вузовских преподавателей и научных специалистов разного профиля составили потенциал высшей школы. Все они обладали уникальным организаторским и педагогическим опытом и стремились сохранить лучшие традиции педагогической науки. Деятельность высших образовательных учреждений в Праге, Париже, Харбине и других городах способствовала не только сохранению российской правовой и социально-гуманитарной мысли, но и развитию теоретических социологических и правовых конструкций. Впоследствии ведущие научные и образовательные центры Европы и США стали привлекать к сотрудничеству российских ученых и деятелей культуры. Например, эмигрировав из Европы, экономист и правовед Б. С. Ижболдин, прославившийся впоследствии своими трудами в области истории и экономики, в частности, как автор так называемой теории «исторического синтеза», в США преподавал на экономическом отделении Сент-Луиского университета, а Д. Н. Вергун стал профессором Хьюстонского университета.

---

¹ Ганин В. В. Профессура и студенчество русского юридического факультета в Праге // Юридическое образование и наука. – 2005. – № 3. – С. 37.

Весьма острой проблемой российской высшей школы являлось последующее трудоустройство выпускников. В 1925 г. из числа первых русских студентов, получивших высшее образование, единицы смогли найти работу по специальности. В последующие годы подавляющая часть молодежи (около 80 %), обладавшая высоким уровнем социогуманитарной и правовой подготовкой, не смогла трудоустроиться на квалифицированную работу. Помимо всего прочего постепенно происходило ужесточение законодательства в отношении эмигрантов по защите собственного рынка рабочей силы. Так, в первоначально благосклонной к русским беженцам ЧСР парламент страны уже 13 марта 1928 г. одобрил закон об охране национального рынка труда, согласно которому ограничивался прием на работу русских, в том числе и бывших студентов, прибывших в Чехословакию после 1 мая 1923 г.

По причине отсутствия гражданства русским эмигрантам были недоступны административная, судебная, адвокатская, медицинская, военная и иные виды профессиональной деятельности. Только с заключением 28 октября 1933 г. Конвенции о юридическом статусе русских и армянских беженцев у эмигрантов появились правовые основания в отстаивании собственных интересов. Согласно Конвенции законы стран-реципиентов, направленные на защиту рынка труда, не должны были ограничивать права эмигрантов, проживающих не менее двух лет в стране; женатых на подданных данной страны; имеющих детей-подданных страны; бывших участников Первой мировой войны. По вопросам получения образования россияне получили равные права с местным населением страны-реципиента. В условиях конкуренции с местными кадрами, экономического кризиса студентам-выпускникам было очень сложно найти работу по специальности. Сложность ситуации с их трудоустройством иллюстрирует в своем обращении от 6 сентября 1927 г. И. П. Нестеров, сотрудник отдела Земгора по трудоустройству беженцев, писал: «Особенно тяжело положение людей, закончивших здесь ВУЗ. Не имея возможности выехать куда-либо, люди берутся теперь за всякие дела, и часто занятие, ранее бывшее любительским, теперь является источником заработка»¹. Значительная часть российского студенчества была вынуждена заниматься неквалифицированным трудом.

Общественность российской эмиграции стремилась облегчить бедственное положение молодежи. С этой целью открывались различные профессиональные курсы, профессиональные объединения, оказывалась помощь в выезде из страны во Францию и ее колонии и т. д. С целью защиты правовых, трудовых и культурно-национальных интересов русских студентов-выпускников высших учебных заведений в сентябре 1930 г. в

---

¹ ГА РФ. Ф. 5764. – Оп. I. – Д. 122. – Л. 58.

Париже была образована федерация ОРОВУЗ (Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения).

Финансирование русских высших учебных заведений осуществлялось за счет субсидий иностранных правительств, привлеченных средств эмигрантских общественных организаций (Земгора, Союза городов, Союза русских академических организаций, Объединения русских эмигрантских студенческих организаций, профессиональных и творческих союзов), различных благотворительных объединений (Общество всепомоществования учащимся высших учебных заведений, Союз христианской молодежи). В наиболее благоприятном положении оказались русские образовательные учреждения, которым было разрешено пользоваться аудиториями и библиотеками учебных заведений стран-реципиентов. Только за семь лет русской эмиграции на развитие образования молодежи было направлено 170 млн франков¹.

Таким образом, в ряде государств благодаря государственной поддержке стран-реципиентов, усилиям эмигрантов и деятельности общественных организаций было создано единое русское образовательное пространство. Первоначально высшая школа в эмиграции рассматривалась как кузница кадров для постбольшевистской России. Если в первые годы вынужденного изгнания молодежь отдавала предпочтение юридической, историко-филологической или педагогической специализации, то во второй половине 1920-х гг., с утратой надежд на возвращение в Россию, стала ориентироваться на получение естественно-научной, технической или экономической специальности, более востребованной в стране пребывания.

3.2. Высшие учебные заведения русской эмиграции в Европе

В период 1920–1930-х гг. во Франции действовали 22 российских учебных заведения, из которых следует выделить Высшую школу социальных, политических и юридических наук, реорганизованную во Франко-русский институт (1925–1937), Русский православный богословский институт, Русский народный (свободный) университет, Русскую политехническую школу, преобразованную в Русский высший технический институт, Русские отделения при Парижском университете (1921–1941), Русский коммерческий институт в Биянкуре, Политехнический институт, Высшие военно-инженерные курсы Е. Ю. Бема, Высшие военно-научные курсы генерала Н. Н. Головина (1927–1939), Русскую консерваторию им. С. Рахманинова (1924–1960). В Тунисе, во французской колонии в Бизерте до 1925 г. действовал Севастопольский военно-морской корпус. В школах них обучение осуществлялось преимущественно по филологическому, юридическому, социально-политическому, экономическому, военному, ре-

---

¹ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. – С. 94.

лигиозному, инженерно-техническому, искусствоведческому, музыкальному, педагогическому и народному направлениям¹.

В 1921 г. при Парижском университете (Сорбонне) были созданы так называемые русские отделения (факультеты): юридическое, историко-филологическое и физико-математическое. Их преподавательский состав формировался французским министерством образования из числа российской эмигрантской профессуры, в том числе преподававшей непосредственно в Сорбонне. К преподавательской деятельности было привлечено более 40 русских профессоров. Так, на юридическом факультете занятия проводили А. Л. Байков, П. А. Михайлов, В. Н. Сперанский (государственное право); Б. Э. Нольде и П. Тагер (советское право); П. П. Гронский, Б. С. Миркин-Гецевич и К. И. Зайцев (конституционное право и история русского права); Б. Э. Нольде, А. А. Пиленко, В. М. Вишняк и Б. И. Шацкий (международное право); А. Н. Анциферов и М. А. Бунятин (политическая экономика и статистика); Д. М. Одинец (история государственных учреждений); В. Д. Кузьмин-Караваев (уголовное право); Г. Д. Гурвич (социология и философия права); В. Б. Ельяшевич (гражданское право). Русские отделения действовали согласно требованиям и традициям Сорбонны. Преподавание учебных дисциплин происходило на французском и русском языках. Физико-математическое отделение возглавил А. И. Бердников, юридическое – А. М. Михельсон, а историко-филологическое – Н. К. Кульман. По политическим воззрениям профессорско-преподавательский состав был весьма разношерстным. Например, А. Л. Байков являлся монархистом-легитимистом, Д. М. Одинец – народным социалистом, А. А. Пиленко – сотрудником консервативного «Нового Времени», Н. Н. Алексеев – сторонником евразийства, П. П. Гронский, А. М. Кулишер и А. М. Михельсон оставались кадетами и т. д. Русские отделения Сорбонны продемонстрировали свою живучесть и просуществовали до 1941 г.

В Парижской высшей практической школе работали Г. Д. Гурвич, А. Койре, Н. О. Щупак и т. д. Более 40 известных русских профессоров были привлечены для чтения лекций на русских отделениях и для французских студентов. С этой целью правительство Франции выделило значительную сумму (700 тыс. франков) на оплату труда русских профессоров и лекторов, преподававших дополнительные национальные учебные дисциплины.

Одним из наиболее авторитетных эмигрантских учебных заведений во Франции стал Франко-русский институт – Высшая школа социальных, политических и юридических наук, открытый в 1925 г. и ориентированный на подготовку специалистов по программам французских юридических

---

¹ Бегидов А. М. Военное образование в зарубежной России. 1920–1945. – М., 2001. – С. 111–127; Ефременко В. В. Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917–1939 годы: автореф. дис. ... к.и.н. – М., 2008. – С. 26.

факультетов. Управление этим вузом осуществлялось совместно французскими и русскими учеными: председателем правления института стал социолог и экономист Гастон Жэз, председателем совета профессоров – П. Н. Милюков. Французскую сторону правления представляли ректор Парижского университета П. Лапи, профессора Л. Эйземанн, А. Олар, Э. Фурнель и др. Из числа россиян в учебном процессе были задействованы М. В. Вишняк, П. П. Гронский, Г. Д. Гурвич, И. П. Ефремов, С. О. Загорский, А. П. Марков, Н. С. Тимашев, Л. С. Таль и др. Только за один семестр были организованы 130 лекционных занятия. В частности, были прочитаны следующие лекционные курсы: А. Л. Байковым «Энциклопедия права», М. И. Догелем «Частное международное право в связи с русским гражданским правом», Н. Ефремовым «Посредничество и арбитраж в международном праве», Г. Д. Гурвичем «Общее учение о государстве», Б. С. Миркиным-Гецевичем «История международно-правовых отношений России в XIX и XX столетии», Д. М. Одинец «История русского права», А. А. Пиленко «Советское международное право». В институте в год открытия проходили обучение 153 русских студента. В 1928 г. было открыто юридическое отделение. В 1930 г. учебное заведение получило национальную лицензию и, соответственно, дипломы были приравнены к дипломам французских юридических факультетов, что позволяло выпускникам работать во французских фирмах. Франко-русский институт просуществовал до осени 1937 г.

Дипломы ряда русских высших учебных заведений, в том числе Франко-русского института – Высшей школы социальных, политических и юридических наук, Русского коммерческого института, Русского высшего технического института, признавались официальными органами и приравнивались к документу об окончании французского вуза, что значительно облегчало выпускникам процесс трудоустройства.

При непосредственной поддержке французского и югославского правительств в 1920 г. был открыт Политехнический институт с тремя отделениями – русским, польским и югославским. Русская политехническая школа УМСА, созданная в 1921 г., преобразованная в Русский высший технический институт, просуществовала до начала 1962 г. С 1927 по 1939 гг. действовали Высшие военно-научные курсы генерала Н. Н. Головина. Эмигрантская высшая школа во Франции развивалась в основном по заочной форме обучения. Например, заочные отделения весьма успешно функционировали в Политехническом и Русском высшем техническом институтах. В частности, заочное отделение последнего окончили 2370 человек, в то время как на дневном отделении учились всего 95 студентов¹.

В Германии большая часть русских студентов обучались в местных университетах. Тем не менее русские эмигранты смогли организовать ряд

---

¹ Курамина Н. В. Высшая школа в зарубежной России. 1920–1930-е гг. – М., 2003. – С. 25–28.

высших учебных заведений. В Берлине с 17 февраля 1923 г. начал действовать Русский научный институт, созданный при содействии исследователя восточной Европы, историка Отто Хётча, уполномоченного Лиги Наций по вопросам беженцев Морица Шлезингера, непосредственной поддержке Немецкого общества по изучению Восточной Европы, Министерства иностранных дел Веймарской Германии и Министерства земли Пруссии, а также российских благотворительных организаций. При открытии института первым выступил председатель организационного комитета профессор В. И. Ясинский, определивший в качестве основного направления деятельности «русской духовной и материальной культуры распространение о ней знаний среди русских и иностранцев, а также содействие русской молодежи в деле получения высшего образования в Германии». Для достижения этой цели предусматривалось организовать систематические учебные курсы для российских студентов для пополнения знаний о России в избранной ими специальности, научные доклады для русских и иностранцев по различным вопросам русской духовной и материальной культуры, а также предоставление русским ученым возможности продолжить научные исследования и опубликование их результатов¹.

Ректором института стал В. И. Ясинский, проректором – С. Л. Франк, ученым секретарем – С. И. Гессен. На первом заседании ученого совета, состоявшемся 19 февраля 1923 г. под председательством В. И. Ясинского, присутствовали профессора: Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, М. Б. Бернацкий, Б. Д. Бруцкус, Б. П. Вышеславцев, С. И. Гессен, С. Г. Гогель, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтер, П. П. Муратов, В. А. Мякотин, М. М. Новиков, С. Н. Прокопович, К. Н. Соколов, В. В. Стратонов, П. Б. Струве, М. А. Таубе, Н. С. Тимашев, А. А. Чупров, В. И. Ясинский, А. А. Эйхенвальд и доценты: А. А. Боголепов, Н. И. Гинзбург, А. М. Кулишер, А. П. Марков, Л. М. Пумпянский, И. Н. Савицкий, В. Э. Сеземан и И. А. Стратонов и др.² Деканом юридического факультета (правового отделения института) в 1923–24 гг. был профессор И. А. Ильин. Цели правового отделения были сформулированы следующим образом: «Посвятить все силы исследованию проблем права и государства в свете того нового опыта, который принесли и раскрыли последние годы»³.

Отраслевые курсы проводились А. А. Кизеветтером «Русская история VII–XIX вв.», И. А. Ильиным «Учение о правосознании», И. А. Стратоновым «История русского права, церковь и государство в России», С. Л. Франком «Введение в философию», Н. А. Бердяевым «История русской мысли и основы социальной философии», Ю. И. Айхенвальдом

¹ Русская литературная и научная жизнь за рубежом // Новая русская книга. – Берлин, 1923. – № 1. – С. 36.

² Там же. – № 2. – С. 39.

³ Кашапов У. А. Указ. раб. – С. 171.

«История русской литературы», П. Б. Струве «История хозяйственного быта России», А. И. Каминка «Русское торговое право». Темами семинаров были избраны: Н. С. Тимашевым – изучение советского строя, А. М. Кулишером – анализ советского законодательства, В. А. Мякотиним – русская история, Л. П. Карсавиным – Россия и Запад, Б. П. Вышеславцевым – история русского искусства, П. П. Муратовым – история древнего русского искусства, С. Л. Франком – новая русская философия, В. Э. Сеземаном – философия, И. А. Ильиным – философия религии, С. И. Гессеном – русская педагогика, К. Н. Соколовым – русское государственное право, М. А. Таубе – международное положение России, С. К. Гогелем – русские судебные уставы и т. д. Свободными остались кафедры русского гражданского права, русского уголовного права, статистики населения России, русского крестьянского хозяйства, кооперации в России¹. Открытие института стало возможным во многом благодаря материальной поддержке, оказанной американской компанией «Джойн Дистрибьюшен Комити», выделившей институту 10 тыс. долларов на первый год функционирования. Кроме того, институт ежегодно финансировался Внешнеполитическим ведомством Германии. Так, если в 1926–1927 учебном году было выделено 60 тыс. немецких марок, то в 1927–1928 – только 45 тыс. немецких марок. Русские профессора получали жалование в размере 175–225 немецких марок.

Первоначально институт состоял из отделений (факультетов): духовной культуры, правового, экономического и сельскохозяйственного. В 1925 г. было открыто историко-филологическое отделение. Функционирование института было сопряжено с значительными финансовыми проблемами. Например, уже в начале 1924 г. Н. А. Бердяев в письме к Л. И. Шестову отмечал: «Положение Научного института почти безнадежное, и я сомневаюсь, чтобы до осени он мог продолжать свое существование»². Образовательная деятельность осуществлялась по программам российской высшей школы. В год открытия в институте числилось 580 слушателей. Однако, несмотря на все трудности, институт действовал на протяжении около 10 лет. Следует отметить, что диплом Русского научного института в Берлине не имел официального признания.

В столице Германии функционировала Русская религиозно-философская академия, которая стала преемницей российской Вольной академии духовной культуры и религиозных философских обществ, существовавших в 1921–1922 гг. в Москве и Петрограде. В 1922 г. на начало учебного семестра были заявлены следующие курсы: Н. А. Бердяев – «Философия религии»; И. А. Ильин – «Миросозерцание и характер» и «Философия искусства»; Ю. И. Айхенвальд – «Философские мотивы русской ли-

¹ Русская научная и литературная жизнь за рубежом // Новая русская книга. – Берлин, 1923. – № 2. – С. 39.

² Баранова-Шестова Н. Николай Бердяев и Лев Шестов. Переписка и воспоминания // Континент. – Мюнхен, 1981. – С. 302.

тературы XIX века»; Ф. А. Степун «Сущность романтизма»; С. Л. Франк. «Основы философии» и «История греческой философии». Профессор Б. П. Вышеславцев читал курс истории новой философии. Ежемесячно в академии устраивались публичные доклады с последующими прениями. Впоследствии академия переехала в Париж. В Германии высшее образование смогли получить более 3 тыс. русских студентов.

Характерной чертой русского послереволюционного зарубежья в европейских странах в силу наличия многочисленных национальных высших учебных заведений, меньшей заинтересованности русской студенческой молодежи в социально-гуманитарном и правовом образовании и ориентированности на естественные и технические дисциплины, недостаточности источников финансирования и т. д. стало незначительное количество специальных юридических учебных заведений. Поэтому развитие социолого-правовой мысли и юридического образования происходило преимущественно в просветительской сфере, публицистике и журналистике.

В целом русскоязычные высшие учебные заведения в западной Европе, несмотря на их недолговременный характер функционирования, тем не менее внесли определенный вклад в дело развития русского высшего образования в эмиграции.

3.3. Профессиональная подготовка русского студенчества в странах юго-восточной Европы

В юго-восточной Европе наиболее благоприятные условия для развития русской социолого-правовой мысли и высшего образования были в Чехословакии. Русские научные кадры были весьма востребованы. В межвоенный период в Праге, согласно данным Л. П. Лаптевой, работали около 300 русских ученых¹. В Карловом университете преподавали Е. А. Ляцкий, Н. П. Кондаков, Л. В. Копецкий, А. Л. Бем, на философском факультете – В. А. Францев, А. А. Кизеветтер, Н. Л. Окунев, на юридическом факультете – Е. В. Спекторский. В университете им. Т. Масарика в Брно работали Н. Н. Дурново, Р. О. Якобсон, на философском факультете Масарикова университета в Брно – С. Г. Виленский, на философском факультете университета Коменского в Братиславе – В. А. Погорелов, в пражском политехникуме – А. С. Ломшаков. В русских высших учебных заведениях преподавали свыше 70 профессоров. Ни в одном государстве не было столь масштабной программы поддержки русской эмиграции. В отличие от Парижа и Берлина в Праге сложились многочисленные научные, образовательные и культурные учреждения и организации, которые действовали во многом благодаря финансовой и материальной поддержке правительства. С 1921 г. по инициативе президента республики

¹ Лаптева Л. П. Русская академическая эмиграция в Чехословакии в 20–30-х годах XX века // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. – М., 1996. – С. 147.

Т. Масарика действовала государственная программа поддержки «Русская акция», в рамках которой до 1937 г. были выделены свыше 508 млрд крон или пять процентов среднегодового бюджета республики¹. Русские профессора и преподаватели обеспечивались жильем и регулярным жалованием. Установленные индивидуальные стипендии русским ученым зависели от прежнего места работы, занимаемой должности, состава семьи и т. д. Базовая ставка первой группы ученых, образованной из штатных профессоров российских высших учебных заведений, известных в научной сфере, обладавших преподавательским опытом, составляла 2 100 крон в месяц. Вторая группа, составленная из числа экстраординарных профессоров и приват-доцентов, финансировалась в размере 1 500 крон в месяц. Молодые ученые и лица, готовящиеся к получению ученой степени, были отнесены к третьей группе. На их содержание выделялись 1 100 крон в месяц². Тем не менее, материальное положение эмигрантов было нестабильным. Студенческая молодежь получала стипендию (от 480 до 600 крон, при 600 крон прожиточного минимума в Праге), белье, книги и учебные пособия. В 1930-е гг. средства, выделяемые правительством, значительно сократились. Финансовая помощь русским ученым-эмигрантам стала оказываться в индивидуальном порядке.

В Праге профессиональную подготовку россиян осуществляли Русский юридический факультет, Русский народный университет, Русский высший педагогический институт им. Я. А. Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский институт коммерческих знаний, Русское высшее училище техников путей сообщения. За 1921–1934 гг. 6818 студентов получили высшее и среднее образование.

Большой популярностью среди россиян пользовался Русский юридический факультет в Праге, открытый 18 мая 1922 г. благодаря во многом усилиям, таланту и энергии его первого декана – П. И. Новгородцева, считавшего, что «русские на чужбине остались русскими» и должны получить «хорошее общее образование для подъема культурного уровня России после возвращения на Родину»³. «У русских юристов как будто вырвана почва из-под ног, нет самого основного предмета изучения – т. е. своего действующего права. Положение наше может казаться безвыходным, но на самом деле оно ставит нам лишь более сложные и ответственные задачи. У нас нет сейчас действующего права, но мы находимся накануне его создания, оно должно создаваться и притом в особых условиях русской жизни. Оно должно отразить на себе ее исторические, национальные, хозяйственные, бытовые особенности. Вот здесь-то мы и находим настоящий предмет

¹ См.: Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам Международной научной конференции. – М., 2005.

² Ковалев М. В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е годы: исторические очерки. – Саратов, 2014. – С. 41–42.

³ Дом в изгнании (Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945). – Прага, 2008. – С. 170.

нашего изучения: задача русских юристов заключается в настоящее время в том, чтобы внимательным изучением истории своего права, сравнением его основ с иностранными образцами, углублением его возможностей и перспектив воспитать юридическую мысль к новому творчеству и созиданию на родной русской почве», – подчеркнул он во вступительной речи при открытии факультета¹. Последующее включение 13 июля 1922 г. юридического факультета под покровительство Карлова университета в Праге значительно повысило его статус и престиж обучения.

Личный состав факультета включал декана, профессоров, доцентов, приват-доцентов, лекторов и сотрудников учебно-вспомогательных структур. Правление факультета состояло из трех ординарных профессоров, которые избирались факультетом и утверждались Министерством народного просвещения Чехословакии, а также декана факультета, который являлся председателем правления. Секретарем факультета стал профессор Н. Н. Алексеев. На факультете были созданы следующие кафедры: римского права; гражданского права и гражданского судопроизводства; торгового права и торгового судопроизводства, уголовного права и уголовного судопроизводства; истории русского права; государственного права; международного права; административного права; финансового права; канонического права, политической экономии и статистики; энциклопедии и истории философии права, латинского и чешского языков.

Кафедра истории философии права была замещена профессором П. И. Новгородцевым и приват-доцентом Г. Д. Гурвичем, кафедра общей теории права – профессором А. Н. Фатеевым, кафедра политической экономии – академиком П. Б. Струве, профессором В. А. Коссинским и профессором В. Ф. Тотомианцем, кафедра статистики – профессором П. И. Георгиевским, кафедра римского и гражданского права – профессором Д. Д. Гримом и профессором М. М. Катковым, кафедра уголовного права и судопроизводства – профессором С. К. Гогелем и профессором А. В. Маклецовым, кафедра государственного и административного права – профессором Н. Н. Алексеевым, кафедра финансового права – профессором С. В. Завадским².

Весьма представительной была штатная численность профессорско-преподавательского состава, включавшая на 30 июня 1922 г. профессоров Н. Н. Алексеева, А. А. Вилкова, П. И. Георгиевского, С. К. Гогеля³, Д. Д. Гримма⁴, С. В. Завадского, М. М. Каткова, В. А. Косинского, А. В. Маклецова, П. И. Новгородцева, П. Б. Струве, В. Ф. Тотомианца,

¹ Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год с общим обзором его пятилетней деятельности (1922–1927). – Прага, 1927 // Кудинов О. А. Указ. раб. – С. 151.

² Хроника академической жизни // Младорусь. – Прага, 1922. – Кн. 2. – С. 107.

³ Гогель С. К. – директор Севастопольского юридического института.

⁴ Гримм Д. Д. – ректор Петербургского университета, сенатор I департамента Правительствующего Сената, товарищ министра народного просвещения.

А. Н. Фатеева, 2 доцента и 3 преподавателя. В последующие годы в учебный процесс были вовлечены другие яркие представители русской науки: Г. В. Вернадский – профессор Таврического университета; А. А. Кизеветтер – профессор Московского университета; И. И. Лапшин и Н. О. Лосский – профессора Петроградского университета; Н. С. Тимашев и А. А. Чупров – профессора Петроградского политехнического института; Е. В. Спекторский – профессор Киевского университета; Г. Я. Трошин – профессор Казанского университета; А. В. Флоровский – профессор Новороссийского университета; Д. Н. Иванцов – адъюнкт-профессор Ново-Александровского института сельского хозяйства в Харькове; Г. В. Флоровский – приват-доцент Новороссийского университета; А. А. Боголепов – приват-доцент Петроградского университета. Занятия по уголовному праву и уголовному процессу на факультете проводил профессор Н. С. Тимашев. Для организации учебного процесса были подготовлены и опубликованы учебно-методические работы. Впоследствии, характеризуя «Введение в изучение уголовно-судебного права», Тимашев отметил следующее: «В подражание проф. Розину, я рассмотрел судебный процесс, как динамически развивающийся от стадии к стадии, при сохранении единства юридического отношения (суд и две стороны). Своей книге я придал однако сравнительно-правовой характер, сопоставив русские (дореволюционный и советский) процессы с процессами, наблюдаемыми в германском, австрийском, французском и английском праве. Австрийский процесс был включен не только потому, что он был наиболее прогрессивным, но и потому, что большая часть Чехословакии продолжала, в общем, держаться австрийского права»¹.

Студентами юридического факультета могли стать лица, закончившие классические гимназии и получившие дипломы таковых. Абитуриенты, ранее закончившие реальные училища или другие средние учебные заведения, обязаны были сдать дополнительный экзамен по латинскому языку. Для поступления на факультет было необходимо представить подлинники (или заверенные копии) документов, удостоверяющих или об окончании среднего учебного заведения, или об обучении в одном из русских высших учебных заведений. Лица, не имевшие документов, подтверждающих образование, должны были сдавать коллоквиум на юридическом факультете за курс среднего учебного заведения или соответствующего семестра высшего учебного заведения. От вольнослушателей не требовалось представлять академические документы. Они могли не сдавать коллоквиумы. Абитуриенты при приеме на факультет не ограничивались по подданству, национальному или конфессиональному признакам. В течение учебного года в качестве необходимого минимума студенты были обязаны сдавать не менее трех экзаменов по прослушанным ими предметам. По со-

¹ Тимашев Н. С. Как я стал социологом // Социологические исследования. – 1994. – № 4. – С. 126–127.

гласованию с преподавателем обучаемые готовили курсовую работу. По другим предметам необходимо было сдавать полукурсовые испытания в ближайшую экзаменационную сессию. Студенты 4-го курса освобождались от курсовой работы, но должны были сдать зачеты по практическим занятиям по гражданскому и уголовному праву. Студентам было рекомендовано сдавать из входивших в минимум предметов экзамены по истории римского права и политической экономии на 1-м, по истории русского права и догме римского права – на 2-м, по государственному и финансовому праву – на 3-м курсах. Но нельзя было сдавать экзамен по догме римского права прежде экзамена по истории римского права, экзамен по административному праву – прежде экзамена по истории русского права и т. д.

На факультете преподавались 23 предмета, в т. ч. чешский язык. Помимо юридических дисциплин на факультете студенты осваивали логику, русскую историю, психологию, предметы экономического цикла, соответствующие учебным планам дореволюционных университетов. На первом курсе студенты постигали основные дисциплины: общая теория права, история римского права, история русского права и политическая экономия. По общей теории права лекционные курсы и семинарии проводил профессор А. Н. Фатеев.

На семинарских занятиях студенты изучали физическую среду, условия, структуру и форму правового явления. Профессора М. М. Катков и Д. Д. Grimm читали лекции по истории римского права. Лекционные занятия и семинарий по истории русского права были закреплены за профессором Г. В. Вернадским. На практических занятиях основное внимание уделялось изучению юридического содержания русских летописей и истории высших государственных учреждений и сословий России XVIII–XIX веков. Лекции по политической экономике читали профессора В. А. Коссинский, В. Ф. Тотомианц и П. Б. Струве. Студенты второго курса в качестве основных дисциплин изучали историю философии права, государственное право (профессор Н. Н. Алексеев), финансовое право и статистику (профессор П. И. Георгиевский). Действовал семинарий по философии права и государственному праву. На третьем курсе к основным предметам относились административное право (доцент А. А. Боголепов), церковное право (профессор С. Н. Булгаков), уголовное право (профессор А. В. Маклецов и профессор Н. С. Тимашев) и гражданское право (сенатор С. В. Завадский). Студенты четвертого курса проходили уголовный процесс, гражданский процесс, торговое право и международное право. На семинариях изучали следственное производство и судебное следствие. Все студенты, поступившие на РЮФ после 1 марта 1923 г., завершали изучение чешского языка прохождением экзаменационных испытаний.

Достаточно подробные характеристики профессорско-преподавательского состава содержатся в воспоминаниях

Е. В. Спекторского. Так, Д. Д. Гримм был «строг, но справедлив по отношению к студентам. Они побаивались его, но и уважали своего «железного декана». Историк русского права М. В. Шахматов был «...трудолюбив и любил свою науку. Но у него не было строго научного духа». Конституционалист, приверженец евразийства Н. Н. Алексеев – «человек с острым и здравым умом, но без твердой политической установки». Профессор Н. С. Тимашев «соединял известного рода левизну с общей добропорядочностью и религиозностью... Писал он солидно, но тяжеловато». Бывший сенатор и профессор петербургского Александровского лицея С. В. Завадский был «человек с широким художественным образованием и тонким вкусом, любитель греческой трагедии и испанской литературы. Хороший представитель судебного красноречия, приемы которого он применял к литературным сюжетам». «Интересный курс» по теории международного права читал Г. Д. Гурвич, который был «талантливым», но при этом «нахалом», неразборчивым в науке и жизни». В качестве доказательства был приведен пример с защитой Гурвичем магистерской диссертации о Фихте, написанной на немецком языке. Не получив поддержки от коллег факультета, он защитил диссертацию в русской академической группе в Берлине. Его основным оппонент Н. Н. Алексеев установил, что «Гурвич для того, чтобы стилизовать Фихте в своем вкусе, не остановился перед фальсификацией. Приводя в кавычках выдержки из его сочинений, он вставлял в них свою отсебятину»¹.

М. М. Новиков, описывая ситуацию тех лет, отмечал: «Прервавшие из-за войны и революции свое образование, молодые люди стремились закончить его в неожиданно предоставившихся им благоприятных условиях. К ним присоединились и многие пожилые люди, жаждавшие знаний и улучшения своего положения в жизни. Профессора, в сознании своего патриотического долга, стремились идти им навстречу. А с другой стороны, попав в культурный, университетский центр с богатыми библиотеками и другими научно-вспомогательными учреждениями, они получили широкие возможности продолжить свою научно-исследовательскую работу»². Из числа трехсот студентов, поступивших на факультет, больше половины продолжили начатое в России юридическое образование³. По другим данным, в первые годы функционирования факультета количество желающих получить образование превышало пятьсот человек⁴.

¹ Спекторский Е. В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. Ф.01–30.230 (Вонаи, Vladimir). Е.х.П. – См.: Михальченко С. И., Пономарева В. П. Русские юристы в эмиграции в 1920-е годы (по неопубликованным материалам) // Ученые записки Орловского государственного университета. – Орел, 2012. – № 1. – С. 111–112.

² Новиков М. Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1957. – Кн. XLIX. – С. 248.

³ Хроника академической жизни // Младорусь. – Прага, 1922. – Кн. 2. – С. 107.

⁴ Новиков М. Русские эмигранты в Праге. – С. 247.

Несмотря на сложные условия в организации учебного процесса, пусть на короткое время, весьма интенсивно осуществлялось профессиональное образование российской молодежи. Нехватку учебников, учебно-методических материалов преподавательский корпус восполнял изданием авторских работ, изданных литографским способом в типографии Русского юридического факультета. Многие из них представляли собой самостоятельные труды: Н. Н. Алексеев «Курс государственного права», В. Г. Вернадский «История русского права», Г. Д. Гурвич «Введение в общую теорию международного права», М. А. Циммерман «Курс международного права» и т. д. Весьма интенсивной была научная деятельность. Если в 1923–1924 гг. были опубликованы 248 статей, сданы в печать – 72, подготовлены к печати – 176, то в следующем году изданы – 317, подготовлены к печати – 198, а на стадии доработки находились – 125 работ¹.

Немаловажным фактом научно-преподавательской деятельности факультета являлась послевузовская подготовка. Первоначально вакансии стипендиатов заполнили лица, которые еще в дореволюционное время состояли в контингенте соискателей профессорского звания: К. И. Зайцев, Н. С. Жекулин, П. А. Остроухов, П. Н. Савицкий, Г. Н. Михайловский, М. А. Циммерман, М. В. Шахматов, Я. Д. Садовский. В последующие годы профессорскими стипендиатами становились как выпускники юридического факультета (И. И. Лаппо, С. Л. Волкобрун, А. И. Голан, Г. Н. Смирнов, Г. А. Ситкевич, Е. В. Тарабрин, В. И. Завадский, И. П. Георгиевский, А. Б. Эфрон и В. С. Вилинский), так и соискатели из других русских вузов (В. И. Базанов, А. А. Башмаков, В. Е. Беланович, И. Д. Grimm, А. Я. Гуревич, И. И. Марков, С. В. Милицын, Г. А. Нанейшвили, С. С. Ольденбург, В. Н. Савинкова, А. Г. Сергеенко, С. С. Ольденбург, В. Н. Савинкова, А. Г. Сергеенко). В период с 1922 г. по 1927 г. по кафедре истории русского права успешно сдали магистерские экзамены М. В. Шахматов, Д. М. Одинец, И. И. Марков, С. Л. Волкобрун; по кафедре международного права – Г. Н. Михайловский и М. А. Циммерман; по кафедре римского права – Г. И. Вилинский; по кафедре государственного права – И. Д. Grimm. Например, магистерский экзамен на соискание степени магистра истории русского права С. Л. Волкобруна состоял из экзамена по основной дисциплине, истории русского права и двух дополнительных экзаменов: государственному праву и славянскому праву. При прохождении каждого экзаменационного испытания от соискателей требовалось раскрыть не менее чем два вопроса из разных разделов соответствующего курса. Первый экзамен Волкобрун сдал 12 мая 1925 г., второй – 11 мая 1926 г., а последний – 13 ноября 1926 г. После прочтения пробных лекций соискатели имели право осуществлять преподавательскую деятельность в звании приват-доцента. Так,

¹ ГА РФ. Ф. – Р. 5765. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 212–214.

С. Л. Волкобрун впоследствии стал доктором права Карлова (Пражского) университета.

Всего за 1922–1931 гг. около 40 соискателей успешно сдали экзамены на присвоение звания магистра наук¹. Однако неопределенность статуса научных кадров русской эмиграции и стремление молодого поколения к интеграции в высшие учебные заведения и научные учреждения стран проживания существенно снижали значимость ученых степени и звания, полученных в образовательных и научных учреждениях русского зарубежья. Следует указать, что среди русского научного сообщества присутствовало некоторое скептическое отношение к научному званию, присуждаемому на уровне факультета. Так, В. В. Вернадский в письме к сыну, Г. В. Вернадскому отмечал: «Знаешь ли ты, что докторская степень факультета никогда не будет считаться равноценной с докторской степенью университета <...> Можно мириться с магистерской факультетской степенью – *faute de mieux* (ошибкой молодости. – Э.Д.), – но зачем вводить докторскую факультетскую?»². Кроме того, с упрочением позиции Советской власти на международной арене и крушением надежд на восстановление дореволюционного строя их наличие, по существу, становилось бесполезным.

Престижность юридического образования и востребованность выпускников факультета на рынке труда осложнялись проблемой признания диплома высших учебных заведений русского зарубежья, которая разрешалась по-разному. Например, решением министерства народного просвещения Франции выпускникам Парижского юридического факультета было предоставлено право допуска к записи на соискание степени докторанта наук. В то же время Карлов и другие университеты Чехословакии вообще не засчитывали прослушанные семестры и результаты экзаменов студентов юридического факультета в Праге. Выпускникам факультета, пожелавшим дополнить свое юридическое образование в чешских университетах, приходилось вновь проходить обучение. Подобные сложности были и в Польше. Только в конце 1920-х гг. Русский юридический факультет в Праге был приравнен к высшему учебному заведению и его дипломы были нострифицированы Карловым университетом. Кроме того, выпускникам факультета было сложно найти работу по профессии. Количество желающих обучаться в русскоязычных высших учебных заведениях неуклонно сокращалось.

Постепенно русская профессура покидала Прагу в поисках более обеспеченных условий жизни и научной деятельности. «Факультет хирел и хотя официально не закрывался, но учебная и научная мысль в нем, в конце концов совершенно заглохла», – отметил в своих воспоминаниях

¹ Ганин В. В. Указ. раб. – С. 37.

² Сорокина М. Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Русская научная эмиграция: Двадцать портретов. – М., 2001. – С. 339–340

М. М. Новиков¹. Тем не менее можно смело утверждать, по качественным и количественным характеристикам Русский юридический факультет был сопоставим с такими юридическими факультетами дореволюционных университетов, как Казанский, Новороссийский, Саратовский, Томский.

Факультет начал действовать при 255 слушателях. В 1923 г. их число увеличилось до 488, осталось неизменным и в следующем году. В 1925 г. на первый курс поступили всего 54 человека, а окончили – 78 и несколько еще выбыло. Общая численность упала до 439 человек. В 1926 г. прием был прекращен. Значительную роль в этом играло то обстоятельство, что многочисленный контингент потенциальных студентов, накопившийся к 1922 г., уже исчерпался, а подрастающее поколение было немногочисленным. Старшее поколение эмигрантов все еще «жило на чемоданах», но молодежь в чужих краях более трезво смотрела на вещи и не желала делать «ставку на Россию». С другой стороны, постепенно сокращается объем финансирования «русской акции» чехословацкого правительства. Вместо 90 млн крон, выделенных в предшествующие годы, в 1930-м году сумма дотации снизилась до 2,6 млн крон. Следует отметить, что поддержка не прекращалась вплоть до конца первой республики². Так, в 1937 г. субсидии составили 2,6 млн крон³.

С мая 1922 г. по июль 1928 г. смогли успешно закончить факультет 384 человека. В 1929 г. на факультете прекратилась образовательная деятельность. Лекции по-прежнему посещались, хотя и небольшим числом студентов, которые приезжали учиться под руководством признанных специалистов: А. А. Кизеветтера, Е. Ф. Шмурло, В. А. Францева, В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского и других русских ученых. Некоторые выпускники сделали в будущем блестящие научные карьеры, в основном в области истории: Г. Катков, С. Пушкарев, А. Фатеев, Г. Флоровский. За годы существования, вплоть до 1935 г., на факультете проходили обучение около 1100 студентов. Общее число студентов в отдельные годы доходило до 500 человек.

Достаточно внушительной была численность русских ученых и преподавателей в Югославии, представлявшей собой традиционную аграрную страну. В Королевстве СХС около половины населения было малограмотно. Высококвалифицированные специалисты были весьма востребованы. В определенном смысле эмигранты привнесли значительный вклад в развитие науки, образования и культуры.

Первая волна русских, названных впоследствии беженцами «сербской эвакуации», состоявшая в основном из видных политических и общественных деятелей, представителей интеллигенции, чиновничества, воспи-

¹ Новиков М. Русские эмигранты в Праге. – С. 247.

² Савицкий И., Савицкая Э. Грустный юбилей: к 70-летию со дня открытия Русского юридического факультета в Праге // Государство и право. – 1992. – № 6. – С. 104–105.

³ Andreev C. Russia abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. – L., 2005. – P. 158.

танников Пажеского корпуса и воспитанниц институтов благородных девиц, прибыла в Югославию в 1920 г. Следующий поток эмиграции, получивший название «английской эвакуации», составили русские, первоначально временно обосновавшиеся на островах Эгейского моря, а затем перевезенные в Королевство СХС. Значительную часть русской югославской эмиграции составили военные. Так, 1-я кавалерийская дивизия под командованием генерала И. Г. Барбовича в полном составе была принята на службу в корпус пограничной стражи Королевства. В Белграде действовали представительства Российского общества Красного Креста, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов.

В 1922–1923 гг. в стране уже насчитывалось около 50 тыс. человек, которые основали около 300 малых «русских колоний» в городах Загребе, Новый Сад, Панчево, Земуне, Белая Церковь, Сараево, Мостаре, Нише и других местах. Самыми многочисленными были русские диаспоры в городах Белград, Земун, Сараево, насчитывавшие несколько тысяч человек. В качественном отношении 13 % русских-эмигрантов имели диплом о высшем образовании, а 62 % – среднем. Профессиональный состав русских беженцев был весьма примечателен: более 60 % являлись военнослужащими; более 30 % – представителями интеллектуального труда и только 5 % эмигрантов зарабатывали физическим трудом¹. В страну приехали 88 университетских преподавателей, 836 инженеров, 108 агрономов, 370 учителей средних учебных заведений, 185 врачей, 401 юрист и судья, 133 адвоката, 150 деятелей искусства².

В отличие от западноевропейских стран, свидетельства и дипломы об образовании, звания, научные степени, полученные россиянами в дореволюционное время, официально признавались. Уже к осени 1921 г. в вузы королевства были приняты на работу 28 русских профессоров с окладом в 1 тыс. динаров. Тогда как только каждый пятый дипломированный российский юрист мог устроиться со средним окладом около 600 дин. В югославских высших учебных заведениях, по данным М. Йовановича, преподавало свыше 100 русских профессоров и ученых, только в Белградском университете их было более семидесяти³. Статус российского научного зарубежья, пропорционально состоящий из представителей гуманитарных и естественных наук, был весьма высоким. В числе 11 русских ученых, удостоенных звания членов-корреспондентов или действительных членов Сербской академии наук, были и правоведы Ф. В. Тарановский (1932 г.), Е. В. Спекторский (1934 г.), Б. С. Миркин-Гецевич (1937 г.).

¹ Денда Д. Русские беженцы в югославской армии, 1919–1941: к вопросу о деятельности русской эмиграции в Югославии // Русский сборник: исследования по истории России. – Т. VI. – М., 2009; В поисках лучшей доли: Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: вторая половина XIX – первая половина XX в. – М., 2009.

² Миленкович Т. Общество русских ученых в Югославии, 1921–1940 // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. – С. 136.

³ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. – М., 2005 – С. 332.

На философский факультет (включая филиал в Скопье) были приняты 17 российских специалистов. Здесь читали лекции А. Д. Билимович, Е. В. Аничков (1864/1866–1937), Г. Е. Афанасьев (1850–1925), В. В. Зеньковский (1881–1962), А. Л. Погодин (1872–1947), Н. Н. Салтыков.

На юридическом факультете Белградского университета с филиалом в Суботице работали 8 российских преподавателей, а Люблянском университете – 3. Из них следует выделить Ф. В. Тарановского (1875–1936), специалиста в области истории права славянских народов, М. П. Чубинского (1871–1943) – по уголовной политике, К. М. Смирнова – по римскому праву.

Долгие годы на факультете был занят научной и преподавательской деятельностью А. В. Соловьев (1890–1971), чьи фундаментальные работы «Законодательство Стефана Душана, царя сербского и греческого» и «Законник Душана 1349 и 1354 годов» свидетельствовали о нем как выдающемся исследователе сербского права. Даже в Швейцарии, куда он был вынужден эмигрировать в 1951 г., в преклонном возрасте профессор продолжал свои научные изыскания, опубликовав «Историю сербского герба» и «Законник царя Стефана Душана 1349 и 1354 годов»¹.

В Люблянском университете профессор М. И. Ясинский (1862–1935) в 1920–1933 гг. преподавал историю южных славян. Он опубликовал 11 научных работ. С 1926 г. с Югославией была связана научная и преподавательская деятельность профессора А. В. Маклецова (1884–1948). На юридическом факультете он преподавал уголовное право, опубликовав около 150 работ на русском, английском, словенском, сербскохорватском и иных языках. Наиболее значимой являлась монография «Система уголовного права в Королевстве Югославии», изданная в соавторстве с профессором Доленцом.

После возвращения в Королевство СХС в 1928–1945 гг. на юридическом факультете Белградского и Люблянского университетов проводил занятия по юридической философии и социологии Е. В. Спекторский (1875–1951), который за результаты научных достижений был в 1937 г. избран членом-корреспондентом САНУ. Из многочисленных публикаций (около 100 работ) следует отметить его монографические исследования: «История социальной философии», «Энциклопедия права», «Государственное право», «Начала науки о государстве и обществе».

Несмотря на языковой барьер, русские профессора в осеннем семестре 1921 г., помимо лекционных занятий на русском языке, планировали проведение курсов лекций на сербском языке. Например, Е. В. Аничков – лекции, посвященные новым русским поэтам, А. Л. Погодин – истории русской комедии от Гоголя до Чехова, В. В. Зеньковский – истории русской философии XX в., Г. Е. Афанасьев – эпохе Александра II,

¹ Аврамович С. Житие и труды Александра Соловьева, корифея истории права // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. – С. 237–248.

Ю. А. Никольский – русской литературе, Ф. В. Тарановский – истории источников русского права, А. В. Соловьев – спецкурс по истории русского государственного права, Е. В. Спекторский – философии права в России¹.

В целом в межвоенный период около 120 российских профессоров работали в Белградском университете, включая филиалы в Скопье, Загребске и Люблянске.

В Югославии численность русскоязычной молодежи, желающей получить высшее образование, была весьма высокой. К середине 1920-х гг. в Белградском университете обучалось 625 русских студентов, в университете Загреб – 285, в университете в Любляне – 137, в Высшей технической школе в Загребе – 166, в Высшей коммерческой школе в Загребе – 140, на юридическом факультете в Субботице – 40, на филологическом факультете в Скопле – 10 человек². Учебные занятия довольно часто проводились на русском языке. В некоторых случаях создавались русские группы. Русским студентам разрешалось сдавать различного вида отчетности на родном языке. Кроме того, решением правительства каждому русскому студенту, прибывшему из Турции, предоставлялось бесплатное обучение и содержание по 400 динар в месяц, что составляло сумму прожиточного минимума. Около 1,5 тыс. студентам была предоставлена возможность продолжить обучение в вузах.

В послевоенной Болгарии социально-экономическая ситуация была весьма сложной. В стране отсутствовала развитая экономика, насчитывалось незначительное количество современных научных и культурно-просветительских учреждений. Если в Югославии действовали три государственных университета с двумя филиалами, то в Болгарии функционировали только Софийский университет и Высшее торговое училище в Варне. Около половины населения было неграмотно. Остро ощущалась потребность в высококвалифицированных кадрах, которую в значительной степени смогли восполнить беженцы из России. Только за 1920–1922 гг. в Болгарию прибыли около 35 тыс. русских эмигрантов, из них около 7 тыс. представителей интеллигенции. Беженцам оказывалась довольно широкая поддержка. Уже в 1920 г. был создан общественный Объединенный русско-болгарский комитет помощи русским беженцам, а с 1923 г. на государственном уровне стал действовать Комитет по делам беженцев. В условиях ограниченных финансовых возможностей правительство тем не менее для нужд русских беженцев выделяло 12 млн левов в год, что составляло свыше 2/3 всех необходимых ассигнований³.

Признанием высокого научного статуса русских ученых эмигрантов явилось приглашение их на преподавательскую работу. Авторитет русских

¹ Новое время. – Белград, 1921. – 23 июня. – № 49. – С. 4.

² Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). – М., 1994. – С. 91.

³ Кьосева Ц. Русские эмигрантские организации в Болгарии (общая характеристика) // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Минск, 2007. – Вып. 2. – С. 99.

научных кадров был настолько высоким, а методика преподавания востребованной, что профессорам разрешалось не только читать лекции на русском языке, но и принимать на нем экзамены у студентов. Только за 1920–1923 гг. на работу в Софийский университет были приняты 27 русских специалистов¹. В своем заключительном отчетном докладе 8 декабря 1920 г. проректор Софийского университета проф. Ал. Ц. Цанков особо подчеркнул: «Русские коллеги пришли к нам на помощь в тот момент, когда наших собственных сил было недостаточно, и мы были особенно довольны потому, что они как люди, имеющие преподавательский опыт, а некоторые из них и в силу своего авторитета помогут нам поднять престиж Софийского университета...»². В 1920–1948 гг. в учебную деятельность были привлечены 36 русских преподавателей (среди них 26 профессоров), которые работали на медицинском (16 чел.), историко-филологическом (10 чел.), юридическом (6 чел.) и богословском (4 чел.) факультетах. Они возглавили около полутора десятка кафедр³. Русские профессора были задействованы преимущественно на медицинском, юридическом и богословском факультетах. Только на медицинском факультете русские эмигранты руководили восемью кафедрами и проводили лекционные занятия исключительно на родном языке. В стенах университета русский язык использовался в качестве средства общения⁴.

Весьма широко были представлены правоведы, заполнившие профессорские вакансии на юридическом факультете. Так, профессором кафедры гражданского права в 1922–1937 гг. был И. А. Базанов (1867–1943), в прошлом ректор Томского университета, который являлся автором 13 научных работ, изданных в эмиграции не только на русском, но и немецком и болгарском языках⁵.

В должности профессора на кафедре государственного права состоял магистр государственного права К. Н. Соколов, бывший приват-доцент Санкт-Петербургского университета. Кафедру международного права возглавил П. М. Богаевский, в прошлом профессор университета Св. Владимира в Киеве. Он читал лекции по теории и истории финансового права, истории внешней политики России, довольно успешно совмещая преподавательскую деятельность с научной работой, опубликовав около

¹ Калоева Е. Б. Русская наука и культура на Балканах в межвоенный период // Россия и современный мир. – 2008. – № 4. – С. 227.

² Мещерский А. П. Заметки и материалы к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии. 1920–1944. – София, 1955–1956. – С. 772.

³ Велева М. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. – София, 2004. – С. 21–22, 28–30.

⁴ Кравец В. С. Либеральная интеллигенция русского зарубежья 20-х годов XX века о национально-государственном строительстве в постбольшевистской России: автореф. дис. ... к.и.н. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 5.

⁵ Базанов И. А. Селският съд в Русия и България. // Юридически преглед. – 1922. – № 3, № 4; Он же. Унификация частного права. // Труды V съезда русских ученых. – София, 1930; Он же. Юридически метод в цивилистических исследованиях // Юридически архив. – 1930. – № 2; Он же. Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства. – М., 2004.

двадцати научных работ по истории международного права и международных отношений, в том числе на болгарском языке¹.

В. Н. Ренненкамф (1862–1925), профессор кафедры государственного права императорского Новороссийского университета, в 1920–1925 гг. состоял в должности профессора права и социологии, специализируясь в сфере философии права и международного права, опубликовав ряд научных и учебно-методических работ².

Профессор И. Г. Кинкель преподавал в Софийском университете (1921–1945) и Свободном университете (1920–1945). В 1931–1939 гг. он возглавил Болгарское научно-социологическое общество. Его работы по правоведению и социологии были изданы на болгарском языке³.

На философском факультете читали лекции: Е. В. Аничков (1864/1866–1937) по сравнительной литературе европейских народов; Г. Е. Афанасьев (1850–1925) по русской истории XIX в. и политической и умственной эволюции Франции в XVIII в.; В. В. Зеньковский (1881–1962) по экспериментальной психологии; А. Л. Погодин (1872–1947) по русской литературе и польской истории.

Высшее образование в вузах Болгарии было платным. Для русских абитуриентов в Софийском университете были введены квоты. Всего в университет было принято около 2 тыс. русских студентов, обучавшихся преимущественно на агрономическом, филологическом и медицинском факультетах. Абитуриенты должны были набрать «проходной балл», который набирали болгары. Часть студентов-эмигрантов пользовались субсидиями, выделяемыми Российским общевойсковым союзом. Особенно тяжелое положение было у студентов, которым пришлось одновременно зарабатывать средства на жизнь и учебу. «Я знаю случаи, – отметила в своих воспоминаниях И. В. Матвеева, – когда молодым людям, чтобы получить высшее образование, приходилось один год учиться, а другой работать, и срок обучения в таком случае удваивался»⁴. Кроме того, русская молодежь могла получить высшее образование в Высшей кооперативной школе в Софии, созданной в 1924 г., в Высшем торговом училище в Варне, основанном в 1921 г., и в Высшем экономическом институте в Свиштове.

¹ Богаевский П. М. Кючук-Кайнарджийский мир и его значение // Юбилейный сборник в честь С. С. Бобчева. – София, 1921; Международное право: лекции. – София, 1925; Он же. Присъединението на Малорусия към Масковското Царство (Присоединение Малороссии к Московскому царству). – София, 1926; Он же. Ещѣ к вопросу о якобы международных отношениях между Москвою и Малороссией // Славянский глас. – 1928. – № 3.

² Ренненкамф В. Н. Държавата // Сб. С. С. Бобчев. – София, 1921; Он же. Социология (понятие, метод, направление) // Год. СУ. Юрид. фак. – София, 1918–1920, 15–16; 1921, 1–14; Он же. Нравственият закон и свободата на волята // Год. СУ. Юрид. фак., 17, 1920–1921, 1922, 1–11; Он же. Енциклопедия на правото (пособие за студенти). Prevel Jordan Shumkov. – София, 1926.

³ Кинкель И. Г. Световната война и международното право. – София, 1920; Он же. Световната война и международното право. – София, 1920; Он же. Социологията в осветлението на един философ или научните недоразумения на г-н проф. Михалчев. – София, 1940.

⁴ Матвеева И. В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах. 2003. – М., 2004. – С. 511, 514.

Эмигрантское сообщество предприняло определенные усилия по созданию русскоязычных высших учебных заведений. Однако в связи с недостатком финансовых средств многие начинания оказались нереализованными. Увенчалось успехом создание в Софии по инициативе профессора П. М. Богаевского (1866–1929) и болгарского академика С. С. Бобичева в 1920 г. Ближневосточного института, преобразованного в 1924 г. в Свободный университет политических и хозяйственных наук. В учебном заведении действовали консульско-дипломатический, административно-финансовый и торгово-промышленный факультеты. В этом высшем гуманитарном учебном заведении преподавали как русские профессора (И. А. Базанов, П. М. Бицилли, П. М. Богаевский, С. С. Демосфенов, В. Н. Рененкамф, К. И. Соколов), так и болгарские ученые. Обучение было вечерним, студенты принимались без конкурса, изучение учебных дисциплин происходило по уплотненной программе и длилось четыре года. Значительное число лиц среднего возраста, совмещая учебу с работой, обучались совместно с болгарскими и русскими юношами и девушками. В Болгарии диплом института признавался в качестве государственного документа. Однако оплата за обучение была весьма высокой, что ограничивало поступление эмигрантской молодежи в университет.

В Риге с 18 октября 1921 г. начали свою деятельность Русские университетские курсы. На открытии со вступительной речью о целях и организации учебного процесса выступил профессор М. Я. Лазерсон, который отметил, что слушатели на первом году обучения получают возможность ознакомиться с основными дисциплинами всех факультетов для сознательного выбора специальности и призвания. Основной контингент слушателей должны были составить лица, которые вследствие языкового барьера не могут поступить в высшие государственные образовательные учреждения. Ректором был избран профессор К. И. Арибашкин. Курс юридических наук был закреплен за профессором В. М. Грибовским¹.

Русские ученые привнесли в университетскую среду стран Юго-Восточной Европы академические традиции, оказав существенное влияние на развитие научной мысли, стали преподаваться современные дисциплины, были открыты новые кафедры, активно осуществлялась исследовательская работа и т. д. Достаточно отметить, что имя профессора Г. А. Острогорского присвоено самой большой аудитории философского факультета Белградского университета. Однако большинство из русских ученых рассматривали свое пребывание здесь как временное явление и стремились выехать в западноевропейские страны, где были более благоприятные условия для самореализации.

---

¹ Открытие Русских университетских курсов // Сегодня. – Рига, 1921. – 19 октября.

3.4. Русский юридический факультет в Харбине

В послереволюционном зарубежье весьма значительной была российская эмигрантская колония в Северной Маньчжурии, которая, «если и не являлась обетованной землей, – отмечалось в заметке Н. Лидина, – была тем иностранным краем, где условия, для эмигрантского существования, представлялись достаточно благоприятными. Не было ни норм, ни квот, ограничивающих русского эмигранта в его праве на труд»¹. Наиболее многочисленным в 1920-е гг. являлся Русский Харбин, в котором сосуществовали россияне, проживавшие здесь еще до революции и не принявшие советского подданства, белые эмигранты и советские граждане, приехавшие в качестве специалистов, когда СССР был одним из собственников КВЖД. «Русские харбинцы» были рядом с «большой» Родиной, по образному выражению Е. Шиляева, выпускника харбинского института Св. Владимира 1936 г., «постоянно чувствовали ее «дыхание», следили за каждым ее движением, прислушивались к ее голосу, к ее стонам, мучились ее муками, верили в ее неизбежное возрождение и ждали ее»². В 1920-е гг. здесь проживали около 400 тыс. русских³. Несмотря на значительное сокращение русских эмигрантов в последующие годы, их число оставалось довольно внушительным. Так, еще в 1930 г. в Китае насчитывалось около 125 тыс. россиян, из них примерно 110 тыс. проживали в Маньчжурии.

Большая часть беженцев прибыла из России без средств к существованию. Многотысячная масса беженцев могла рассчитывать только на получение неквалифицированной и низкооплачиваемой работы⁴. «Как ни тяжело было начинать новую жизнь на чужбине, но покорность судьбе и добродушно-ироническое отношение к своей участи были все же присущи беженской среде. «Дальше едешь, тише будешь», – сложили они про себя новую поговорку. И действительно, беженцы как-то притихли, добравшись до Харбина, и стали жить воспоминаниями о прошлом и неопределенными, смутными надеждами на лучшее будущее. Я не хочу сказать, что в них погасли антибольшевистские настроения: они, пожалуй, даже обострились, но ушли куда-то внутрь, наружно часто ничем не проявляясь», – писал И. И. Серебренников, бывший министр снабжения Сибирского и Всероссийского правительств, видный общественный деятель русского Китая, ученый, политик и книгоиздатель⁵.

¹ Лидин Н. Русская эмиграция на Дальнем Востоке // Русские записки. – Париж-Шанхай, 1937. – Т. 1. – С. 319–320.

² Шиляев Е. Общественно-культурная, религиозная и политическая жизнь Харбина // Записки Русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1994. Т. 26. – С. 213.

³ Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). – М., 1997. – С. 58.

⁴ См.: Аурилене Е. Е. Особенности адаптации эмигрантов в 1920–1950-е годы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://eps.dvo.ru>. – (Дата обращения: 15.03.2012).

⁵ Серебренников И. И. Мои воспоминания. – Т. I. В революции (1917–1919). [Электронный ресурс] / И.И. Серебренников. – Электрон. текстовые дан. Тяньцзинь, 1937. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/memo/russian/serebrennikov>, свободный. – (Дата обращения: 20.11.2014).

Отсутствие цензурных рамок и определенная лояльность местных органов власти к деятельности русских научных и культурно-просветительских учреждений и организаций способствовали раскрытию творческой свободы русской интеллигенции. Однако значительная отдаленность эмигрантских научных кадров в Северной Маньчжурии от европейских культурных и научных центров и определенные сложности в коммуникации с российскими и европейскими коллегами, по мнению китайского исследователя Ван Чжичэня, усиливали их изоляцию от современных научных достижений¹.

Территория вдоль Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) с городом Харбином, управляемая русской администрацией, стала своеобразным «государством в государстве», в котором культивировались дореволюционные духовные ценности и традиции. Происходил быстрый рост русских районов. В 1918–1923 гг. русскоязычное население в Харбине, увеличившись примерно в 2,5 раза, достигло около 400 тыс. человек². Благодаря энергии и упорству беженцев уже в конце 1921 г. в городе действовали свыше тысячи торгово-промышленных предприятий. Русским принадлежали 36 ресторанов, 32 гостиницы, 3 театра, 8 кинотеатров, 66 аптек, 34 писчебумажных и книжных магазина, 25 типографий и издательств³.

Харбинское послереволюционное зарубежье отличалось от европейской эмиграции более длительным существованием и практическим отсутствием ассимиляционного воздействия инокультурной среды. В Северной Маньчжурии в дореволюционное время действовала разветвленная сеть образовательных и воспитательных учреждений, детских и молодежных объединений, получивших развитие в последующие годы. Сотни выпускников русскоязычных гимназий составили основу абитуриентов высших учебных заведений. Более тысячи юношей и девушек, бывшие студенты, из-за войны и революции не успевшие завершить обучение в императорских высших учебных заведениях, создали Русское студенческое общество (1917–1935 гг.). В этом отношении харбинское зарубежье занимало лидирующую позицию среди русской эмиграции.

В городе действовали высшие учебные заведения: Русский юридический факультет, Северо-Маньчжурский политехнический институт, Богословский факультет института Св. Владимира (Высшая Богословская школа), Высшее медицинское училище, Институт ориентальных и коммерческих наук, Высшая музыкальная школа им. А. Глазунова, Педагогический институт, Северо-Маньчжурский университет Маньчжу-Ди-Го, Русско-японский институт. В оценке В. Ф. Печерица, по количеству студенческой

¹ Чжичэн Ван. Указ соч. – С. 407.

² Народный Комиссариат иностранных дел. Годовой отчет за 1923 г. к III Съезду Советов. – М., 1924. – С. 120–121.

Цюцзе Чэн. Влияние КВЖД на численность населения Харбина // Россия и Азиатско-Тихоокеанский Регион. – 2011. – № 1. – С. 82.

³ Мелихов Г. В. Белый Харбин: середина 20-х. – М., 2003. – С. 300–301.

молодежи, обучавшейся в высших учебных заведениях, Харбин уступал только Парижу, где в 1928 г. насчитывалось 2358 русских студентов-эмигрантов¹.

Достаточно востребованными были медицинский техникум, зубо-врачебные и музыкальные школы, множество различных учебных курсов: фармацевтический, врачебной косметики и массажа, иностранных языков, машинописи, стенографии, прикладных искусств и т. д.

Необходимость в высших учебных заведениях для русскоязычного населения Харбина и зоны КВЖД была назревшей проблемой. Еще в 1916 г. по инициативе железнодорожной администрации был образован Комитет по высшему образованию, который организовал сбор средств для открытия университета с юридическим, экономическим и техническим факультетами и медицинской школой. В связи с революционными событиями в России деятельность комитета прервалась, но уже летом 1918 г. снова возобновилась. Функционирование высших школ координировалось Комитетом по делам высших и специального типа учебных заведений, который возглавил Н. Л. Гондатти. В ведении комитета состояли: Русско-китайский политехнический институт (РКПИ позднее – ХПИ), Юридический факультет, Высшая медицинская школа (она была создана на базе Центральной больницы КВЖД), Восточно-коммерческий институт профессора К. Апелля, мужское и женское коммерческие училища, Подготовительная школа родительского комитета этих училищ, техническое железнодорожное училище и мастерские РКПИ.

Инициатором создания нового учебного заведения выступил Н. В. Устрялов². «Выяснилось, что кроме нас с ним, – отметил впоследствии Гинс, – в Харбин прибыло еще несколько человек преподавателей высших учебных заведений и что среди местных жителей есть также подходящие сотрудники»³. Однако предложение вызвало неоднозначную реакцию со стороны россиян-эмигрантов. Очевидец событий того времени следующим образом охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «На общем собрании студентов, проживающих в Харбине, по вопросу об отношении к открываемым в Харбине высшим экономически-юридическим курсам, где лекторами преимущественно будут «колчаковцы» (Г. К. Гинс, Н. И. Петров, Н. В. Устрялов), 60 человек, против 20 (правда при значительно большем количестве воздержавшихся от голосования) высказались против поддержки таких курсов и за бойкотирование их. По этой, вероятно, причине, назначенное на 29 февраля, торжественное открытие этих курсов было отменено и будет преступлено 1 марта прямо к чтению лекций. Записалось слушателями 60 человек. Количество, вполне достаточное

¹ Печерица В. Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. – Владивосток, 1994. – С. 125.

² Guins G. K. Professor and Government Official: Russia, China and California. – P. 229.

³ Из воспоминаний Елизаветы Рачинской «Калейдоскоп жизни» // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1960. – 19 ноября. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lizard.jinr.ru>. – (Дата обращения: 12.12.2011).

для открытия курсов»¹. Состав студентов был весьма разношерстным. Впоследствии Гинс свидетельствовал: «Многие записывались, чтобы поддержать культурное начинание, многие из любопытства, послушать профессоров, подышать университетским воздухом, но было некоторое количество слушателей, искавших возможность пройти систематический курс»².

Учебный процесс был организован в соответствии с программой I курса дореволюционных российских юридических факультетов. Лекционные и практические занятия по общей теории права, римскому праву, государственному праву, политэкономии, истории экономических учений проходили в вечернее время в помещении Коммерческого училища. За четыре месяца студенты освоили программу первого курса. Второй академический год начался с сентября 1920 г. Экономико-юридические курсы, подтвердив свою жизнеспособность, 8 июля 1922 г. были преобразованы в Юридический факультет, первоначально созданное как структурное подразделение государственного Дальневосточного университета, действовавшее согласно его уставу и системе обучения³. Решением руководства Дальневосточного университета под председательством профессора В. А. Рязановского была создана испытательная комиссия в составе профессоров Г. К. Гинса, Н. И. Миролюбова, Н. И. Никифорова, В. В. Энгельфельда и Н. В. Устрялова⁴. С вхождением Приморья в состав Советской России официальные отношения юридического факультета с Дальневосточным университетом прекратились. Право и ответственность выдачи дипломов возложила на себя испытательная комиссия факультета, состав которой в 1925 г. был утвержден правлением «Союза русских академических организаций за границей» в Праге.

Юридический факультет представлял собой коммерческое учреждение. Обучение для студентов было платным и составило на начало 1920-х гг. 300 романовских руб. в год, а в 1930-е гг. оплата колебалась от 130 до 140 маньчжурских долл. (около 100 золотых руб.). Значительная финансовая поддержка (около 8 тыс. золотых руб. в год), оказанная Обществом по созданию высшего учебного заведения в Харбине, городским советом, КВЖД и Биржевым комитетом, позволила упрочить материальное положение. С заключением советско-китайского соглашения в 1924 г. советская администрация, вступив в управление КВЖД, существенно увеличила субсидии для расширения числа детей железнодорожников, обучаемых на факультете, и железнодорожных служащих, проходивших курсы переподго-

¹ Баранов В. М. Указ. соч. – С. 9–10.

² Гинс Г. К. Юридический факультет в Харбине 1920–1930 // Известия Юридического Факультета в Харбине. – Харбин, 1931. – Т. IX. – С. 308.

³ Марченко В. А. История создания и деятельности русского юридического факультета в Харбине (1922–1929 гг.) // Издательство «Грамота». – 2011. – № 7 (13). – Ч. 3. – С. 152. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gramota.net/materials – (Дата обращения: 12.12.2011).

⁴ За рубежом // Возрождение. – Париж, 1930. – 14 июля.

товки и повышения квалификации. На КВЖД работали около 20 тыс. служащих и рабочих. Управление КВЖД оставило за факультетом право бесплатного использования помещений в Коммерческом училище. Были выделены до 75 тыс. золотых руб. в год на командировки, издательство и комплектование библиотеки¹. Уже в 1929 г. фонд библиотеки насчитывал около 4000 томов научной, учебной и учебно-методической литературы. В лучшие годы существования бюджет факультета в совокупности с иными привлеченными средствами достигал 170 тыс. золотых руб. Штат юридического факультета насчитывал до 80-ти человек профессорско-преподавательского состава, а обучалось до 1 тысячи студентов одиннадцати национальностей – русских, украинцев, латышей, евреев, грузин, армян, татар, китайцев, японцев, корейцев и монгол. В связи с тяжелым материальным положением вплоть до начала 1930-х гг. до 25 % студентов могли бесплатно посещать лекционные занятия.

Первым руководителем Высших экономико-юридических курсов стал профессор Н. В. Устрялов, проводивший занятия по теории права, истории политических учений и международному праву. Затем факультет возглавил профессор Н. И. Миролюбов. После его смерти единогласно деканом был избран В. А. Рязановский, специалист в области гражданского права, пробывший в должности вплоть до 1929 г. С преобразованием факультета в Государственный юридический факультет Особого района Восточных провинций Китая обязанности декана недолгое время исполнял профессор В. В. Энгельфельд, передавший свои полномочия профессору Н. И. Никифорову.

На факультете были созданы кафедры римского права, гражданского права и гражданского судопроизводства, торгового права и торгового судопроизводства, уголовного права и уголовного судопроизводства, истории русского права, государственного права, международного права, административного права, финансового права, канонического права, политической экономии и статистики, энциклопедии и истории философии права. С 1923 г. стали преподавать отрасли китайского права: государственное, административное, гражданское, уголовное право и процесс, торговое право. С 1926 г. было введено преподавание советского права. Помимо академических форм осуществления образовательного процесса обучаемые активно вовлекались в различные факультативные занятия. В частности, весьма успешно действовали студенческие кружки: исторический (руководители – профессор Н. И. Никифоров и доцент Н. Е. Эсперов), философский (руководитель – профессор Н. В. Устрялов), востоковедения (руководитель – профессор Е. М. Чепуровский), литературный (руководитель – профессор Г. К. Гинс) и экономический (руководители – доценты М. В. Абросимов и Н. А. Сетницкий), а также семинарий по гражданскому

---

¹ Политехник. – Сидней, 1979. – №. 10. – С. А-2.

праву, организованный профессором В. А. Рязановским. Работу научных кружков отличало стремление к максимальной гласности и публичности. На страницах периодических изданий регулярно размещались заметки, освещающие студенческую жизнь¹. В частности, исторический кружок функционировал еженедельно по субботним дням. Стремление к академичности, исторической объективности и научности характеризовало работу кружковцев. На заседаниях заслушивались доклады по общей истории, философии истории и истории русского права не только студентов, но и молодых преподавателей. Например, в феврале 1926 года молодой историк Н.Е. Эсперов выступил с докладом «Экономические потрясения государства российского в XVI–XVII веках»².

На заседаниях философского кружка студенты заслушали доклады с широким спектром проблем: «Теоретическая философия Канта», «Практическая философия Канта», «Административное, гражданское право и процессы», «Уголовное право и процессы», «Торговое право». В частности, оживленную полемику вызвал публичный диспут участников философского кружка на тему «Смысл любви». В качестве основного докладчика выступил Н. Прищененко, а его оппонент, К. Родзаевский, прочитал доклад на тему: «Смысл любви, как искупление. В развернувшейся полемике приняли участие студенты – Н. Меди, К. Рачков, К. Рачковский, Смелый, Скопиченко и др. В заключительном слове профессор Н. В. Устрялов акцентировал внимание на трактовке понятия любви в античности и средневековье»³.

Открытие в 1925–1928 гг. экономического и восточного отделений факультета позволило увеличить преподавательский состав. К организации учебного процесса были привлечены В. В. Ламанский, профессор Пермского университета, Е. М. Чепурковский, приват-доцент Московского университета, В. А. Овчинников, приват-доцент Московского университета, М. Н. Ершов, профессор Дальневосточного университета, Н. А. Сетницкий, А. А. Неопиханов, А. Н. Витте, А. А. Камков и другие преподаватели. Непродолжительное время проработал на факультете Л. А. Зандер, приват-доцент Пермского и Владивостокского университетов, первоначально эмигрировавший в Чехословакию и обосновавшийся в дальнейшем во Франции.

Преподаватели юридического факультета, выступая перед студенческой аудиторией, любили блеснуть курьезными примерами из судебной практики тайских судов и призывали своих слушателей в будущем относиться с должным вниманием к вопросам судопроизводства⁴. Отличительной чертой функционирования Юридического факультета являлась аполи-

¹ Русское слово. – Харбин, 1926. – 17 февраля.

² Там же. – 1926. – 25 февраля.

³ Там же. – 1926. – 2 марта.

⁴ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. – М., 2009. – С. 86.

тичность. Так, декан В. А. Рязановский отмечал: «Свобода преподавания и свобода поступления на факультет <...> и выполнение программы Юридического факультета с дополнением в виде изучения права Китая и СССР – вот академическая платформа, которая всех объединяет»¹. В учебном процессе преподаватели стремились использовать новинки учебной и учебно-методической литературы. По воспоминаниям Е. В. Спекторского, профессор Гинс на экзамене по государственному праву проверял знания студентами содержания его учебного пособия «Начала науки о государстве и обществе», изданного в 1927 г.²

На факультете действовали различные выборные органы. Важное место в самоуправлении факультета занимал совет профессоров. В разные годы в его состав входили профессора: Г. К. Гинс, М. Н. Ершов, А. А. Камков, Н. И. Миролюбов, Н. И. Морозов, Б. А. Овчинников, Н. И. Устрялов, В. М. Чепурковский, В. В. Энгельфельд, Н. Е. Эсперов, К. И. Зайцев, приват-доценты: А. Ф. Орлов, В. И. Сурин, И. Г. Баранов, С. Н. Усов и преподаватели: В. Е. Ковырко, Н. И. Прищепенко, И. И. Серебряков, Н. В. Сотницкий, К. Н. Трифонов, К. Р. Успенский, Г. А. Богданов, Ф. А. Вальден, К. Г. Зверев, С. Ф. Кичин, О. О. Сморчевский, Н. И. Сысоев, В. Г. Толмачев, Г. В. Митчель, Д. Н. Томсон-Фоменко, М. М. Шалабанов и др.³ На заседаниях совета профессоров рассматривались различные вопросы методического и организационного обеспечения учебного процесса. Так, на заседании 4 февраля 1928 г. в результате обсуждения вопроса о комплектовании факультета квалифицированными кадрами было принято решение об утверждении на должности экстраординарных профессоров соискателей, сдавших устные магистерские испытания и имевших научные труды и обладавших преподавательским стажем не менее трех лет. Согласно решению совета профессоров звания экстраординарного профессора были присвоены доцентам А. А. Камкову, М. Н. Ершову и Н. В. Эсперову.

Присвоение звания «приват-доцент» предусматривало наличие защищенной диссертации и прочтение двух показательных лекций. Преподаватель кафедры экономической географии В. Н. Сурин был удостоен подобного звания после прочтения лекции на тему «Железнодорожное строительство в Китае и Маньчжурии». Звание «приват-доцент» также было присуждено преподавателям кафедры китайского языка И. Г. Баранову и С. Н. Усову, выступившим с соответствующими лекциями. На публичных заседаниях совета профессоров заслушивались научные сообщения. Так, 1

¹ Публичное заседание Совета профессоров Юридического факультета и Комитета по учреждению высшего учебного заведения в г. Харбине 1 марта 1925 г. // Известия Юридического факультета в Харбине. – Харбин, 1926. – Т. 2. – С. 316.

² Спекторский Е. В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. Ф.01–30.230 (Bonaï, Vladimir). Е.х. II. – См.: Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник архивиста.ру». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestarchive.ru> – (Дата обращения: 10.10.2014).

³ Политехник. – Сидней. 1979. – №. 10. – С. А–2.

марта 1927 г. Г. Г. Тельберг выступил с актовой речью «Идея войны в новом международном праве»¹.

На факультете успешно функционировал выборный студенческий орган – Старостат, призванный осуществлять постоянную связь между профессорско-преподавательским составом и студенчеством, координировать проведение культурно-массовых мероприятий. Например, ежегодно 25 января, в Татьянин день, устраивались студентами харбинских институтов: политехнического, педагогического, ориентальных и коммерческих наук и юридического факультета балы, на которых из числа самых красивых студенток избирали королеву и принцесс бала. Студенты тщательно готовились, прилагая все усилия, чтобы провести бал наиболее успешно и весело. В программу бального концерта включались остроумные частушки, юморески, танцевальные номера².

Несмотря на наличие определенной конфронтации между студентами, сторонниками и противниками советской власти, которые в стенах учебного заведения неоднократно устраивали потасовки, создание пробольшевистски ориентированных студенческих органов (Комиссия по изысканию средств экономического отделения, Красный студенческий союз), руководству факультета удавалось сглаживать остроту проявления конфронтации и обеспечить их мирное сосуществование³.

Весьма насыщенной была научная жизнь. Научными изысканиями были заняты подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава факультета: М. В. Абросимов, доцент Омского политехнического института, М. Э. Гильчер, присяжный поверенный, Г. К. Гинс, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, Н. И. Кохановский, ординарный профессор права Восточного института, Н. И. Миролубов, экстраординарный профессор Иркутского университета, Н. И. Никифоров, экстраординарный профессор Омского коммерческого института, В. А. Рязановский, приват-доцент Демидовского юридического лица, В. И. Сурин, генерал-майор, преподаватель академии Генерального штаба, Н. В. Устрялов, приват-доцент Московского университета, В. В. Энгельфельд, профессор государственного Дальневосточного университета и Пекинского института русского языка и др.

Преподаватели стремились установить и расширить научные связи с коллегами из Европы и США. Так, доцент М. В. Абросимов в 1923 г. посетил ведущие западноевропейские страны, где в библиотеках и научных центрах собрал необходимые данные для своего исследования по теории денежного обращения. В феврале 1929 г. на заседании Русской академиче-

¹ Тельберг Г. Г. Идея войны в новом международном праве // Известия юридического факультета в Харбине. – Харбин, 1927. – Т. IV.

² Старосельская Н. Повседневная жизнь «русского» Харбина // Электронная библиотека LikeBook [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.likebook.ru/book/view/174050> – (Дата обращения: 20.10.2014); Политехник. – Сидней, 1970. – № 2. – С. 64–71; – № 10. – С. 55.

³ Русское слово. – Харбин, 1926. – 17 февраля, – 2 марта, – 5 марта.

ской группы в Париже он защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра политической экономии. В научной командировке в Европу 1925 г. профессором В. В. Энгельфельдом были достигнуты договоренности по осуществлению взаимодействия юридического факультета с русскими научными организациями. Во время пребывания в США Энгельфельду удалось заключить соглашения о сотрудничестве с Калифорнийским, Вашингтонским, Колумбийским, Нью-Йоркским и Чикагским университетами. В Париже он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра государственного права.

Профессор Н. И. Никифоров, занятый исследованием политических процессов периода Реформации, французской и английской революций, в Праге в 1928 г. подтвердил право на соискание ученой степени магистра всеобщей истории. В том же году в годичной научной командировке находился профессор Гинс. Из Франции 16 декабря 1928 г. он писал Н. В. Устрялову: «Многоуважаемый Николай Васильевич! И в Италии, и в Париже я постоянно встречаю возможность приобрести ценные книги. В частности, в Италии много таких книг о фашизме (современном, Вам, по видимому неизвестном), которые дали бы Вам материал для второй части работы о фашизме. Первая очень отстала от жизни. В Париже много новых французских книг <...> которые разбросаны по разным магазинам в разных концах города»¹. Профессор М. Н. Ершов изучал историю отечественной философской мысли.

Выпускник факультета Н. Е. Эсперов, прошедший стажировку в Париже под руководством профессоров П. П. Гронского и Д. М. Одинца, успешно сдавший магистерский экзамен и удостоившийся звания «приват-доцент», специализировался по истории отечественной политической идеологии и праву собственности². Другой молодой юрист, В. В. Голицын, выпускник факультета 1928 г., акцентировал внимание на раскрытии специфики правового регулирования международных отношений в Китае³.

Совет профессоров факультета в соответствии уставом был правомочен выносить рекомендации о допуске соискателей к защите диссертационных исследований. Так, на заседании совета 25 июня 1931 г. был обсужден вопрос о результатах научно-исследовательской деятельности профессора В. А. Рязановского, который являлся специалистом монголь-

¹ Электронная библиотека Куча книг // Устрялов Н. В. Труды [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kuchaknig.ru> – (Дата обращения: 26.05.2014)

² Эсперов Н. Е. Монголия и Россия. (О юридической природе т. н. татарского ига) // Известия Юридического факультета в Харбине. – Харбин, 1936. – Т. XI; Марченко В. А. История создания и деятельности русского юридического факультета в Харбине (1922–1929 гг.) // Издательство «Грамота». [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/40.html – (Дата обращения: 12.12.2011).

³ Голицын В. В. Начало новой эры в международных отношениях Китая // Вестник китайского права. – Харбин. 1931. – Т. I.

ского права¹. После выступления соискателя, заслушивания официальных оппонентов Г. К. Гинса, магистра гражданского права, и Г. Г. Тельберга, магистра государственного права, и ознакомления с отзывами М. Я. Пергамента, магистра гражданского права, и Ф. В. Тарановского, доктора государственного права, Совет профессоров принял решение о допуске профессора Рязановского к защите диссертации в октябре 1931 г. Однако в связи с маньчжурскими событиями защита была отложена на неопределенное время².

Преподаватели факультета опубликовали серию очерков по социально-правовой тематике современного Китая. Так, анализу социально-политической и правовой действительности были посвящены следующие научные работы: «Китайская республика. Законы, постановления», «Правоотношения по недвижимостям в Китае» (В. А. Рязановский), «Новое уголовное уложение Китайской республики. Общая характеристика», «Китайский кодекс полицейских правонарушений» (Н. И. Миролубов), «Законы о торговле в Китае», «Очерки торгового права Китая» (Г. К. Гинс), «Очерки китайского акционерного права (Правление)», «Национальность акционерных обществ» (М. Я. Гильчер), «Преступления против имущества в китайском уголовном праве», «Институт «Соучастия» в китайском уголовном праве: «Из лекций по уголовному праву Китая» (А. А. Камков), «Китайский парламент и парламентаризм», «Политическая доктрина Сунь Ят-сена», «Юридическое положение иностранных концессий в Китае», «Конституционные акты Гоминьдана» (В. В. Энгельфельд) и др.

Вопросы социально-экономического развития получили отражение в следующих исследованиях: «Женщина и труд в современном Китае», «Индустриализация Китая и запросы технического образования», «К характеристике женского вопроса в современном Китае» (М. Н. Ершов), «Железные дороги Китая», «Планы железнодорожного строительства в Китае», «Лесные рынки Маньчжурии» (В. И. Сурин), «Расчетный баланс Маньчжурии» (Н. А. Сетницкий) и т. д. Кроме того, развитию китайского гражданского права, в той или иной степени, способствовали следующие научные исследования: «Основные институты китайского гражданского права» (В. А. Рязановский), «Применение советских законов в китайских судах» (М. Я. Гильчер), «Свобода и принуждение в гражданском кодексе Маньчжу-Ди-Го», «Новое гражданское и торговое право Маньчжу-Ди-Го» (Г. К. Гинс). Их исследования способствовали «не только сближению

¹ Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен. – Харбин, 1924; Он же. Современное гражданское право Китая. – Харбин, 1926–1927. – Вып. 1–2; Он же. Монгольское право и сравнительное правоведение // Известия юридического факультета в Харбине. – Харбин, 1929. – Т. VII; Он же. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Там же. – 1931. – Т. IX; Он же. Монгольское право. – Харбин, 1930; Тельберг Г. Г. [Рец.] В. А. Рязановский. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. – Харбин, 1931. – Т. IX.

² Котт В. Профессорская и педагогическая корпорация юридического факультета в г. Харбине // Политехник. – Сидней, 1969. – № 10. – С. А–5.

культур запада и востока, но и осознанию, что на востоке нарождается новая своеобразная культура, которая окажет, несомненно, большое влияние на дальнейший ход человеческой истории»¹. Кроме того, в работах преподавателей факультета пристальное внимание уделялось широкому комплексу проблем, характерных также и для советской России. В частности, правовые аспекты нашли отражение в работах «Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» (А. А. Камков), «Водное и лесное право СССР» (Г. К. Гинс), «О консульском уставе СССР» (В. А. Овчинников), «Наследственность и ее значение» (Н. Ф. Орлов) и т. д.²

В решении кадровых вопросов руководство опиралось на лучших своих выпускников. К преподавательской деятельности были привлечены С. П. Добровольский (политическая экономия), В. Г. Зейбердих (китайский язык), А. Н. Миролубов (история философии права), Н. И. Прищепенко (гражданское право), Е. И. Титов (этнография и география), Чжан-Чжи И. (политическая экономия), М. Л. Шапиро (торговое право) и В. Ф. Салатко-Петрище (гражданское право)³. Самое пристальное внимание уделялось процессу профессионального становления молодых преподавателей. Так, Г. К. Гинс написал предисловие к работе М. Л. Шапиро «Семейный строй в Японии», которая в 1928–1936 гг. на Юридическом факультете проводила практические занятия по римскому праву⁴.

С установлением в Маньчжурии прояпонского марионеточного режим началось реформирование русских образовательных учреждений. С преобразованием частного юридического факультета по распоряжению управления Главного начальствующего Особого Района Восточных Провинций Китая в марте 1929 г. в государственное учреждение «Юридический факультет Особого Района Восточных Провинций» были ликвидированы органы самоуправления факультета: Комитет, правление, профессорский дисциплинарный суд факультета. Ректором был назначен китаец Чжан Го-чен. Китайская администрация разделила факультет на русскоговорящую и китайскую части. Студентов-первокурсников обязали слушать лекции на китайском языке. Только профессура русского отделения сумела сохранить академическую автономию. В результате нововведений юридический факультет перестраивался по образцу китайских вузов. Существенно ухудшилось финансирование. Уже в 1929 г. факультет перестал получать субсидии от КВЖД и бесплатно пользоваться помещениями коммерческого училища и Политехнического института.

¹ К XV-летию Юридического факультета в г. Харбине. Харбин, 1935. – С. 31.

² Гинс Г. К. Водное и лесное право в СССР // Вестник Маньчжурии. – 1927. № 7; Камков А. А. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР // Там же. – 1926. № 10; Овчинников В. А. О консульском уставе СССР // Известия Юридического факультета в Харбине. – Харбин, 1928. – Т. V; Орлов Н. Ф. Наследственность и ее значение. Там же. – 1933. – Т. X.

³ Политехник. – Сидней. 1969. – № 10. – С. А–5.

⁴ Шапиро М. Л. Семейный строй в Японии / Предисл. Г. К. Гинса. – Харбин, 1925.

Проблемы усугубились существовавшими внутренними противоречиями. В июне 1934 г. профессорско-преподавательский состав раскололся на два противоположных лагеря: эмигрантов и китайских граждан, с одной стороны, и лиц, принявших советское подданство, с другой. Финалом обострения противоречий, по свидетельству Н. В. Устрялова, стало нарушение профессорами Гинсом и Никифоровым «джентльменского соглашения об академическом облике» юридического факультета, установленного в преподавательской среде, согласно которому провозглашалась аполитичность и обязательность коллегиального принятия решений. Они предложили отпраздновать 15-летний юбилей образовательного учреждения, с приглашением на торжество представителей эмигрантских кругов, в том числе художника Н. Рериха¹. Мероприятие состоялось, несмотря на несогласие определенной части преподавательского состава факультета. На следующем собрании профессорско-преподавательского состава факультета большинство из присутствовавших выразило «сожаление по поводу осложнений, имевшихся в последнее время в жизни факультета» и поддержало решение, по которому инцидент считался исчерпанным². В то же время профессора и преподаватели – В. А. Рязановский, Е. М. Чепурковский, Н. В. Устрялов, М. Н. Ершов, А. А. Камков, В. И. Сурин, А. И. Гражданцев, Н. А. Сетницкий, Н. Н. Трифонов, принявшие советское гражданство или прибывшие из СССР, выразив свое недовольство, в качестве протеста уволились с факультета. Попытка заменить ушедших коллег новыми преподавателями не увенчалась успехом. Из-за нехватки финансовых средств из числа приглашенных из Европы профессоров Н. С. Тимашева и К. И. Зайцева, Б. С. Ижболдина, доктора политической экономии Берлинского университета, смог приехать только К. И. Зайцев.

Происходил постепенный закат юридического факультета. Последнее публичное заседание Совета профессоров юридического факультета в Харбине состоялось 29 ноября 1937 г. Профессора Н. И. Никифоров и Г. К. Гинс в выступлениях почтили память безвременно скончавшегося профессора В. В. Энгельфельда. Георгий Константинович в сообщении на тему «Новое право» осуществил собственную интерпретацию «регулятивного права», отличной по своей природе как от частного, так и от публичного права. На последнем выпуске факультета студенты зачитали адрес, в котором говорилось следующее: «Дорогие учителя! Вы не забыли о своем долге, первая ваша мысль была о науке, первым плодом ваших трудов явилось создание русского культурного очага за границей – первого зарубежного русского высшего учебного заведения. Большую задачу выполнил

¹ Письмо Н. В. Устрялова к Г.Н. Дикому 28 июня 1934 г. // Коллекция Николая Васильевича Устрялова. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета URL: <http://knigo.com/p/philos/ustryalov> – (Дата обращения: 12.12.2011).

² Известия Юридического факультета в Харбине. – Харбин, 1938. – Т. XII. – С. 34.

основанный вами юридический факультет. Он хранил здесь русскую правовую науку и ее лучшие традиции, попираемые, разрушаемые и уничтожаемые большевистской властью в России. Много сделал он для сближения русской культуры с культурой Востока, найдя для них язык взаимопонимания. <...> Вы зажгли здесь факел Русской Правовой Науки. И этот факел ярко горел в продолжение 18 лет <...> Свет Просвещения, полученного от него, продолжает гореть в наших сердцах, в сердцах нескольких сот Ваших питомцев»¹.

Несмотря на объединение с педагогическим институтом в марте 1936 г., юридический факультет продолжал испытывать значительные трудности в функционировании, окончательно прекратив существование 1 июля 1937 г. Стремительно ухудшалось финансовое положение педагогического института. В конечном счете вся собственность юридического факультета и педагогического института была передана Высшему коммерческому институту, созданному в апреле 1937 г. японской администрацией, куда перешли некоторые профессора и часть студентов.

Представители научной и творческой интеллигенции постепенно стали съезжать с насиженных мест. В 1935 г. уехал в СССР Н. В. Устрялов, где в 1937 г. был обвинен в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации» и расстрелян. В 1938 году В. А. Разяновский выехал в США, куда впоследствии переехали Г. К. Гинс и Н. П. Автономов. В Нанкинский университет перебрался А. Г. Гражданцев. Г. Г. Тельберг первоначально уехал в Циндао, откуда после Второй мировой войны перебрался в США. Многие русские харбинцы перебрались в Австралию.

На факультете за 17 лет ее существования прошли обучение более 3 тыс. студентов. Успешно завершили учебное заведение и получили дипломы I и II степени 232 студента, из которых по юридическому отделению – 143, по экономическому отделению – 89². Кроме русскоязычных студентов были 17 лиц китайской национальности, 2 маньчжура, 1 японец, 1 кореец и 1 германский подданный. Больше всего выпускников было в 1925 г. – 44 человека, меньше всего в 1923 г. – 6 человек.

Выпускниками юридического факультета, получившими признание как в отечественной и эмигрантской культуре, так и в стране пребывания стали: В. П. Петров [Victor P. Petrov] – преподаватель университета штата Калифорния и Университета Виктории в Британской Колумбии, историк, географ и русско-американский писатель, Н. Е. Эсперов, приват-доцент, Валерий Перелешин (В. Ф. Салатко-Петрише) – русский поэт, журналист, мемуарист «первой волны» русской эмиграции, Н. В. Петерек – поэт, прозаик, литературный критик, журналист, О. А. Скопиченко (Коновалова) –

¹ Известия Юридического факультета в Харбине. – Харбин, 1938. – Т. XII. – С. 3.

² Косинова О. А. Юридическое образование российского зарубежья в Китае в первой трети XX века // Современное право. – 2007. – № 11. – С. 113.

поэтесса и писательница, Е. Н. Рачинская – писательница, Н. С. Резникова – поэтесса, М. И. Забейда-Сумицкий – белорусский оперный певец, педагог, В. П. Камкин – русский книгоиздатель, А. Г. Малявкин – историк, востоковед и переводчик, В. С. Таскин – советский китаевед и переводчик, К. В. Родзаевский – руководитель русской фашистской организации. Из выпускников китайской национальности Ли Шао-ген стал дубанем Северо-Маньчжурской железной дороги.

Профессорско-преподавательский состав факультета неизменно был представлен на международных форумах, конференциях и иных мероприятиях, проводимых в регионе. Так, делегатом третьего Тихоокеанского конгресса (Токио, 30 октября–11 ноября 1926 г.) стал профессор юридического факультета Е. М. Чепурковский. На конференции Всемирной христианской студенческой федерации, проведенной в 1922 г. в Пекине, Л. А. Зандер представлял юридический факультет в Харбине¹. Весьма значимой была роль профессорско-преподавательского состава юридического факультета в культурной жизни города.

Преподаватели юридического факультета были востребованными квалифицированными специалистами. Их приглашали проводить занятия в Институте ориентальных и коммерческих наук, Педагогическом институте, Харбинском русско-японском институте и иных высших учебных заведениях. Нередко они возглавляли русские средние учебные заведения, в которых проводили занятия. Например, профессор Н. И. Никифоров возглавил гимназию ХСМЛ, созданную в 1925 г., в которой программа и учебные планы были тщательно разработаны специальной комиссией. В гимназии на момент открытия обучалось около 200 учащихся². Современники весьма высоко оценивали уровень и систему обучения на юридическом факультете³. «Харбинский юридический факультет, – подчеркнул М. И. Раев, – несмотря на свое изолированное положение, внес заметный вклад в интеллектуальную жизнь Русского Зарубежья, поскольку дал солидную подготовку целому ряду молодых эмигрантов, которые впоследствии продолжили образование в других странах, главным образом в США <...> Уровень, на котором проводились исследования, был столь велик, что вклад факультета в науку сохраняет свою актуальность и по сей день»⁴. В условиях отсутствия в Китае высших учебных заведений европейского образца, квалифицированных научных и преподавательских кадров, практического опыта по организации учебного процесса создание эмигрантами высших учебных заведений в Харбине, которые функционировали по меньшей мере на протяжении полутора десятилетия, можно рассматривать

¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. – Paris, 1973. – С. 59.

² Хроника Х.С.М.Л. в Харбине // ХСМЛ-УМСА. Журнал. – Харбин, 1926. – Вып. 4. – С. 26.

³ Курилов В. И., Самусенко Т. М., Сонин В. В. Пятьдесят лет юридическому образованию в Дальневосточном государственном университете // Правоведение. – 2008. – № 4. – С. 7.

⁴ Стародубцев Г. С. Русское юридическое образование в Харбине (1919–1937) // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 6. – С. 151.

как деятельность по созданию основ университетского образования в стране.

На юридическом факультете сложилась подлинная академическая обстановка, создающая условия для получения классического высшего образования. Усилиями преподавателей факультета, по мнению профессора Г. С. Стародубцева, успешно решалась задача сохранения и передачи молодому поколению традиций дореволюционной правовой мысли¹. Учитывая тот факт, что из-за отсутствия марксистских кадров в советских университетах с 1918 г. были ликвидированы юридические факультеты, а на образованных факультетах общественных наук практически было прекращено обучение юристов, юридический факультет в Харбине стал единственным учебным заведением на Дальнем Востоке, где осуществлялась подготовка высококвалифицированных юридических кадров. «По многим причинам Харбин и его эмиграция войдут самостоятельно в историю российской эмиграции, и одной из главных причин к этому окажется то научное горение группы молодых профессоров, которые в 1920 г. в полудикой, колониального типа стране, не имевшей ни университетов, ни культурных соседних европейских стран, ни университетских традиций, ни библиотек, ни научных сил, кроме этих нескольких приезжих еще недавних российских приват-доцентов, ни специальных сумм, ни привыкшего жертвовать на учебные заведения культурного купечества, буквально из ничего создали на маньчжурском черноземе громадное, прекрасное высшее учебное заведение, признанное Сорбонной и всеми европейскими и американскими университетами, принимавшими наших питомцев на соответствующие курсы», – отмечалось в русскоязычной прессе².

По существу, в Русском Харбине эмигранты смогли воссоздать российскую систему высшего образования, развить ее на должном уровне с учетом мировых достижений и обеспечить подготовку высококвалифицированных кадров. Помимо осуществления образовательной деятельности студенческая молодежь активно вовлекалась в преподавательскую и научно-исследовательскую работу, что позволило подготовить собственные научные кадры и передать лучшие научные традиции молодому поколению. Русские ученые внесли значительный вклад в правоведение, социальную науку и иные дисциплины. Их усилиями произошло оформление научных школ и направлений как гуманитарного, так и естественнонаучного профиля. Кроме того, был накоплен определенный опыт в обучении иностранных студентов. В целом российская эмиграция смогла создать своеобразный социокультурный феномен, оказавший существенное влияние на научную и культурную жизнь Китая.

---

¹ Стародубцев Г. С. Русское юридическое образование в Харбине. – С. 140–151; Он же. Юридический факультет в Харбине (к 80-летию со дня основания) // Юридическое образование и наука. – 2000. – № 2. – С. 34–40.

² Луч Азии. – Харбин, 1938. – № 48/8. – С. 19.

В завершение рассмотрения проблемы развития высшего образования в русском зарубежье следует отметить, что уже к 1929 г. в русской эмиграции высшее образование смогли получить 6 тыс. студентов. Около 5 тыс. молодых людей обучались и 7 тыс. лиц из числа работающих прошли или продолжали обучение заочно. В то же время, несмотря на проводимую эмигрантами большую подвижническую работу по получению российской молодежью высшего образования, не следует особо преувеличивать данное направление деятельности. В организации обучения российской молодежи присутствовал комплекс проблем. Основной причиной являлось нежелание правительств ряда западноевропейских стран участвовать в повышении образовательного уровня россиян-эмигрантов. В частности, в Германии, по данным Объединения русских студенческих эмигрантских организаций, обучалось только около 1200 русских студентов, а во Франции – 400. В восточно-европейских странах, во многом из-за близости культур, языковой барьер был менее ощутим, что создавало большие возможности в получении образования. Например, в Сербии училось 1500 человек, в Болгарии – 1200, в Польше – 700. Приятное исключение составляло положение в Чехословакии, где на правительственном уровне оказывалась поддержка в подготовке кадров для будущей России¹. Уже к апрелю 1922 г. в чехословацких вузах насчитывалось около 1800 студентов, находящихся на полном иждивении. Общее же количество обучаемых приближалось к трем тыс.²

Если в первое десятилетие послереволюционного зарубежья, благодаря поддержке общественных организаций, иностранным правительственным субсидиям, частным пожертвованиям, притоку абитуриентов и т. д., эмигрантская высшая школа весьма интенсивно развивалась, то впоследствии, в 1928–1933 годы, из-за сокращения инвестиций, упрочения советской власти и отсутствия необходимости подготовки русскоязычных квалифицированных специалистов, неизбежной адаптации молодежи к стране пребывания происходит постепенное сворачивание деятельности русских вузов. В преддверии Второй мировой войны большинство русских высших учебных заведений прекратили свое существование. Во многом оставляло желать лучшего качество обучения в русскоязычных учебных заведениях. «Посещаемость этих курсов и преподавание, вспоминал В. М. Вишняк, не могли, конечно, идти ни в какое сравнение количественно и качественно с обязательными курсами, которые одновременно читали французские профессора или в свое время русские в своих русских университетах. <...> Что именовалось юридическим факультетом русских эмигрантов в Париже 20–30-х гг., имело очень немногочисленную аудито-

¹ Быстров Н. В. Русское студенчество в эмиграции // Крестьянская Россия. – Прага, 1923. – Сб. 4. – С. 158–161.

² Кашапов У. А. Указ. раб. – С. 162.

рию»¹. В Праге из 1193 студентов набора 1923 г. смогли выполнить полный минимум только 473 студента (39 процентов), более половины минимума – 331 студент (28,5 процента), менее половины минимума – 285 студентов (24 процента) и не смогли сдать минимум 82 студента (7 процентов)².

В преподавательской практике активно внедрялись принципы развития навыков самообразования, формирования научного мышления студентов, акцентировалось внимание на прикладных аспектах учебных дисциплин. Вместе с тем только для небольшой их части был характерен полный образовательный цикл, обеспечивавший профессиональное образование на уровне стандартов высшей школы. Большинство высших учебных заведений русского послереволюционного зарубежья представляли собой структуры дополнительного высшего образования, повышения квалификации, факультеты при иностранных университетах и институтах. По мнению профессора В. В. Костикова, исследователя русского послереволюционного зарубежья, наука и высшая школа в эмиграции «можно сказать, была обречена на активное существование в силу хотя бы того прискорбного факта, что советская Россия с вызывающей... неосмотрительностью выпроваживала в эмиграцию свои академические силы»³. Из высших учебных заведений русского зарубежья, осуществлявших профессиональную подготовку юристов по программам дореволюционных вузов, достаточно длительное время выделялись юридические факультеты в Праге и Харбине.

В условиях эмиграции был накоплен определенный опыт правового образования и создан квалифицированный преподавательский состав. Обучение предусматривало последовательное освоение теоретических знаний, отличалось систематичностью и достаточно четкой организационной структурой. В учебном процессе использовались прогрессивные формы и методы обучения, направленные на формирование и развитие профессионального мышления. Интенсивно издавались научная, учебная и учебно-методическая литература. В учебном процессе широко использовались авторские программы и учебные пособия. Высшие учебные заведения довольно тесно взаимодействовали друг с другом. В профессорско-преподавательском корпусе происходил довольно интенсивный обмен опытом работы.

Таким образом, можно по праву утверждать, что высшая школа русского послереволюционного зарубежья представляла собой своеобразный феномен. Благодаря совместным усилиям всего русского зарубежья большая часть эмигрантской молодежи смогла продолжить образование и получить квалифицированную специальность. Преимущественно развива-

---

¹ Вишняк М. Годы эмиграции. 1919–1969. (Воспоминания). – Париж–Нью-Йорк, 1970. – С. 94.

² ГАРФ. Ф. 5837. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 459.

³ Костиков В. Указ. раб. – С. 239.

лись университетское, экономическое, юридическое, богословское, техническое, педагогическое, сельскохозяйственное, филологическое и военное направления высшего профессионального образования. В целом наличие русскоязычной системы высшего образования стало действенным фактором, способствовавшим сохранению национальной идентичности, противодействию ассимиляционным и денационализационным процессам.

Русская эмиграция послереволюционной волны не только смогла сохранить культурное и национальное самосознание, но и внесла значительный вклад в общемировую культуру. Для значительной части студенческой молодежи обучение в высших учебных заведениях способствовало не только процессу успешной социализации, но и сохранению национальной идентичности. Кроме того, образовательная и профессиональная подготовка позволяли эмигрантской молодежи успешно интегрироваться в иную культурную среду. Значительная часть выпускников русских вузов, особенно получивших политехническое образование, состоялись как квалифицированные специалисты. Высшая школа русского послереволюционного зарубежья по мере реализации задач, поставленных перед нею, была вынуждена постепенно сворачивать свою деятельность. В контексте развития международных русско-национальных университетов в постсоветских странах и сегодня особый интерес представляет исторический опыт русской высшей школы послереволюционного зарубежья. Кроме того, изучение научной и педагогической культуры наших соотечественников, приложивших в очень сложных условиях немало усилий к сохранению и приумножению лучших российских традиций, позволяет воссоздать и использовать их методологические подходы, исследовательские принципы и педагогическое мастерство в современном образовании.

Заключение

Существовавшее противопоставление Советской России и русского зарубежья разделяло развитие отечественной культуры. Официальным подтверждением национального примирения стал Конгресс соотечественников, проведенный в августе 1991 г. в России, на котором присутствовали представители российской диаспоры из многих стран мира. Российское послереволюционное зарубежье не могло идентифицировать себя с советской Россией и не хотела ассимилироваться в западной культуре. Просветительская деятельность в эмиграции имела гуманистический характер. В русскоязычных высших учебных заведениях преподаваемые дисциплины были тесно связаны с общественной практикой, имели сугубо прикладной характер. Воспитательный процесс в образовательных учреждениях был направлен на подготовку человека, обладающего широким кругозором, и формирование истинного патриота России.

Научная мысль российского послереволюционного зарубежья, основываясь на лучших отечественных традициях, продолжала развиваться в изгнании, опираясь на принципы государственной, психологической, социологической и других школ. В области юридической науки были определены ряд научных и политико-правовых проблем, недоступных для исследователей в Советской России. Весьма ощутимым было влияние идей и концептуальных установок россиян-эмигрантов на развитие западноевропейской социологии, политологии, социологии права, культурологии и т. д. Специфика развития русского зарубежья состояла в том, что традиции дореволюционной духовной, научной и социальной культур поддерживались в основном представителями послереволюционной волны. Русская эмиграция неизбежно должна была интегрироваться в инокультурную среду и ассимилироваться, что произошло если не в первом, то во втором поколении. «Первые эмигранты, за редким исключением, – отмечалось в газете «Новая заря», – не воспитали своих детей русскими. Их дети получили хорошее образование, но не интересовались Россией, и многие даже изменили свои русские фамилии. Следующее поколение ассимилировалось на сто процентов, т. е. полностью растворилось среди местного населения»¹. Не случайно писатель-эмигрант В. Варшавский назвал их «незамеченным поколением». Тем не менее опыт русского зарубежья свидетельствует о том, что усилиями научной и творческой интеллигенции отечественная социокультурная ментальность смогла успешно противостоять ценностям западного мира. Сегодня для институтов власти и современной отечественной науки представляется весьма востребованным научный и культурный потенциал русского послереволюционного зарубежья в анализе правовых и социокультурных факторов развития общества.

---

¹ Назаров С. И. Три эмиграции // Новая заря. – 1966. – 28 июня.

Использованная литература

Автономов Н. П. Высшая школа в Харбине. К истории ее возникновения [Текст] / Н. П. Автономов // Харбинские коммерческие училища.– Сан-Франциско, 1960. – № 7.

Алексинская Т. Эмиграция и ее молодое поколение [Текст] / Т. Алексинская // Возрождение. – Париж, 1957. – № 65.

Ахиезер А. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект [Текст] / А. Ахиезер // Свободная мысль. – М., 1993. – № 7.

Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае [Текст] / С. С. Балмасов. – М., 2007.

Баранов В. М. Правокультурное восприятие мира Г. К. Гинсом [Текст] / В. М. Баранов // Гинс Г. К. Право и культура. – М., 2012.

Баранова-Шестова Н. Николай Бердяев и Лев Шестов. Переписка и воспоминания [Текст] / Н. Баранова-Шестова // Континент. – Мюнхен, 1981.

Бегидов А. М. Военное образование в зарубежной России [Текст] / А. М. Бегидов. 1920–1945. – М., 2001.

Бем А. Л. Школа и дети в эмиграции [Текст] / А. Л. Бем // Свободная Россия. – Прага, 1924. – № 3.

Бердяев Н. Письма к молодежи [Текст] / Н. Бердяев // Студенческий бюллетень. – Париж, 1930. – № 10.

Бирюкова К. В. Социальная адаптация российских студентов-эмигрантов в Центральной и Восточной Европе в 1920–1940 гг. [Текст] / К. В. Бирюкова. – СПб., 2012.

Борисов В. П. Формирование научного центра российской эмиграции в Чехословакии [Текст] / В. П. Борисов, В. А. Волков, М. В. Куликова // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований: сб. докладов: в 2 ч. – Прага, 1995. – Ч. 1.

Бочарова З. С. «... Не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы [Текст] / З. С. Бочарова. – СПб., 2005.

Бочарова З. С. Организация образования в российском зарубежье: правовые основы и исторический опыт 1920–30-х годов [Текст] / З. С. Бочарова // Право и образование. – 2005. – № 6.

Булгаков С. Н. Автобиографические заметки [Текст] / С. Н. Булгаков. – Париж, 1946.

Быстров Н. В. Русское студенчество в эмиграции [Текст] / Н. В. Быстров // Крестьянская Россия: сб. ст. по вопросам общественно-политическим и экономическим. – Прага, 1923. – Вып. IV.

Ван Чжичэн. Русская эмиграция в Шанхае [Текст] / Чжичэн Ван. – М., 2008.

Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн» [Текст] / М. Г. Вандалковская. – М., 1997.

Вестник Русского национального комитета [Текст]. – Париж, 1923. – № 7.

Вишняк М. Годы эмиграции. 1919–1969. (Воспоминания) [Текст] / М. Вишняк. – Париж–Нью-Йорк, 1970.

Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. 11–12 октября 2001 г. Москва. Итоговые материалы [Текст] / В. В. Путин. – М., 2001.

Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии [Текст] // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. – М., 1994.

Гинс Г. К. Юридический факультет в Харбине 1920–1930 // Известия Юридического Факультета в Харбине [Текст]. – Харбин, 1931. – Т. IX.

Ганин В. В. Профессура и студенчество русского юридического факультета в Праге (1922–1930-е гг.) [Текст] / В. В. Ганин // Юридическое образование и наука. – 2005. – № 3.

Гессен С. И. [Рец.] Руднев В. Зарубежная русская школа, 1920–1924 гг. Париж, 1924 [Текст] / С. И. Гессен // Современные записки. – Париж, 1924. – Кн. XXII.

Гиппиус З. История моего дневника [Текст] / З. Гиппиус // Русская мысль. – Прага, 1922. – Т. 3. – Кн. 4.

Гончаренко О. Г. Русский Харбин [Текст] / О. Г. Гончаренко. – М., 2009.

Горкавенко Н. Л., Гридина Н. П. Русская интеллигенция в изгнании в Маньчжурии. 1917–1946 гг. [Текст] / Н. Л. Горкавенко, Н. П. Гридина – Владивосток, 2002.

Горяинов А. Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии [Текст] / А. Н. Горяинов // Культура российского зарубежья: сб. ст. / Под ред. А. В. Квакина. – М., 1995.

Даватц В. Русская школа и наука [Текст] / В. Даватц // Часовой. – 1939. – № 236–237.

Дом в изгнании (Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945) [Текст]. – Прага, 2008.

Егерев С. Диалоги с диаспорой [Текст] / С. В. Егерев // Отечественные записки. – 2002. – № 7.

Егерев С. В. Российская научная диаспора [Текст] / С. В. Егерев // Вестник РАН. – 1997. – Т. 67.

Жизнь студенчества // Вестник Русского студенческого христианского движения [Текст]. – Париж, 1932. – № 1.

Зворыкин Н. Н. К возрождению России [Текст] / Н. Н. Зворыкин. – Париж, 1929.

Зернов Н. За рубежом [Текст] / Н. Зернов. – Париж, 1973.

Иванов А. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX столетий [Текст] / А. Иванов // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1974. – Кн. 116.

Исаев И. А. Русская юридическая наука за рубежом: 20-е – начало 30-х годов [Текст] / И. А. Исаев // Государство и право. – 1994. – № 7.

Их дальний путь лежал в изгнание [Текст] ...: антология-хрестоматия произведений литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока / авт.-сост. С. И. Якимова и [др.]. – Хабаровск, 2011.

Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа [Текст] / В. М. Кабузан. – СПб., 1996.

Кашапов У. А. Из истории становления и развития социально-правовой мысли в России: учебное пособие [Текст] / У. А. Кашапов, С. В. Мотин, Э. Д. Хафизов. – Уфа, 2005.

Квакин А. В. Между белыми и красными: рус. интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего пути / А. В. Квакин. – М., 2006.

Кесева Ц. Болгария и русская эмиграция. 1920–1950-е годы [Текст] / Ц. Кесева. – М., 2008.

Ковалев М. В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е годы [Текст]: исторические очерки / М. В. Ковалев. – Саратов, 2014.

Ковалевский Е. П. Проблема просвещения русского юношества [Текст] / Е. П. Ковалевский // Труды IV съезда Русских Академических организаций за границей. – Белград, 1929. – Ч. 1.

Ковалевский П. Е. Зарубежная история. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) [Текст] / Е. П. Ковалевский. – Париж, 1971. Т. I.

Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск [Текст] / Е. П. Ковалевский. – Paris, 1973.

Ковальчук М. А. Ответ пессимисту [Текст] / М. А. Ковальчук // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». – 2012. – № 1 (33).

Колчинский Э. И. Наука и эмиграция: судьбы и цифры [Текст] / Э. И. Колчинский // Зарубежная Россия 1917–1939: сб. ст. – СПб., 2003. – Кн. 2.

Коренева О. С. Наш город [Текст] / О. С. Коренева // Политехник. – Сидней, 1967. – № 10.

Костиков В. Не будем проклинать изгнание ... Пути и судьбы русской эмиграции [Текст] / В. Костиков. – М, 1990.

Кочаровский К. Р. Строение России [Текст] / К. Р. Кочаровский // Воля России. – 1922. – № 1–2.

Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918–1940-е гг.), или За что их расстреливали и депортировали (для тех, кто хочет понять смысл права) [Текст]: монография / О. А. Кудинов. – М., 2006.

Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1949) / Отв. ред. А. И. Букреев [Текст] / Т. В. Кузнецова. – Хабаровск, 2003.

Курамина Н. В. Высшая школа в зарубежной России. 1920–1930-е гг. [Текст] / Н. В. Курамина. – М., 2003.

Курилов В. И., Самусенко Т. М., Сонин В. В. Пятьдесят лет юридическому образованию в Дальневосточном государственном университете [Текст] / В. И. Курилов и [др.] // Правоведение. – 2008. – № 4.

Кьосева Ц. Русские эмигрантские организации в Болгарии (общая характеристика) [Текст] / Ц. Кьосева // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Минск, 2007. – Вып. 2.

Лазарева С. И. Русские школы и вузы в Маньчжурии 20-30- гг. [Текст] / С. И. Лазарева, А. Н. Шпилева // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2011. – № 4.

Лаптева Л. П. Русская академическая эмиграция в Чехословакии в 20–30-х годах XX века [Текст] / Л. П. Лаптева // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. – М., 1996.

Ли Сингэн. Русские эмигранты в Китае (1917–1945) [Текст] / Сингэн Ли. – Пекин, 1997.

Лидин Н. Русская эмиграция на Дальнем Востоке [Текст] / Н. Лидин // Русские записки. – Париж, 1937. – № 1.

Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь [Текст] / Н. О. Лосский. – Мюнхен, 1968.

Матвеева И. В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний [Текст] / И. В. Матвеева // Славянский альманах. – М., 2004.

Мелихов Г. В. Белый Харбин: середина 20-х [Текст] / Г. В. Мелихов. – М., 2003.

Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) [Текст] / Г. В. Мелихов. – М., 1997.

Мещерский А. П. Заметки и материалы к библиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии. 1920–1944 [Текст] / А. П. Мещерский. – София, 1955–1956.

Миленкович Т. Общество русских ученых в Югославии 1920–1941 [Текст] / Т. Миленкович // Русская эмиграция в Югославии: сб. ст. – М., 1996.

Михальченко С. И. Русские юристы в эмиграции в 1920-е годы (по неопубликованным материалам) [Текст] / С. И. Михальченко, В. П. Пономарева // Ученые записки Орловского государственного университета. – Орел, 2012. – № 1.

Набоков В. В. Другие берега [Текст] / В. В. Набоков // Собр. соч. – М., 1990. – Т. 4.

Назаров С. И. Три эмиграции [Текст] / С. И. Назаров // Новая заря. – 1966. – 28 июня.

Наука и культура русского зарубежья [Текст] / Междунар. центр «Консонанс», Междунар. ассоц. «Диалог культур», Науч. координац. совет гос. н.-и. прогр. «Народы России: возрождение и развитие». – М., 1997. – Т. 146.

Неймер Ю. Л. Иммиграция в США, русская и иная [Текст] / Ю. Л. Неймер // Мир России. – 2003. – № 1.

Нерсисян В. Многонациональное единство Российского государства [Текст] / В. Нерсисян // Возрождение. – Париж, 1966. – № 176.

Никитин А. Отцы и дети в русской эмиграции [Текст] / А. Никитин // Вестник РСХД. – Париж, 1932. – № 5.

Новиков М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей [Текст] / М. Новиков. – Прага, 1935.

Новиков М. Русские эмигранты в Праге [Текст] / М. Новиков // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1957. – Кн. XLIX.

Новиков М. М. Московский университет в первый период большевистского режима [Текст] / М. М. Новиков // Московский университет, 1875–1930. – Париж, 1930.

Оноприенко В. И. Русская наука в изгнании [Текст] / В. И. Оноприенко // Вестник АН СССР. – 1990. – № 5.

Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000 [Текст]: сборник статей. – М., 2009.

Потапова И. В. Русская школа в Маньчжурии. 1898–1945 годы [Текст]: монография / И. В. Потапова. – Хабаровск, 2010.

Проблемы изучения истории русского зарубежья [Текст] : сб. ст. / Институт рос. истории РАН. – М., 1993.

Путин В. В. Россия: национальный вопрос [Текст] / В. В. Путин // Независимая газета. – 2012. – 23 января.

Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923–1938) [Текст]. – Прага, 1938.

Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции (1919–1939) [Текст] / М. Раев. – М., 1994.

Резникова Н. В русском Харбине [Текст] / Н. Резникова // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1988. – № 172–173.

Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) [Текст] : учебное пособие. – М., 1994.

Российское научное зарубежье [Текст] : материалы для библиографического словаря. – М.: Дом Русского Зарубежья, 2010.

Русская академическая группа в Эстонии. Очерк деятельности за 10 лет. 1920–1930 [Текст]. – Юрьев, 1931.

Русские в Праге 1918–1928 / ред.-изд. С. П. Постников [Текст]. – Прага, 1928. (Репринт. – СПб., 1995).

Русские студентки в Бельгии [Текст] // Вестник Русского студенческого христианского движения. – Париж, 1932. – № 3.

Русские студенты за границей [Текст] // Русский альманах: справочник. – Париж, 1930.

Русский исход / отв. ред. Е. М. Миронова [Текст]. – СПб., 2004.

Сабенникова И. В. Российская эмиграция 1917–1939 гг.: структура, география, сравнительный анализ [Текст] / И. В. Сабенникова // Российская история. – 2010. – № 3.

Савицкий И. Грустный юбилей: к 70-летию со дня открытия Русского юридического факультета в Праге [Текст] / И. Савицкий, Э. Савицкая // Государство и право. – 1992. – № 6.

Самарин В. Нравственное осмысление 60-ти лет эмиграции [Текст] / В. Самарин // Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1981. – 27 марта.

Семенова С. Г. Философская мысль и пореволюционные течения 1930-х годов в эмиграции [Текст] / С. Г. Семенова // Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. – М., 2003. – Ч. 2. – С. 195–211.

Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы) [Текст]: монография / Е. П. Серапионова. – М., 1995.

Сорокин П. Второе письмо другу [Текст] / П. Сорокин // Борьба за Россию. – Прага, 1923. – № 114.

Сорокин П. А. В чем состоит творческая роль русской эмиграции // Хранилища памятников культуры и истории зарубежной Руси [Текст] / П. А. Сорокин. – Сан-Франциско, 1966.

Сорокин П. А. Долгий путь [Текст]: автобиографический роман / П. А. Сорокин / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. – Сыктывкар, 1991.

Старк Б. Россия и эмиграция [Текст] / Б. Старк // Вестник РСХД. – Париж, 1928. № 7.

Стародубцев Г. С. Русское юридическое образование в Харбине (1919–1937) [Текст] / Г. С. Стародубцев // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 6.

Стародубцев Г. С. Судьба и работы русских юристов-международников в 1917–1922 гг. [Текст] / Г. С. Стародубцев // История государства и права. – 2000. – № 2.

Стародубцев Г. С. Юридический факультет в Харбине (к 80-летию со дня основания) [Текст] / Г. С. Стародубцев // Юридическое образование и наука. – 2000. – № 2.

Струве П. Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина [Текст] / П. Б. Струве / сост. А. В. Хашковский. – СПб., 2000.

Сухарев Ю. Н. Материалы к истории русского научного зарубежья [Текст] / Ю. Н. Сухарев. В 2-х кн. – М., 2002.

Съезды русских академических организаций за границей [Текст]. – Прага, 1923.

Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика [Текст]: по материалам Международной научной конференции. – М., 2005.

Тесемников В. А. Белград как один из научных центров зарубежья [Текст] / В. А. Тесемников // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. – М., 1994. – Кн. 1.

Тесемников В. А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945) [Текст] / В. А. Тесемников // Вопросы истории. – 1988. – № 10.

Тимашев Н. С. Как я стал социологом [Текст] / Н. С. Тимашев // Социологические исследования. – 1994. – № 4.

Тимашев Н. С. Предисловие [Текст] / Н. С. Тимашев // Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. – Нью-Йорк, 1952. – Т. 1.

Тимашева Т. Воспоминания [Текст] / Т. Тимашева // Вестник русского христианского студенческого движения. – Париж. – Вып. I–II. 1929. – Вып. I.

Ушкалов И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность [Текст] / И. Ушкалов // Миграция и безопасность в России. – М., 2000.

Федоров Н. Ф. Современное юношество [Текст] / Н. Ф. Федоров // Вестник РСХД. – Париж, 1928. – № 8.

Фрейнкман-Хрусталева Н. С., Новиков А. И. Эмиграция и эмигранты: история и психология / научн. ред. проф. Г. А. Тишкин [Текст] / Н. С. Фрейнкман-Хрусталева, А. И. Новиков. – СПб., 1995.

Цюцзе Чэн. Влияние КВЖД на численность населения Харбина [Текст] / Чэн Цюцзе // Россия и Азиатско-Тихоокеанский Регион. – 2011. – № 1.

Шиляев Е. Общественно-культурная, религиозная и политическая жизнь Харбина [Текст] / Е. Шиляев // Записки Русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1994. – Т. 26.

Щелков А. А. Русско-Китайский политехнический институт в Харбине [Текст] / А. А. Щелков // Высшая школа в Харбине. – Харбин, 1922. – № 1.

Бирман М. Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении) [Текст] / М. Бирман // Новый журнал. – 2000. – Кн. 218.

Горяинов А. Н. Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии (20-30-е годы) [Текст] / А. Н. Горяинов // Славянский альманах 1997. М., 1998.

Сабенникова И. В. Высшая школа Русского Зарубежья: (проблемы архивной эвристики) [Текст] / И. В. Сабенникова // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: проблемы взаимодействия на современном этапе. – М., 1995.

Возникновение и деятельность Русского научно-исследовательского объединения в Чехо-Словакии [Текст]. – Прага, 1938.

Мурашева Л. П. Из истории культурно-просветительной деятельности российской эмиграции в Чехословакии в 20–30-е гг. [Текст] / Л. П. Мурашева, В. Б. Перхавко // Вестн. Моск. ун-та. – Сер.8. – История. – М., 1994. – № 3.

Издания на иностранных языках

Andreev C. Russia abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938 [Text] / C. Andreev. – London: Yale University Press, 2005.

Chapin Hutingdon W. The Homesick Million: Russia-out-of-Russia [Text] / Hutingdon W. Chapin. – Boston (Mass.): The Stratford Company Publishers, 1933.

Govorchin G. From Russia to America with Love: A study of the Russian Immigrants in the United States [Text] / G. Govorchin. – Kingston, 1990.

Guins G. K. Professor and Government Official: Russia, China and California: an Interview / cond. By B. Raymond. The Bancroft Library. USA, 1966.

Hutchinson E. P. Immigrants and their children: 1850–1950 [Text] / E. P. Hutchinson. – N.-Y., 1956.

Johnston R. New Mecca. New Babylon. Paris and the Russian Exiles 1920–1945 [Text] / R. Johnston. – Kingston and Montreal, 1988.

Kennedy J. Nation of Immigrants [Text] / J. Kennedy. – N.-Y., 1959.

Koprivova Anastasie. Strediska ruskeho emigrantskeho zivota v Praze (1921–1952) [Text] / A. Koprivova. – Praha, 2001.

Ledrř Charles. Les йmigrйs russes en France : Ce qu'ils sont, ce qu'ils font, ce qu'ils pensent [Text] / Charles Ledrř. – Paris : Spes, 1930. – 288 с.

One America. The History, Contribution and Present Problems of our racial and national Minorities [Text]. – N.-Y., 1946.

Raeff M. Russia abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1919–1939 [Text] / M. Raeff. – N.-Y. : Oxford U.P., 1990.

Raymond B., Jones D. Timashev Nikolai [Text] / B. Raymond, D. Jones // The Russian Diaspora. 1917–1941. – Maryland-London, 2000.

Simpson J. The refugee problem. Report of a survey [Text] / J. Simpson. – L.-N.-Y.-Toronto, 1939.

Sorokin P. A. Gurvitch's Empirico-Realist Dialectic Sociology [Text] / P. A. Sorokin // Sociological Theories of Today. – N.-Y.-L.: Harper and Row Publishers, 1966.

Utechin S. V. Russian political thought. A consist history [Text] / S. V. Utechin. – N.-Y., 1963.

Volkman Y.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929 [Text] / Y.-E. Volkman. – Wьrzburg, 1966.

Williams R. C. Culture in Exile. Russian Emigrйs in Germany 1881–1941 [Text] / R.C. Williams. – Ithaca-New-York-London, 1972.

Лилић Б. Делатност народног универзитета предратне јужне Србије у Скопљу [Текст] / Б. Лилић // Вардарски зборник. – Београд, 2005. – № 4.

Любенова Л. Моите разговори // Доајенџт. Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски [Текст] / Л. Любенова. – Софија, 2004.

Ренненкампф Вл. Мojaта пљрвата среща съ С. С. Бобчевъ и моите пљрви впечатления въ София [Текст] / Вл. Ренненкампф // Юбилеенъ сборникъ издаденъ по инициативата на юридическия факултет при Софийския университетъ въ честь на С.С. Бобчев по случай петдесетгодишната му научна, публицистична и обществена дейность. – София, 1921.

Диссертационные исследования

Алдюхова Е. М. Социальный состав российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев: (по материалам анкетного обследования 1921–1923-х гг.) [Текст] / Е. М. Алдюхова: автореф. дис. ... к.и.н. – М., 1996.

Волошина В. Ю. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг. [Текст] / В. Ю. Волошина: автореф. дис. ... д.ист.н. – Омск, 2012.

Ефременко В. В. Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917–1939 годы [Текст] / В. В. Ефременко: автореф. дис. ... к.ист.н. – М., 2008.

Ковалев М. В. Научный быт русских историков-эмигрантов в Праге в 1920–1930-е годы [Текст]: автореф. дис. ... к.и.н. / М. В. Ковалев. – Саратов, 2009.

Кравец В. С. Либеральная интеллигенция русского зарубежья 20-х годов XX века о национально-государственном строительстве в пост-большевистской России [Текст] / В. С. Кравец: автореф. дис. ... к.и.н. Ростов-на-Дону, 2010.

Краснухина Е. К. Критический анализ социологии Ж. Гурвича [Текст] / Е. К. Краснухина : автореф. дис. ... к.филос.н. – Л., 1978.

Магуза А. О. Проблемы криминологии и теории уголовного права в свете научных воззрений представителей российской эмиграции первой половины XX столетия [Текст] / А. О. Магуза: автореф. дис. ... к.ю.н. – Рязань, 2012.

Обухова О. В. Русская эмиграция «первой волны» в Китае как политическое явление [Текст] / О. В. Обухова: автореф. дис. ... к.полит.н. – Уссурийск, 2007.

Петров Е. В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века [Текст] / Е. В. Петров: автореф. дис. ... д.и.н. – СПб., 2002.

Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века [Текст] / А. Б. Ручкин: автореф. дис. ... д.и.н. – М., 2007.

Чуньинь Чэ. Научно-образовательная и духовно-культурная деятельность российской диаспоры в Китае (1920–1940-е годы) [Текст] / Чэ Чуньинь: автореф. дис. ... к.и.н. – Владивосток, 2014.

Электронные ресурсы

- «Русская эмиграция» URL: <http://chss.irex.ru/db/zarub/view>
 Дальневосточное отделение Российской академии наук URL: <http://eps.dvo.ru>
 Русский путь URL: <http://www.rp-net.ru>
 Новый исторический Вестник. 2001. – № 1 URL: http://www.nivestnik.ru/2001_1/24.shtml
 Русская газета. 2005. № 40. URL: <http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/russian-in-usa>
 Русский иннок URL: <http://www.russian-inok.org/books>
 Континент. 2004. № 120 URL: <http://magazines.russ.ru>
 Издательство «Грамота». 2011. № 7. Ч. 3. URL: www.gramota.net/materials
 ХРОНОС URL: http://www.hrono.ru/dokum/192_19220629emigr
 Всемирная история и история России URL: <http://www.istmira.com/istnovei/russkie-istoriki-emigranty-v-evrope>
 Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэндфордского университета URL: <http://knigo.com/p/philos/ustryalov>
 Русский век. Портал для российских соотечественников URL: <http://www.ruvek.info/?action=view&id=6181&module=articles>
 Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник архивиста.ru» URL: <http://www.vestarchive.ru>
 Русский путь URL: <http://www.rp-net.ru>
 Электронная библиотека LikeBook. URL: <http://www.likebook.ru/book/view/174050>
 Электронная библиотека «Куча книг» URL: <http://kuchaknig.ru>
 Культурное наследие русской эмиграции в Китае : [электронный ресурс] : в 100 т. / главный составитель Ли Яньлин. – Электронные данные (488 Гб). [Б. м.], [2010]. 171 электрон. опт. диск.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Социокультурный феномен русского послереволюционного зарубежья	5
1.1. Русское зарубежье как единое социальное и духовное пространство	5
1.2. Русскоязычное печатное слово эмиграции в культурно-просветительской деятельности	28
Глава II. Научные учреждения и организации русского зарубежья	46
2.1. Институционализация русской науки в эмиграции	50
2.2. Культурно-просветительская деятельность русских ученых-эмигрантов	75
Глава III. Высшее юридическое и социально-гуманитарное образование в русском послереволюционном зарубежье	84
3.1. Русское студенчество в эмиграции	85
3.2. Высшие учебные заведения русской эмиграции в Европе	92
3.3. Профессиональная подготовка русского студенчества в странах юго-восточной Европы	97
3.4. Русский юридический факультет в Харбине	112
Заключение	130
Использованная литература	131

Научное издание

Хафизов Энгель Диньярович

**НАУЧНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОГО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Монография

Редактор Л. Т. Курбанова

Подписано в печать 24.04.2017 года

Гарнитура Times

Уч.-изд. л. 8,4

Тираж 35 экз.

Заказ № 47

Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 8,8

---

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*

*Отпечатано в группе оперативной и полиграфической печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*